

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ X, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ

Отъ Редакціоннаго Комитета. 1—4
Изъ прошлаго и настоящаго до-
исторической археологіи въ Европѣ.
1) Домстор. археологія въ Сканди-
навіи. И. С. 5—21
Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.
А. А. Спицына. 22—64
Мордва. Историко-этнографическій
очеркъ. Гл. I. И. Н. Смирнова. 65—79
Формы погребенія у современныхъ
и древнихъ народовъ Восточной Рос-
сіи. Камчадалы, Коряки, Чукчи, Яку-
ты, Гольды, Орофоны. 80—92
Хроника. Извѣстія о музеяхъ
Восточной Россіи въ 1891 г. Музей
Якутскій, Минусинскій, Тобольскій.
—Археологическія экспедиціи на Ор-
хонѣ и Яю. Новыя раскопки въ селѣ
Болгарахъ. Текущая дѣятельность
русскихъ ученыхъ общества. Сооб-

щенія М. Е. Евсеева, Д. П. Николь-
скаго, В. В. Латышева 93—111
Матеріалы. Мары въ Исар-
скомъ уездѣ П. И. Кожевникова.
—Городище въ дачѣ с. Большая То-
лаба. Зайцева. —Духовные стихи и
заговоры изъ рукописнаго сборника
XVIII в. А. С. —Проводы Костром-
вскихъ въ Самарск. губ. С. М. С.—во й.
—Изъ быта Вотляковъ Бирскаго у.
Г. А. Антѣева. 112—119
Библиографія. Матеріалы по
статистикѣ Вятской губ. Т. VI.
И. Смирнова. —Вятскій Кален-
дарь на 1892 г. Н. Т. —Сезу
Ид. 1891 г. кн. 1—2. Н. Тихова.
—Указатель статей по археологіи,
исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ
въ Казанск. Губ. Вѣдомостяхъ за
1843—91 гг. 120—131

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1892.

1700

1257M

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ВЪ 1892 г.

Съ 1892 г. „Извѣстія“ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ, приблизительно чрезъ каждыя два мѣсяца, книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки будутъ входить:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, переводенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, вывлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи;
- 7) Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Въ первыхъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Очеркъ развитія досторической археологiи въ Европѣ: а) археологiя въ Скандинавiи, б) Германiи и Австро-Венгрии, с) во Франции, д) въ Швейцарiи, Италии и Испании, е) въ Англии» Ш. С.; «Задачи и методы культурно-историческаго изслѣдованiя жилищъ» Н. З. Тихова; «Формы погребенiя у современныхъ и древнихъ народовъ Россiи» (Извлеченiя изъ извѣстій историковъ, путешественниковъ и этнографовъ; въ составленiи свода примутъ участiе А. К. Булагинъ, М. Н. Пинюгинъ, Н. Н. Смирновъ, Н. З. Тиховъ, Н. В. Траубенбергъ и др.) «Болгарскiй городъ Ошель и его окрестности» П. А. Пононарова; «Мечъ изъ древней могилы Спасскаго у. Кавказ. губ.» А. А. Штукенберга; «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Спицына; «Мордва. Историко-этнографическiй очеркъ» Н. Н. Смирнова; «Черемисы Арбанской волости» Н. Троицкой; «Заговоры и духовные стихи изъ рукописей прошлаго столѣтiя» А. Н. Соколова; «Программа для собранiя свѣдѣнiй объ ассимиляции инородцевъ Восточной Россiи» Н. Н. Смирнова.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб. Желающiе могутъ внести подписку сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительно члены Общества, внесшiе членскiй взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданiе бесплатно.

Подписныя сумми адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

«Извѣстiя» будутъ выходить подъ редакцiей Секретаря Общества при ближайшемъ участiи членовъ редакцiоннаго комитета.

Выписывающiе отдѣльно выпуска отъ Общества за перосылку не платятъ.

Члены редакцiоннаго комитета: Н. Н. Смирновъ, А. Н. Соколовъ.

Н. д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

ОТЪ РЕДАКЦИОННАГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И
ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Программа „Извѣстій“, предложенная нами Совѣту
Общества, утвержденная имъ и Общимъ Собраніемъ,
занимаетъ первыя страницы настоящаго выпуска.
Съ тѣмъ, какъ она осуществляется, читатель можетъ познако-
миться изъ просмотра книжки. Редакціонный Комитетъ считаетъ
необходимымъ выяснить, почему намѣченная программа приво-
дится въ исполненіе именно *такимъ образомъ*, и кстати дать
нѣсколько подробностей относительно тѣхъ пунктовъ ея, которые
формулированы слишкомъ сжато.

„Извѣстія“ посвящаются археологическому, историческому
и этнографическому изученію *Восточной Россіи*. Причины, въ
силу которыхъ для скромнаго провинціального изданія намѣчается
такое широкое поле дѣйствія, лежатъ въ мѣстныхъ условіяхъ.
Если бы Казанское ученое Общество захотѣло поставить своей
задачей изученіе во всѣхъ намѣченныхъ отношеніяхъ одной Ка-
занской губерніи, связь фактовъ заставила бы его выйти изъ
этихъ географическихъ предѣловъ: Булгарская культура увлекла
бы археолога съ одной стороны въ широкій районъ Чудской
культуры, который переходитъ за Уралъ, съ другой—въ область
Южнаго Поволжья; туда-же заставило бы обратить свои взоры
каждаго изслѣдователя изученіе вещественныхъ памятниковъ и
исторіи монголо-татарской эпохи. Этнографическое изученіе лю-
бой изъ нашихъ народностей: Чувашъ, Татаръ, Черемисъ, Ветя-
ковъ, Мордвы, Мещеряковъ (Мишарей) побудило бы также пере-
шагнуть административныя границы губерніи и продолжать свои

поиски на всемъ пространствѣ, сохранившемъ въ себѣ обломки Урало-Алтайскаго (Тюркскаго, Монгольскаго и Финскаго) міра. Рядомъ съ этими основами едва-ли есть нужда распространяться о другихъ, — о культурной и исторической роли Казани на Востокѣ Россіи, о слабомъ развитіи научныхъ интересовъ во многихъ городахъ и губерніяхъ края.

„Извѣстія“ предназначаются къ тому, чтобы быть объединяющимъ органомъ для всѣхъ одинокихъ труженниковъ науки, затерявшихся въ глуши нашихъ городовъ, городковъ и селъ. Ряды этихъ труженниковъ пока еще не велики; отдѣльные лица работаютъ другъ отъ друга на разстояніи сотенъ верстъ, работаютъ на ощупь, зачастую параллельно надъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ, не подозревая этого и не имѣя возможности помѣняться взглядами на планъ и детали изслѣдованія; ихъ труды остаются затѣмъ на долгіе годы, а подчасъ и навсегда, въ архивахъ столичныхъ учреждений, не давши авторамъ даже нравственнаго удовлетворенія. „Извѣстія“ ставятъ своей задачей созвать всѣхъ этихъ одинокихъ труженниковъ подъ одно знамя, объединить ихъ въ служеніи общей цѣли, ввести исподволь планообразность и цѣлесообразность въ ихъ работу, дать имъ возможность приложить свой трудъ къ разработкѣ нетронутаго матеріала и закрѣпить для науки каждый, хотя незначительный, но *новый* фактъ, констатированный ихъ наблюденіями.

Для осуществленія этой задачи „Извѣстія“ вводятъ въ свою программу статьи по исторіи и методологіи наукъ, дѣлу развитія которыхъ въ край они принимаютъ на себя обязанность служить, затѣмъ — программъ, библиографію, хронику и отдѣлы извлеченій изъ мѣстной періодической печати. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто всѣ новые археологическіе, историческіе и этнографическіе факты, случайно попадающіе на страницы мѣстныхъ газетъ. Для того чтобы читатель могъ легче въ нихъ разобраться, новые факты будутъ регистрироваться въ опредѣленной системѣ: археологическіе — по культурнымъ районамъ и періодамъ, историческіе — по мѣстностямъ и эпохамъ, этнографическіе — по народностямъ и отдѣльнымъ сторонамъ быта (принимается шесть группъ: I — исторія народности, II — ви́шній бытъ, III — семейныя и общественныя отношенія, IV — культъ усопшихъ, V — вѣрованія и религиозныя обряды, VI — произведенія народ-

наго творчества; къ концу года по этимъ категориямъ будетъ составляться указатель, который дастъ возможность узнать себя, что по какому вопросу за годъ стало извѣстно новаго).

На первыхъ порахъ въ „*Извѣстия*“ преимущественно будутъ заноситься факты изъ жизни тѣхъ народностей, относительно которыхъ лицамъ, принимающимъ участіе въ изданіи, извѣстна если не вся совокупность литературныхъ данныхъ, то по крайней мѣрѣ главная масса ихъ (Вотяки, Зыряне, Мордва, Пермьки, Татары, Черемисы, Чуваши). Съ теченіемъ времени явится, надѣмся, возможность распространить выборъ и на извѣстія относительно народностей Сибири, Средней Азии и Южнаго Поволжья.

Кромѣ свода текущихъ новостей изъ области мѣстной археологій, исторій и этнографій „*Извѣстия*“ будутъ давать по отдѣльнымъ вопросамъ своды фактовъ, уже опубликованныхъ въ различныхъ по большей части недоступныхъ для мѣстнаго изслѣдователя изданіяхъ. На первыхъ порахъ „*Извѣстия*“ оставляются на такой группѣ этнографическихъ фактовъ, которая имѣетъ значеніе для этнографа какъ матеріалъ для выводовъ, входящихъ въ область общей этнографіи, и для археолога—какъ то *известное*, отъ котораго онъ долженъ отправляться въ своихъ соображеніяхъ относительно матеріала, предлагаемаго раскопками. Могила, хранящая въ себѣ въ большей или меньшей цѣлости остатки отдаленныхъ культурныхъ эпохъ, составляютъ самый драгоценный видъ археологическаго матеріала: съ предметами обстановки они даютъ остатки ихъ обладателя. Первый вопросъ, который возникаетъ у изслѣдователя при видѣ раскрытой могилы, это вопросъ: представителю какого народа она принадлежитъ. Для рѣшенія его обращаются къ краниологій, къ исторіи. Никто не будетъ, надѣмся, оспаривать, что для изслѣдователя будетъ не лишней въ этомъ случаѣ и помощь этнографіи. Если изслѣдователь находитъ остатки трупоожженія въ области населенной Чукчами или Бурятами, которые сжигаютъ своихъ усопшихъ, онъ будетъ безъ справокъ съ исторіей и краниологіей вправѣ предположить, что данные остатки принадлежатъ этимъ народностямъ, и вопросъ будетъ сводиться только къ опредѣленію ихъ древности.

Имѣя въ рукахъ карту Восточной Россіи, на которой будетъ намѣчено современное распространеніе отдѣльныхъ погреб-

бальныхъ типовъ, располагая матеріаломъ для сужденія обь устойчивости и смѣнѣ этихъ типовъ во времени, археологъ будетъ съ значительной долей увѣренности оперировать надъ своимъ матеріаломъ. За сводомъ данныхъ относительно погребенія „Извѣстія“ дадутъ другой сводъ, также не лишенный интереса для археолога,—о земляныхъ укрѣпленіяхъ у народовъ Восточной Россіи. Принципъ равномернаго вниманія къ текущему матеріалу и достоянію прошедшаго, приложенный къ составленію сводовъ, будетъ имѣть мѣсто и въ библіографіи. На страницахъ „Извѣстій“ за отчетами о литературныхъ новостяхъ будутъ помѣщаться указатели археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ статей, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ мѣстныхъ изданіяхъ за все время ихъ существованія.

И. Смирновъ.

А. Соколовъ.

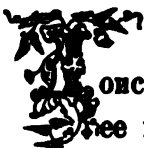
К. Мусовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВЪ ЕВРОПѢ.

1) Доисторическая археологія въ Скандинавіи *).

Доисторическая археологія или палео-этнологія, какъ ее называютъ иногда въ Италіи и Франціи, представляетъ собою самую молодую отрасль исторіи человѣческой культуры. Ея задачи и методы изслѣдованія только еще складываются; самое право ея на существованіе представляется спорнымъ не только большой публикѣ, которая подчасъ видитъ въ ней особый родъ спорта, но даже отдѣльнымъ корифеямъ современной исторической науки. Извѣстный Моммсенъ называлъ ее однажды наукой, для которой не нужно знать ни греческаго, ни латинскаго, невнимнымъ развлеченіемъ для участковыхъ врачей, школьныхъ учителей, полковниковъ въ отставкѣ и выслужившихъ пенсію пасторовъ. Для людей, у которыхъ хватаетъ смѣлости посвятить себя далеко еще не всѣмъ признанной отрасли знанія, существенно важно знакомство съ ея общимъ положеніемъ, съ ея главными борцами и завоеваніями. Это знакомство можетъ расширить кругозоръ собирателя или изслѣдователя, дать ему

*) Матеріалами для составленія этого очерка послужили статьи L. Undset's «Le préhistorique Scandinave» въ «Revue d'anthropologie» (1887 2; 1889, № 6) и обстоятельные рефераты о новостяхъ скандинавской археологической и этнологической литературы, помѣщаемые Іоганной Месторфъ въ «Archiv für Anthropologie» (1870—1890).

увѣренность въ томъ, что какъ-бы ни были незначительны на видъ результаты его дѣятельности, въ общей суммѣ знанія они все же имѣютъ свою цѣну. Изъ тѣснаго круга, гдѣ вещи видны только въ ихъ отдѣльности, оно подниметь какогонибудь глазоваго или чердынскаго труженика на высоту, съ которой эти вещи представляются кусками громадной и глубоко интересной по своему содержанію картины. Не всякому желающему по нашимъ мѣстнымъ условіямъ оказывается, въ сожалѣнію, возможнымъ такого рода знакомство: на громадную территорію отъ Нижняго до береговъ Великаго Океана приходится двѣ бібліотеки, въ которыхъ можно найти — и то ничтожную часть — изданій, посвященныхъ доисторической археологіи. Большая часть нашихъ мѣстныхъ работниковъ никогда не видала этихъ бібліотекъ и по условіямъ своего положенія едва-ли когда окажется въ состояніи ихъ увидѣть. Помочь имъ, хотя бы въ самой скромной степени, является цѣлью нашихъ очерковъ и нашимъ оправданіемъ предъ специалистами, которые не найдутъ въ нихъ для себя ничего новаго. Мы начинаемъ свой обзоръ съ Скандинавіи — не потому, что она къ намъ всего ближе, а потому, что ея условія имѣютъ болѣе всего общаго съ нашими. Доисторическій періодъ Скандинавіи ближе всего къ нашему историческому времени: моложе его является только доисторіа нашего Сѣвера и Сибири.

Зарожденіе Скандинавской палео-этнологіи коренится въ томъ патріотическомъ, національномъ возбужденіи, которое охватило германскій міръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и породило всестороннее изученіе родной старины. Королевскимъ декретомъ 22 мая 1807 г. въ Давіи была учреждена коммиссія, на которую возлагалась обязанность сформировать музей національныхъ древностей въ Копенгагенѣ, принять подъ свою охрану уцѣлѣвшіе еще памятники старины и разъясненіемъ ихъ значенія предупредить ихъ дальнѣйшую гибель. Въ числѣ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этой коммиссіи находился историкъ Ведель Симонсенъ. Онъ совершилъ по ея порученію цѣлый рядъ экспедицій и имѣлъ возможность ознакомиться съ

разнаго рода находками на мѣстѣ. Въ 1813 г. онъ выпустилъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Обзоръ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ періодовъ національной исторіи“. Въ одной изъ главъ этого труда—о древнѣйшихъ обитателяхъ Сѣвера—онъ касается такъ называемыхъ каменныхъ орудій. Въ противоположность общепринятому мнѣнію, что это принадлежности древняго религіознаго культа, с и м в о л ы боговъ, Ведель высказалъ здѣсь мысль, что это орудія изъ эпохи, когда еще неизвѣстны были металлы. „Древнѣйшія орудія Скандинавовъ, говоритъ предтеча скандинавской археологіи, были изъ камня и дерева. Потомъ они научились обрабатывать мѣдь — какъ это видно изъ попадающихся въ землѣ мѣдныхъ топоровъ — и наконецъ желѣзо. Исторія ихъ культуры можетъ такимъ образомъ быть раздѣлена на каменный, мѣдный и желѣзный вѣка“.— Въ подтвержденіе своей гипотезы Ведель ссылается на явленія быта современныхъ дикарей. Данныя современной этнологіи легли такимъ образомъ въ основаніе новой науки. Аналогія я русовъ прошедшаго съ п о я с а м и настоящаго является въ началѣ и остается до сихъ поръ однимъ изъ существеннѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ для палео-этнолога. Идея Веделя въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Христіанъ Томсенъ, назначенный въ 1816 г. директоромъ Королевскаго музея древностей въ Копенгагенѣ, сдѣлалъ въ 1825 г. первый крупный шагъ для провѣрки теоріи Веделя: онъ началъ группировать древности, собранныя въ музеѣ, по тремъ намѣченнымъ Веделемъ періодамъ. Примѣру Томсена послѣдовали въ 1828 г. Кейзеръ въ Христіаніи, въ 1833 г. Гильдебрандъ, назначенный директоромъ музея древностей въ Стокгольмѣ. Съ началомъ 30-хъ годовъ онѣ получаютъ общее признаніе. На изученіи Копенгагенскаго и Стокгольмскаго музеевъ воспитались первые скандинавскіе теоретики археологіи—глава датскихъ археологовъ Ворсо и шведъ зоологъ Свенъ Нильсонъ. Нильсонъ дебютировалъ въ 1834 г. замѣчательнымъ культурно-историческимъ сочиненіемъ „Очеркъ исторіи охоты

и рыбной ловли въ Скандинавіи". Здѣсь онъ рисуетъ между прочимъ бытъ рыбаковъ каменнаго вѣка и опредѣляетъ назначеніе различныхъ каменныхъ орудій, руководствуясь, какъ и Ведель, явленіями быта современныхъ дикарей — между проч. сосѣднихъ Эскимосовъ. Эти взгляды нашли свое дальнѣйшее развитіе въ классическомъ сочиненіи Нильсона „Первые обитатели Скандинавскаго Сѣвера“ (1838—1843). Здѣсь примѣненіе сравнительнаго метода къ археологій проведено еще шире. Здѣсь-же впервые была поставлена археологамъ новая задача — опредѣлить условія, благодаря которымъ совершалась въ Скандинавіи смѣна одной культуры другой. Нильсонъ высказалъ мысль, что смѣна культуръ находится въ связи съ смѣной народностей: люди каменнаго вѣка были родичами Гренландскихъ Эскимосовъ, бронзу принесли съ собой на полуостровъ Кельты. Во второмъ изданіи своего труда Нильсонъ измѣнилъ свой взглядъ по отношенію къ бронзовому вѣку и выступилъ съ теоріей о финикійскомъ происхожденіи европейской бронзы: Финикіяне черезъ посредство своихъ колоній распространили бронзу и на Скандинавскій Сѣверъ: здѣсь бронза вымѣнивалась на янтарь. Потомковъ Финикіянъ Нильсонъ находилъ въ части обитателей Шонія.

Три года спустя послѣ выхода въ свѣтъ первой работы Нильсона доисторическая археологія въ Скандинавіи приобрѣла новаго крупнаго работника. Зоологъ Стеенструпъ обратилъ вниманіе на кучи раковинъ и костей, которыя встрѣчались во многихъ возвышенныхъ пунктахъ Даніи. Въ компаніи съ Ворсо Стеенструпъ занялся изученіемъ этихъ кучъ и пришелъ къ убѣжденію, что они представляютъ собою остатки пищи первобытныхъ обитателей Скандинавіи — Kjaekkenmoeddings (кухонные остатки). Анализъ ихъ содержанія показалъ, что народъ, оставившій ихъ послѣ себя, не зналъ домашнихъ животныхъ кромѣ собаки, не имѣлъ другихъ орудій кромѣ каменныхъ, и жилъ еще въ такую пору, когда въ Даніи была нѣсколько иная флора и исчезающая теперь фауна. Открытіе Стеенструпа составляетъ гордость датской археологій.

Маленькая книжка, вышедшая въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Датская старина, разъясненная могилами и находками“, поставила молодого (ему не было тогда еще 21 года) Ворсо во главѣ датскихъ археологовъ. Въ этой книжкѣ былъ подведенъ итогъ тѣмъ культурно-историческимъ выводамъ, которые оказалось возможнымъ сдѣлать на основаніи собранныхъ фактовъ. Путешествія по Германіи, Франціи, Англій и Ирландіи дали Ворсо почву для введенія въ доисторическую археологію сравнительнаго метода и для постановки вопросовъ объ отношеніяхъ скандинавскихъ древностей къ европейскимъ. Въ 1854—1859 гг. Ворсо издаетъ археологическій атласъ („Nordiske Oldsager“), который сдѣлался образцомъ для подобныхъ же изданій въ остальной Европѣ. Въ текстѣ этого изданія Ворсо выступилъ съ опытомъ хронологіи доисторическихъ древностей. Древности желѣзнаго вѣка онъ раздѣляетъ на два періода—ранній, который характеризуется присутствіемъ въ могилахъ рядомъ съ костяными и желѣзными орудіями римскихъ монетъ (до начала VI в. по Р. Х.), и поздній—чисто германскаго происхожденія. Въ тоже время въ особомъ мемуарѣ онъ внесъ хронологическое распредѣленіе въ періоды камня и бронзы. Каменный вѣкъ былъ раздѣленъ на періодъ кухонныхъ остатковъ и періодъ дольменовъ—признаками перваго явилось отсутствіе въ кучахъ костей иныхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки, и оббивной типъ каменныхъ орудій, признаками второго—присутствіе костей домашнихъ животныхъ и шлифованныя орудія изъ камня; бронзовый вѣкъ былъ раздѣленъ на періоды по типамъ погребенія: древнѣйшій — съ погребеніемъ цѣльнаго трупа и позднѣйшій — съ трупосожженіемъ.

Томсенъ, Нильсонъ, Стеенструпъ, Ворсо, Гильдебрандъ составляютъ первое поколѣніе скандинавскихъ археологовъ. Большая часть ихъ сошла уже въ могилу, воспитавши плеяду новыхъ дѣятелей. Представителями второго поколѣнія являются въ Швеціи Гансъ Гильдебрандъ и Оскаръ Монтелиусъ, въ Даніи Софусъ Миллеръ, въ Норвегіи Ингвальдъ Ундсетъ. Отличительной чертой этого поколѣнія является стремленіе къ

широкому, сравнительному изученію археологическаго матеріала. Въ то время какъ Стеенструпъ, Борсо, Нильсонъ изучали главнымъ образомъ явленія прошлаго родной страны, младшее поколѣніе выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ Скандинавіи и вводитъ въ сферу своего изученія доисторическія эпохи на всемъ пространствѣ Стараго Свѣта. Ревнивые къ своей ученой славѣ Нѣмцы оказываются вынужденными признать, что лучшими знатоками европейскаго бронзоваго и желѣзнаго вѣка оказываются Монтелиусъ, Ундсетъ и С. Мюллеръ. Широкая сфера изслѣдованій дѣлаетъ ихъ отчасти космополитами: они участвуютъ въ итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ изданіяхъ и пишутъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ (Ундсетъ). Почва для такого направленія была уже подготовлена старымъ поколѣніемъ: Томсенъ еще въ 1837 г. говорилъ объ общности бронзовой культуры для всей Европы, Нильсонъ — объ ея восточномъ происхожденіи, Борсо ввелъ сравнительный методъ въ изученіе археологическаго матеріала.

Задачи, занимавшія первое поколѣніе скандинавскихъ археологовъ, перешли по наслѣдству ко второму: младшіе археологи Скандинавіи также занимаются вопросами классификаціи и происхожденія скандинавскаго бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Старая идея о связи между смѣной культуръ и смѣной народностей нашла приверженцевъ и среди представителей новаго поколѣнія. Въ 1872 г. вышла книга „Шведскій народъ въ періодъ язычества“. Авторъ ея Г. Гильдебрандъ широко пользуется данными археологій. Принимая дѣленіе желѣзнаго вѣка, предложенное Борсо, онъ высказываетъ предположеніе, что первый періодъ желѣзнаго вѣка въ Скандинавіи принадлежитъ Готамъ, второй — Шведамъ, которые ихъ покорили подъ свою власть. Энгельгартъ, въ сочиненіи „Могины доисторическаго желѣзнаго вѣка въ Ютландіи“ (1881), также склонился къ предположенію, что смѣна культуръ въ Скандинавіи явилась результатомъ смѣны народностей. Бронзу принесли на С. Кельты, желѣзо — Римляне.

Рядомъ съ развитіемъ старыхъ идей мы должны отмѣтить и зарожденіе новыхъ. Энергическимъ противникомъ ученія о связи культурныхъ эпохъ съ смѣной народностей является О. Монтелиусъ. Лучшій знатокъ бронзоваго вѣка въ цѣлой Европѣ, Монтелиусъ является съ 1872 г. горячимъ приверженцемъ новаго, типологическаго направленія въ изслѣдованіи археологическаго матеріала ¹⁾. Сущность своего направленія Монтелиусъ изложилъ въ статьѣ „Матеріалъ и методъ доисторическаго изслѣдованія“ („Den förhistoriska fornforskarens Metod och material“. Ant. Tidskr. för Sverige. VIII, 3. 1884).—Археологическій матеріалъ слѣдуетъ классифицировать, подобно естественно-научному, на группы по степени сходства: тому, чѣмъ является въ естествознаніи видъ, въ археологіи соответствуетъ типъ. Въ отношеніяхъ одного типа къ другому можно отмѣтить тотъ-же процессъ развитія: сложныя и позднѣйшія формы развиваются изъ простѣйшихъ и болѣе раннихъ; какъ виды органическаго міра, типы созданій человѣческаго труда въ своемъ развитіи подчиняются опредѣленнымъ законамъ. Измѣненія, которымъ они подвергаются, происходятъ съ той-же медленностью и также незамѣтно, какъ измѣненія въ органическомъ мірѣ. Старыя формы держатся долгое время рядомъ съ новыми. Съ установленіемъ отношеній развитія между типами является возможность для относительной хронологіи. Встрѣтивъ двѣ могилы съ различнымъ различіемъ типовъ, изслѣдователь пріобрѣтаетъ возможность опредѣлить, какая изъ нихъ древнѣе другой. Популярное примѣненіе своего метода къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ скандинавской археологіи Монтелиусъ далъ въ статьѣ „О прибытіи нашихъ предковъ на Сѣверъ“. Точкой отправленія для него является моментъ исторически констатированнаго пребыванія на Скандинавскомъ полуостровѣ германскаго племени. Монтелиусъ намѣчаетъ типы желѣзныхъ орудій этого

¹⁾ Первые основанія его были намѣчены въ 60-хъ годахъ англичаниномъ Лаво Река.

періода и, запасшись этимъ критеріемъ, приступаетъ къ изслѣдованію всѣхъ доисторическихъ памятниковъ Скандинавіи, задаваясь по отношенію къ каждой группѣ вопросомъ, свидѣтельствуетъ-ли она о новой народности. Шагъ за шагомъ углубляясь въ прошедшее, онъ приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что Германцы являются обитателями Скандинавіи съ начала второго періода каменнаго вѣка. Тамъ, гдѣ по образному выраженію шведскаго археолога предшествовавшіе изслѣдователи видѣли издали три изолированныхъ вершины, онъ при ближайшемъ изслѣдованіи нашелъ связную цѣпь. Монтеліусъ начинаетъ съ высказанной Гильдебрандомъ гипотезы о томъ, что Шведы пришли въ Скандинавію во второй, поздній періодъ желѣзнаго вѣка. Этотъ періодъ не отличается однако отъ ранняго ни рѣзкой переменой въ способѣ погребенія, ни содержаниемъ могилъ. Многія изъ важнѣйшихъ типическихъ формъ находокъ, относящихся къ нему, развились изъ типовъ предшествовавшаго ранняго желѣзнаго періода. Являются, правда, и новыя формы, но онѣ проникли путемъ торговыхъ сношеній съ Арабами и другими народами. Замѣченъ новыя мотивы въ орнаментикѣ, но появленіе ихъ говоритъ только о вліяніи, которое имѣли на викинговъ обитатели тѣхъ странъ, куда они предпринимали свои походы, какъ напр. Ирландіи. Даже руны, въ формахъ которыхъ усматриваютъ одно изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ о появленіи новой народности,—даже онѣ произошли изъ рунъ предшествовавшаго желѣзнаго періода. Германцы были, такимъ образомъ, обитателями Скандинавіи въ теченіе всего желѣзнаго вѣка. Не были-ли они народомъ, который принесъ съ собой желѣзо, не принадлежали-ли люди бронзоваго вѣка къ какому нибудь другому племени? Этотъ вопросъ многіе склонны рѣшать въ положительномъ смыслѣ: желѣзный вѣкъ Скандинавіи отличается отъ бронзоваго не одной переменной металла; съ желѣзомъ является новый способъ погребенія, возникаетъ употребленіе серебра, стекла, зараждается искусство паять и золотить металлы, орудія приобрѣтаютъ новыя формы и новую

орнаменту; съ началомъ желѣзнаго вѣка, наконецъ, является письмо (руны), неизвѣстное людямъ бронзоваго вѣка.

Не отрицая всѣхъ этихъ фактовъ, Монтелиусъ высказывается однако за тожество населенія Скандинавіи въ бронзовый и желѣзный вѣкъ. Масса новыхъ культурныхъ элементовъ объясняется проникновеніемъ римской цивилизаціи, но желѣзо извѣстно было въ Скандинавіи до Римлянъ, и вотъ памятники этого-то древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ. Раскопками Веделя на островѣ Борнгольмѣ констатированъ далѣе переходный періодъ отъ желѣзнаго вѣка къ бронзовому; позднѣе подобныя находки сдѣланы были и въ другихъ частяхъ Скандинавіи. Все, что современная археологія знаетъ объ этомъ переходномъ періодѣ, рѣшительно противорѣчитъ общепринятому мнѣнію объ условіяхъ появленія въ Скандинавіи желѣза,—и въ бронзовый періодъ, стало быть, Скандинавію населяли Германцы. Подтверженіемъ этого является и то обстоятельство, что произведенія бронзоваго вѣка Скандинавіи отличаются значительнымъ сходствомъ съ таковыми же произведеніями Германіи и Венгріи, которая въ эпоху Геродота принадлежала Германцамъ (Славяне въ бронзовый періодъ не двигались еще съ В.). Южная Германія, Швейцарія, Франція и Британскіе острова составляютъ, по его мнѣнію, особую область бронзовой культуры — кельтскую. Венгерскія бронзы Монтелиусъ называетъ южно-германскими, нѣмецкія и скандинавскія — сѣверо-германскими.

Углубляясь далѣе въ прошедшее, Монтелиусъ отвергаетъ и другое, распространенное въ скандинавской литературѣ убѣжденіе, что бронзу принесли съ собой въ Скандинавію новый народъ, который покорила подъ свою власть дикарей каменнаго вѣка. Въ основаніи стараго убѣжденія лежала увѣренность, что съ возникновеніемъ бронзовой культуры на скандинавскомъ Сѣверѣ связана рѣзкая перемѣна въ формахъ погребенія. вмѣсто могилъ съ погребенными въ нихъ трупами въ бронзовый вѣкъ являются могилы съ урнами, содержащими въ

себѣ пепель сожженныхъ покойниковъ. Съ теченіемъ времени выяснилось однако, что могилы съ трупосоженіемъ относятся къ позднѣйшему періоду бронзоваго вѣка, въ началѣ же его умершіе погребались несожженными въ деревянныхъ гробахъ или ящикахъ, сложенныхъ изъ камней. И здѣсь оказался переходный періодъ. Даже устройство могилъ носятъ на себѣ слѣды медленнаго перехода отъ одного типа погребенія къ другому. При трупосоженіи для урны и кучки костей нѣтъ нужды въ большой могилѣ, — въ поздній періодъ бронзоваго вѣка могилы дѣйствительно отличаются небольшими размерами; но въ началѣ періода для остатковъ сожженнаго трупа — очевидно подъ вліяніемъ старой привычки — дѣлалась еще могила, которая была достаточна для погребенія цѣлаго трупа. Монтелиусъ видитъ въ этомъ фактѣ доказательство того, что одинъ и тотъ-же народъ исподволь мѣнялъ формы погребенія. Содержимое тѣхъ и другихъ могилъ — оружіе, украшенія — своей тождественностью также говоритъ въ пользу этого взгляда. Въ концѣ каменнаго вѣка, стало быть, въ Скандинавіи жилъ тотъ-же народъ, что и въ теченіе всего бронзоваго. Сравненіе череповъ каменнаго періода съ черепами бронзоваго также говоритъ о тождественности населенія. Но тѣ-же черепа каменнаго вѣка говорятъ, что Германцы нашли Скандинавію уже населенной, — и этими старѣйшими насельниками могли быть представители финскаго племени. Германцамъ въ Скандинавіи принадлежитъ поздній періодъ каменнаго вѣка — періодъ долменовъ и другихъ большихъ каменныхъ гробовъ.

Капитальнымъ пробнымъ камнемъ для метода Монтелиуса является, конечно, его сочиненіе „Періоды бронзоваго вѣка“. Здѣсь на основаніи изученія формъ онъ приходитъ къ убѣжденію въ необходимости раздѣлить бронзовый вѣкъ на шесть періодовъ: въ какомъ отношеніи стоятъ они одинъ къ другому можно видѣть изъ того, что вещи 1-го періода не встрѣчаются никогда съ вещами 3, 2-го съ вещами 4, 3 съ вещами 5 и 4 съ вещами 6; сосуществованіе типовъ замѣчается только между стоящими рядомъ періодами. Типологическое изслѣдова-

не даетъ автору возможность установить не только относительную, но и абсолютную хронологию для отдѣльныхъ формъ бронзоваго вѣка: 5-й періодъ Скандинавскихъ бронзъ по своимъ формамъ совпадаетъ съ греческими и италійскими и можетъ быть отнесенъ къ половинѣ 8-го вѣка до Р. Х.,—первый онъ относить къ половинѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. „Періоды бронзоваго вѣка“ являются однимъ изъ лучшихъ образчиковъ новѣйшаго направленія скандинавской археологіи и вполне объясняютъ, почему скандинавскіе археологи идутъ во главѣ европейскихъ. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ о вліяніи Египта на бронзовый вѣкъ Европы, Монтелиусъ дѣлается египтологомъ, критически изучаетъ источники, которыми опредѣляется древность желѣза въ Египтѣ, и приходитъ къ заключенію, что бронзовый вѣкъ Египта совпадаетъ по времени съ бронзовымъ вѣкомъ Европы; предметы поздняго бронзоваго вѣка Египта по своимъ формамъ совпадаютъ съ предметами, найденными въ Тиринсѣ и Микенахъ. Продолжая свое изслѣдованіе, Монтелиусъ вступаетъ въ область классической археологіи, затрогиваетъ вопросы о происхожденіи и относительной древности орнаментальныхъ мотивовъ—спирали и такъ называемаго мѣандра (второй—развитіе перваго).

Методъ Монтелиуса встрѣтилъ сочувствіе въ части скандинавскихъ археологовъ младшаго поколѣнія. Въ 1884 онъ былъ приложенъ датскимъ ученымъ Петерсеномъ къ изученію могилъ. Въ переведенной на нѣмецкій языкъ статьѣ „О различныхъ формахъ могилъ каменнаго вѣка и ихъ взаимномъ отношеніи“ Петерсенъ изслѣдуетъ развитіе могилы въ каменномъ вѣкѣ. Слѣдуя принципу типологическаго направленія, Петерсенъ прежде всего устанавливаетъ основные типы, подъ которые подходят могилы каменнаго вѣка, затѣмъ—переходныя формы отъ одного типа къ другому и опредѣляетъ первичную форму, изъ которой путемъ послѣдовательнаго развитія произошли остальные. Задача, которую взялъ на себя датскій ученый, представляла ему значительныя затрудненія. При типологическомъ изслѣдованіи распредѣленіе формъ по

времени ихъ возникновенія опредѣляется отношеніемъ формъ изслѣдуемаго періода къ формамъ предшествующаго и формамъ послѣдующаго: древнѣйшими при этихъ условіяхъ считаются тѣ, которыя оказываются близкими къ формамъ предшествующаго періода. По отношенію къ могиламъ каменнаго вѣка одному изъ этихъ требованій оказалось невозможнымъ удовлетворить: могилъ изъ древнѣйшей эпохи — „кухонныхъ остатковъ“ („kjökkenmaedding“) до сихъ поръ не найдено. Для сопоставленія открытымъ остается только послѣдующій бронзовый періодъ. Со стороны содержанія могилъ также оказались затрудняющія обстоятельства. Раскопки показали, что одна и таже могила служила людямъ каменнаго и бронзоваго вѣка; надъ скелетомъ, окруженнымъ каменными орудіями, зачастую находили урну, наполненную пепломъ, костями и рядомъ—орудія изъ бронзы. Люди бронзоваго вѣка охотно пользовались круглыми курганами, которые возвышались надъ древнѣйшими могилами каменнаго вѣка, чтобы зарывать въ нихъ урны съ прахомъ своихъ усопшихъ. Петерсенъ приходитъ однако къ опредѣленнымъ заключеніямъ относительно порядка, въ которомъ могильныя формы слѣдовали одна за другой, выйдя съ своимъ изслѣдованіемъ за предѣлы Даніи и Скандинавіи вообще. Древнѣйшей формой онъ признаетъ ту, которая оказывается распространенной за предѣлами Скандинавіи: въ Голландіи, Бретани и на Британскихъ островахъ. Она выработалась тамъ на Ю. прежде, чѣмъ культура каменнаго вѣка проникла въ Данію. Это—такъ называемая Gangbaу, въ которой Петерсенъ вмѣстѣ съ Монтелиусомъ и Нильсономъ видятъ нѣкотораго рода имитацію эскимосскому жилищу ¹⁾. Третьей по порядку формой—и формой, разившейся уже исключительно въ Скандинавіи—П. считаетъ 6-и, 5-и или 4-хъ стороннюю камеру въ человѣческой ростъ длиной съ выраженнымъ или невыра-

¹⁾ Изслѣдованіе могильныхъ формъ приводитъ такимъ образомъ нѣкоторые скандинавскіе археологи къ теоріи, противъ которой ратовалъ Версо въ своемъ сочиненіи «О древнѣйшихъ обитателяхъ Скандинавіи и сѣверо-западной Россіи»—къ теоріи заселенія Скандинавіи съ Ю. З.

женнымъ ходомъ. Изъ послѣдней формы развился каменный ящикъ, который переходитъ уже въ бронзовую эпоху. Черезъ посредство финляндскихъ ученыхъ идеи Монтелиуса проникли и на русскую почву. На бывшемъ въ Казани въ 1877 г. IV русскомъ археологическомъ съѣздѣ гельсингфорскій проф. Аспелинъ прочелъ рефератъ: „О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ“. Рефератъ этотъ представляетъ приложеніе типологическаго метода къ изслѣдованію русскаго археологическаго матеріала.

Встрѣтивъ сочувствіе со стороны начинающихъ ученыхъ, методъ Монтелиуса подвергся ѣдкой критикѣ со стороны соперниковъ—корифеевъ. Софусъ Мюллеръ въ своей статьѣ: „Мелкія замѣтки по вопросу о методѣ доисторической археологіи“ старается доказать, 1) что методъ Монтелиуса не новъ: т и п ы замѣчены были уже Томсеномъ и Ворсо; 2) что стремленія для всякаго рода издѣлій замѣчать основные и побочные типы, слѣдить за тѣмъ, какъ, слѣдуя извѣстнымъ законамъ, послѣдніе развиваются изъ первыхъ, можетъ приводить къ ошибкамъ. Для опредѣленія хронологическихъ отношеній онъ считаетъ необходимымъ звать, когда, гдѣ, какъ и съ какими другими вещами найденъ извѣстный предметъ. При отсутствіи всѣхъ этихъ условій типологическій методъ годенъ, по мнѣнію датскаго ученаго, только для того, чтобы ставить неосновательныя гипотезы, и откыриваетъ просторъ для произвола и субъективныхъ соображеній.

Всего яснѣе ошибки Монтелиуса С. Мюллеръ считъ возможнымъ показать на изслѣдованіи бронзоваго вѣка, въ числѣ первыхъ зватокоеъ котораго онъ является рядомъ съ Монтелиусомъ и Ундсетомъ. Въ XV т. *Archiv für Anthropologie* (1884) напечатана его статья: „О происхожденіи бронзовой культуры въ Европѣ“. Мюллеръ характеризуетъ въ ней одинъ за другимъ южные центры бронзовой культуры въ Европѣ: Микены и Олимпію въ Греціи, Кобанъ и Самтарво на Кавказѣ, и приходитъ къ заключенію, что средне-европейская и сѣверная

бронзовая культура не имѣетъ въ основныхъ чертахъ ничего общаго съ южной. Греческая культура представляетъ собою египетскую, пересаженную при посредствѣ финикійской, кавказская рядомъ съ слѣдами вліянія греко-египетскихъ формъ обнаруживаетъ слѣды ассирійскаго вліянія, которое отсюда распространяется до Крыма. Среднеевропейская бронзовая культура также не самобытна, но ея источники не на Югѣ Европы, а на Ю. В. Азіи; звеномъ, соединяющимъ ее съ бронзовой культурой Китая и Японіи, является бронзовая культура Сибири. Вопросъ объ отношеніи средневропейской, точнѣе—венгерской бронзовой культуры къ сибирской и даетъ Мюллеру возможность указать недостатки чисто-типологическаго направленія. Матеріаломъ для демонстраціи являются венгерскіе и сибирскіе бронзовые кельты. Съ точки зрѣнія развитія формъ сибирскіе кельты представляютъ дальнѣйшее развитіе венгерскихъ. Руководствуясь отношеніемъ формъ, слѣдовало-бы признать, что бронзовая культура началась въ Венгрии и распространилась на Сибирь, но противъ такого заключенія говорятъ всѣ остальные данныя, которыми опредѣляется отношеніе европейской бронзовой культуры къ внѣ-европейскимъ — распространеніе сибирской формы кельта на всемъ востокѣ Азіи, азіатское происхожденіе формъ и орнаментальныхъ мотивовъ. Такимъ же рѣшительнымъ противникомъ односторонняго типологическаго направленія, какъ и С. Мюллеръ, является самый крупный представитель порвежской археологіи Ингвальдъ Ундсетъ. Споръ о достоинствахъ новаго метода между скандинавскими учеными еще не конченъ. Есть причины думать, что выводы, сдѣланные исключительно на основаніи взаимнаго отношенія формъ, будутъ оспариваться и впредь, но за Монтелиусомъ все-же останется заслуга блестящаго, хотя можетъ быть и слишкомъ исключительнаго, примѣненія теоріи развитія къ археологическому послѣдованію.

Сжатый очеркъ скандинавской археологіи показываетъ, что въ этой области знанія скандинавскіе ученые являются передовыми дѣятелями и учителями. Главную причину этого

явленія они сами видятъ въ ростѣ своихъ археологическихъ музеевъ. „Гдѣ нѣтъ музеевъ, тамъ нельзя учить и учиться археологій, тамъ не могутъ вырастать археологи“, говоритъ Ундсетъ въ своей статьѣ „Сѣверная и средне-европейская археологія“. И Ундсетъ правъ: трудно указать въ Европѣ край, гдѣ музеи находились-бы въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ скандинавскихъ государствахъ. Здѣсь соединились всѣ условія для ихъ развитія: широкая помощь государства, матеріальная и духовная поддержка общества, обширныя знанія и неутомимая энергія лицъ, поставленныхъ во главѣ этихъ учрежденій. Развитію музеевъ способствовало еще одно случайное, но въ высшей степени благоприятное обстоятельство: лица завѣдывавшіе музеями, отличались замѣчательной долголѣтностью: Томсенъ сдѣлался директоромъ доисторическаго музея въ Копенгагенѣ въ 1816 г. и оставался въ этомъ званіи до 1865 г.; его смѣнилъ Ворсо, который умеръ въ 1885 г. Въ Стокгольмѣ В. Гильдебрандъ завѣдывалъ доисторическимъ музеемъ съ 1833 г. до 1879 и передалъ его въ руки своего сына, извѣстнаго историка и археолога Ганса Гильдебранда; въ Христіаніи музей съ 1828 до настоящаго времени находился въ рукахъ всего двухъ лицъ Кейзера (до 1862) и Рига, кажется—до настоящаго времени. Въ рукахъ этихъ дѣятелей музеи Скандинавіи сдѣлались настоящими школами, изъ которыхъ люди науки выносили новыя идеи, а публика—сознаніе національной важности этихъ учрежденій и готовность служить имъ. Первый организаторъ Копенгагенскаго музея Томсенъ былъ убѣжденъ, что музеи существуютъ не для касты ученыхъ, а прежде всего—для народа, который можетъ выставить самыхъ преданныхъ и горячихъ работниковъ, когда пойметъ ихъ значеніе и заинтересуется ими,—и расчеты Томсена оказались вѣрными; развиваемая учеными и талантливыми хранителями, комментаторами музейскихъ собраній, датская и вообще скандинавская публика сдѣлала музеи своимъ любимымъ дѣтищемъ.

Въ какой степени она принимаетъ участіе въ нихъ, можетъ показать слѣдующій фактъ. Въ 1880 г. въ окрестностяхъ

Гокстада въ Норвегiи раскопками громаднаго кургана былъ обнаруженъ прекрасно сохранившійся корабль, на которомъ былъ погребенъ викингъ: на кораблѣ была устроена деревянная палатка; въ ней, на деревянной кровати, покрытой берестой, былъ положенъ владѣлецъ; около него — множество посуды, оружіе, остатки одежды, рѣзвая деревянная посуда; рядомъ съ кораблемъ викинга лежали обломки лодокъ и кости 12 лошадей. Погребеніе представило собою блестящую иллюстрацію къ рассказамъ сагъ. Въ Христiанiи немедленно рѣшено было доставить все содержимое кургана въ норвежскій археологическій музей. На мѣсто находки отправился извѣстный норвежскій археологъ Николайсенъ и работалъ надъ раскрытіемъ кургана въ теченіе 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Лишь только онъ явился въ Гокстадъ, ему немедленно было вручено 400 кронъ, собранныхъ на мѣстѣ для начала раскопокъ. Вся операція раскопки и перевозки стоила 8700 кронъ, которыя были доставлены риксдагомъ (сеймомъ) и публикой. Не ограничиваясь денежной помощью, мѣстное общество принимало горячее участіе въ перевозкѣ корабля на приготовленный для него паромъ; перевозка эта длилась нѣсколько дней и требовала массы предосторожностей.—Гдѣ воспитана такая публика, тамъ судьба національныхъ музеевъ обеспечена, тамъ небольшая кучка талантливыхъ дѣятелей можетъ долгое время удерживать въ своихъ рукахъ взятую съ боя палму первенства.

и. с.

Переводы главнѣйшихъ произведеній скандинавской археологической литературы на французскій и нѣмецкій языки.

Nilsson. Das Steinalter oder die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens. 1868.

Worsaae. La Colonisation de la Russie et du Nord Scandinave et leur plus ancien état de civilisation. 1874.

— Des âges de pierre et de bronze dans l'ancien et nouveau mondes. 1880.

— Die Vorgeschichte des Nordens. 1881.

Steenstrup. Die Kjökkenmöddingen. 1886.

Hildebrand. Die Cultur Schwedens in vorchristlicher Zeit. Berlin. 1885.

Montelius. Bronsalderns Perioder. 1886. Готовится нѣмецкій переводъ.

— Antiquités Suédoises.

— La Suède préhistorique. 1874.

— Ueber die Einwanderung unserer Vorfahren in den Norden. Arch. f. Anthrop. XV.

Soph. Müller. Ursprung und erste Entwicklung der Europäischen Bronzecultur, beleuchtet durch die ältesten Bronzefunde im südöstlichen Europa. Archiv für Anthropologie. XV. 323—369.

Die nordische Bronzezeit. 1876.

Undset. Etudes sur l'âge de bronze de la Hongrie.

— Erstes Auftreten des Eisens in Nord-Europa. Hamb. 1882.

— Le préhistorique Scandinave. Revue d'Anthropologie. 1887, № 3; 1889, № 6.

Petersen. Ueber die verschiedenen Formen der Steinaltergräber... Arch. für Anthrop. XV.

ОБРОЧНЫЯ ЗЕМЛИ НА ВЯТКѢ ВЪ XVII В. ¹⁾

тягло, какъ подать строго политическаго происхожденія и значенія, имѣеть рѣзко принудительный характеръ. Тяглый человѣкъ — насильственно присаженный на свою пашню, вѣчно обязанный предъ государствомъ, постепенно утратившій ясное сознаніе своего права на землю землевладѣлецъ. Присадившій крестьянина на землю писецъ-межевщикъ не принималъ во вниманіе ни того, что онъ современемъ можетъ обнищать и, слѣдовательно, тяготиться своею частью выти, ни того, что ему могло посчастливиться и, слѣдовательно, стать тѣсно на его пашнѣ. Процвѣтающую семью тягло осуждало либо на мелкое дробленіе, столь неудобное во всѣхъ отношеніяхъ, либо на матеріальный недостатокъ, соединенный съ вынужденною бездѣятельностью значительной части ея рабочей силы, а семью, сбѣдную взрослыми работниками, обрекало на непосильный трудъ; послѣдовательно и строго проведенная идея тягла должна была въ концѣ концовъ довести страну до предѣловъ экономическаго застоя.

Въ областяхъ центральныхъ хорошо обработанныхъ и населенныхъ, на земляхъ помѣстныхъ и монастырскихъ тяглецы волей - неволей должны были примириться съ неудобствами

¹⁾ Вятская область XVII в. заключала въ себя нынѣшній Вятскій уѣздъ и прилегающія къ нему части Слободскаго, Орловскаго, Котельничскаго и Нолынскаго. Она составляла лишь малую часть нынѣшней Вятской губ.

своего положенія, но на сѣверѣ, въ поморскихъ городахъ, бокъ о бокъ съ ширью вольныхъ необозримыхъ лѣсовъ и земель, для привыкшаго къ сравнительной свободѣ населенія экономической бытъ требовалъ болѣе широкихъ рамокъ и болѣе разнообразныхъ формъ. Здѣсь московское правительство должно было признать и санкціонировать авторитетомъ своей власти тѣ условія владѣнія землею и уплаты тягла съ нея, какія предлагало ему мѣстное населеніе, какъ свободная договаривающаяся сторона. Поэтому-то нигдѣ въ русскихъ областяхъ не получили болѣе широкаго распространенія такъ называемыя оброчныя земли, какъ въ поморскихъ городахъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимала и Вятка.

Въ идеѣ своей оброчными землями назывались земли частныхъ собственниковъ, облагаемыя ежегоднымъ условнымъ денежнымъ сборомъ—оброкомъ. Каждый свободный и несвободный отъ тягла посадскій и уѣздный человекъ могъ, отыскавъ удобное для себя двое поле или запущенную пашню, явиться къ воеводѣ и просить себѣ эту землю въ вѣчное владѣніе съ обязательствомъ вносить за то въ казну извѣстную плату. Если воевода находилъ предложенныя ему условія выгодными, онъ утверждалъ ихъ и давалъ на землю „крѣпость“, т. е. отводную грамоту. Осѣвши на мѣстѣ, новый оброчникъ входилъ въ число оброчныхъ людей извѣстнаго оброчнаго става и, имѣя право выбирать особыхъ старостъ и цѣловальниковъ, становился по праву и фактически въ совершенно независимое отношеніе къ тяглымъ людямъ своей мѣстности, верѣдко своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, а землею своею онъ начиналъ владѣть какъ личною, неотъемлемою своею собственностью.

Къ срединѣ XVII в. въ Хлыновской области оброчныя земли являются весьма развитою и упрощенною формою владѣнія землею, но этотъ результатъ достигнуть былъ путемъ медленнаго и труднаго роста. Кажется, можно утверждать, что въ началѣ идея приобрѣтенія земель на условіи оброка была доступна лишь крупнымъ экономическимъ единицамъ, напр.: монастырямъ, слободамъ, племенамъ и народцевъ, отдѣльными же

семьи выступили претендентами на свободныя земли лишь позднѣе, воспользовавшись уже готовымъ, выработаннымъ обычаемъ. Вотъ почему обзорнiе хлыновскихъ оброчныхъ земель мы должны начать съ изложенiя судьбы крупныхъ оброчныхъ вотчинъ этого края.

Судя по сохранившимся даннымъ, прежде всѣхъ отъ неудобствъ государева тягла на Вяткѣ успѣли освободиться каринскiе и верхочепецкiе вотяки, танувшия до 1588 г. съ черными сохами Хлыновскаго уѣзда. По особой жалованной грамотѣ царя Федора Ивановича этого года на вотяковъ „положенъ оброкъ за всякiе расходы урокомъ..., чтобъ имъ насильства и обидъ ни отъ кого ни въ чемъ не было ¹⁾“. Вотяки умѣли сохранить свою привилегiю въ продолженiе цѣлаго вѣка, не смотря на всѣ старанiя русскихъ людей притянуть ихъ въ тяглые или оброчныя станы.—Другихъ в породцевъ въ Хлыновской области не было.

Въ началѣ XVII в. стала довольно успѣшно заселяться пришлыми людьми расположенная на верховьяхъ Камы Зюздинская волость, приписанная тогда къ Кайгородскому уѣзду. Кайгородцы, радуясь, что представилась возможность часть своего тягла возложить на новонаселенцевъ, такъ налегли на нихъ, что зюздинцы должны были бить челомъ государю о невозможныхъ притѣсненiяхъ съ этой стороны и просить обложить ихъ вмѣсто тягла вольнымъ оброкомъ. Это имъ въ 1607 г. было разрѣшено ²⁾. Въ этомъ случаѣ для насъ между прочимъ любопытно, что населенiе само указываетъ ту форму владѣнiя землею и тягла, которая по мѣстнымъ условiямъ ему представляется наиболѣе удобною. Какъ и верхочепецкiе вотяки, зюздинцы одновременно съ наложенiемъ оброка получили право

¹⁾ «Древнiе акты, относящiеся къ исторiи Вятскаго края въ приложенiи къ сборнику «Статiе Вятской губ.» Вятка 1881 г., стр. 227. «Уроченное время» значитъ—условленное время, почему «урокъ» можно перевести терминномъ «условіе».

²⁾ Древнiе акты, стр. 53.

болѣе широкаго самоуправленія и льготу доставлять подати прямо въ Москву.—Еще ранѣе, въ срединѣ XVI в., право валового оброка получила Вобловицкая волость. Оброкъ съ этой волости положенъ въ размѣрѣ—, что съ той волости въ годъ сходитъ всякихъ великаго государя денежныхъ доходовъ за дань и за всякой оброкъ ¹⁾».

Въ срединѣ XVI в. въ Хлыновской области идея тягла въ русскомъ населеніи была еще настолько крѣпка, что, когда какой-нибудь городъ или волость искала себѣ льготъ, то обыкновенно просили государя лишь о томъ, чтобы тягло было временно съ нихъ сложено. На такихъ условіяхъ даны были слободскія грамоты, напр., шестаковцамъ (въ 1546 г.) и сирьянскимъ новокрещеннымъ вотякамъ (въ 1557 г.). Только много позднѣе виднмъ появленіе здѣсь другой формы льготныхъ земель, очень развитой чѣ сосѣднихъ областяхъ, особенно въ Казанскихъ уѣздахъ — *дворцовыхъ слободъ*. Эта форма землевладѣнія на Вяткѣ привилась очень слабо—потому ли, что здѣсь уже не было достаточно значительныхъ пустыхъ участковъ земли, или потому, что, при развитости другихъ формъ землевладѣнія, она оказалась здѣсь несвоевременною, появилась слишкомъ поздно. Въ хлыновскихъ уѣздахъ дворцовую землю мы знаемъ только одну, именно Филипову слободку на р. Чепць. Въ 1637 г. предприимчивый монастырскій крестьянинъ Пахомъ Кошчевъ, составивши компанію изъ нѣсколькихъ нетяглыхъ, свободныхъ сосѣдей, явился въ Новгородскій (или другой) Московскій приказъ и заявилъ челобитьемъ „въ чепецкой де волости лѣсъ, раменье дикое, большой, изстари непашенное мѣсто, по межамъ и по урочищамъ не владѣтъ тѣмъ мѣстомъ никто, и въ государеву казну съ того лѣсу не идетъ ничего, лежить впускѣ и не записано въ писцовыхъ книгахъ ни за кѣмъ, и ему бы Пахому съ товарищи тое пустую землю дать на льготу, и поставить церковь и слободку вновь, а послѣ льготы съ тое

¹⁾ Древніе акты, стр. 42.

земли и съ угодей платитъ оброкъ, что укажетъ великій го- дарь^{*)}. Кощесву дана была слободская грамота. Несмотря долгое сопротивленіе сосѣднихъ татаръ и вояковъ, земли р. Филиповкѣ были отведены подъ новую дворцовую слободу и Кощеевъ усердно принялся заселять ее. Въ началѣ слободкѣ отведено было 12 вытей (т. е. дворовъ на 40), потомъ еще прибавлено дикаго лѣсу по рѣчкамъ вплоть казанскаго рубежу. Обиліе земли, льготныя условія быстро привлекли въ филиповскую слободку значительное населеніе, такъ что 40 л. спустя (въ 1678 г.) въ ней считается уже 5 по- стовъ, 148 деревень, въ нихъ 348 дворовъ. Еще въ переписной 1678 г. Филипова слобода занесена отдѣльно отъ тяглыхъ и оброчныхъ становъ. Оброкъ слобожанами вносился въ казанскую воеводскую избу и въ приходныхъ книгахъ значился особой статьей. Со времени введенія въ край стрѣлцкой дачи, замѣнившей всѣ тяглыя и оброчныя сборы, Филиповская слободка совершенно утрачиваетъ наименованіе „дворцовая“ и сливается платежомъ съ оброчными крестьянами^{*)}.

Въ повизовой части нынѣшней Ватской губ. дворцовыя слободы и села были значительно болѣе развиты. Именно въ Кукаркѣ, Лебязкѣ, въ Полянкахъ, Сарапулѣ, въ Ярскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ^{*)}.

Порядки управленія въ дворцовыхъ селахъ и слободахъ намъ неизвѣстны. Знаемъ только, что дворцовыя крестьяне были на оброкѣ и, вѣроятно, сравнительно легкомъ, такъ какъ замѣчаемъ, что свободные люди очень охотно идутъ на дворцовыя земли. О происхожденіи дворцовыхъ земель наши историки не говорятъ ничего опредѣленнаго. Кажется, воеводы XVII в. имѣли право отдавать на оброкъ лишь мелкіе участки земли, расположенные среди жилыхъ оброчныхъ или тяглыхъ

^{*)} См. въ нашемъ собраніи документовъ и Записку о селѣ Святкомъ Ват. Вѣд. 1851, 38 и 39.

^{*)} Объ этой частяхъ въ нашей статьѣ «Земля и люди на Вяткѣ XVII в.» (помѣщенной въ Ватскомъ календарѣ на 1887 г.), стр. 24.

становъ; земля, отдаленная отъ городовъ и волостей, особенно участки земли значительные, можно было получать только въ Москвѣ или у главнаго казанскаго воеводы. Такой порядокъ дачи земли принять былъ, вѣроятно, изъ осторожности, въ предупрежденіе злоупотребленій со стороны воеводы, но почему отдаленная земля вводима была въ число дворцовыхъ, а не просто оброчныхъ,—намековъ на это мы въ актахъ не видимъ.

Идея оброка въ Хлыновской области развилась несравненно шире и детальнѣе въ довольно многочисленныхъ здѣсь монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, особенно въ первыхъ.

Монастыри въ XVII в. владѣли двоякаго рода землями: вотчинными, т. е. бывшими тяглыми или оброчными, пожалованными на пропитаніе братіи по указамъ великихъ государей, и оброчными, которыя монастырь получалъ отъ воеводы изъ условнаго оброка и которыми владѣлъ на основаніяхъ, одинаковыхъ съ другими частными собственниками. На земляхъ вотчинныхъ монастырь имѣлъ „старинныхъ монастырскихъ крестьянъ“, прикрѣпленныхъ къ пашнѣ пасцовой книгой, а на пустыя оброчныя земля онъ долженъ былъ приглашать свободныхъ людей по свободному условію съ ними; въ томъ и другомъ случаѣ, окупая за крестьянъ всѣ подати и сборы, давая имъ землю, монастырь налагалъ на нихъ соотвѣтственный оброкъ въ свою пользу.

Изъ монастырей самымъ крупнымъ вотчинникомъ въ Хлыновской области былъ Трифоновъ—Успенскій. При основаніи своемъ (1582 г.) онъ получилъ въ вотчинное владѣніе лишь нѣсколько тяглыхъ пустошей и только чрезъ 13 л. онъ приобрѣтаетъ первыя болѣе значительныя земли, именно—далекую Вобловницкую волость, съ пашней и прикрѣпленными къ ней крестьянами, и пустую еще землю въ Полянкахъ, въ Казанскомъ уѣздѣ, на другомъ концѣ Хлыновской области. Въ 1626 г. монастырь получилъ, также на вотчинномъ правѣ, Лекомскую вотчину и р. Кобру. Со всѣхъ этихъ земель монастырь не платилъ ни тягла, ни оброка и началъ быстро расти

в богатѣхъ. Монастырскіе вотчинные крестьяне были обложены оброкомъ въ пользу монастыря (неизвѣстно, въ какомъ размѣрѣ, вѣроятно—примѣняясь къ платѣ хлыновскихъ оброчныхъ становъ), и никто не имѣлъ права оставить свою пашню, не посадивъ вмѣсто себя садака ¹⁾. Монастырь имѣлъ право переселять своихъ вотчинныхъ крестьянъ съ одной своей пашни на другую ²⁾, но неизвѣстно—только ли бывшихъ таглыхъ, или также и бывшихъ оброчныхъ. Не знаемъ также, совершался ли подобный переводъ безъ согласія монастырскаго крестьянина, или же по особому договору съ нимъ. Вообще, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы не даютъ возможности ясно представить отношеніе монастырскихъ крестьянъ въ своему вотчиннику. Мы даже не знаемъ, насколько стѣснены или свободны были эти крестьяне въ приобрѣтеніи личной собственности въ видѣ, напр., пашни или угодій.

Со середины XVII в. Успенскій монастырь, тогда уже достаточно обогатившійся, не рѣшается искать жалованныхъ грамотъ на новыя земли, а употребляетъ другой приемъ для приобрѣтенія земель: принявъ видъ совершенно частнаго предпринимателя, онъ беретъ на оброкъ одну за другою пустыя оброчныя земли изъ воеводской избы. Въ 1647 г. онъ снялъ изъ оброку огромныя, почти пустыя земли по р. Сунѣ, выпадающей въ Вою, и въ короткое время этотъ малоцѣнный дикій лѣсъ превратилъ въ цвѣтущую пашню, составившую лучшую часть монастырскихъ владѣній. При этомъ монастырь имѣлъ осторожность исклопотать для себя право владѣнія землею безъ перекупки, т. е. въ вѣчное владѣніе, съ опредѣленнымъ оброкомъ до писца, который долженъ былъ переоброчить крестьянъ на общемъ основаніи, не отчуждая однако изъ монастыр-

¹⁾ «А которые изъ братья въ свое мѣсто садаковъ посадятъ и деревни свои продадутъ инымъ жидцамъ, и они люди волные». Древніе акты, стр. 161.

²⁾ «На томъ дикомъ раменѣ поселили, переводя изъ нихъ своихъ монастырскихъ вотчинъ, которые крестьяне писали за ними въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ». Древніе акты, стр. 163.

скаго владѣнія. Въ 1665 г. въ сунской волости было уже болѣе 200 дворовъ, въ 1678 г. 424 дв., въ которыхъ числилось 2157 чел. Въ 1681 г. изъ условнаго оброка монастыремъ приобрѣтено мѣдянское раменье, въ 1687 г.—уржумская вотчина, въ 1699 г.—ситынская, когда-то до 1678 г.—волость пшланская. На оброчныя свои земли монастырь старался привлечь свободныхъ людей. „На монастырской ихъ землѣ въ починкахъ поселились волные ветеглые крестьянскіе дѣти и братья и племянники, отдѣляся отъ отцовъ своихъ и братьевъ, Вятцкаго же уѣзду изъ разныхъ волостей ¹⁾“. При поселеніи крестьянъ на землѣ монастырской съ нихъ брались какія-то поручныя записи, опредѣляющія ихъ зависимость отъ монастыря; вѣроятно, монастырь не отказывался на первое время ссужать своихъ крестьянъ деньгами и предметами крестьянскаго хозяйства. Какія бы ни были заключены условія между монастыремъ и крестьянами, первая же перепись укрѣпляла ихъ навсегда за вотчинникомъ: „тѣ де крестьяне въ переписныхъ Иванисовыхъ книгахъ Кайсарова за Вятскимъ Успенскимъ монастыремъ написаны, потому де тѣ крестьяне къ Успенскому монастырю и крѣпки ²⁾“. Вообще говоря, монастырское управленіе вотчинами, основанное на весьма разнообразныхъ отношеніяхъ къ казнѣ, крестьянамъ и землѣ, было чрезвычайно сложное, и намъ еще не посчастливилось найти достаточнаго количества матеріала для яснаго пониманія его механизма, такъ что детальное изложеніе его мы поневолѣ должны отложить на неопредѣленное время. Для нашей настоящей цѣли мы припуждены удовлетвориться тѣмъ наблюденіемъ, что монастырь прибѣгаетъ именно къ оброчной формѣ владѣнія землею и является ея виднымъ представителемъ, предоставляя слѣдовать за собой менѣе крупнымъ экономическимъ единицамъ.

Въ 1654 г. въ вотчинахъ Успенскаго монастыря было 811 дворовъ, въ 1678 г.—980, въ 1719 г. на нихъ числилось

¹⁾ Древніе акты, стр. 176.

²⁾ Древніе акты, стр. 176.

14 $\frac{1}{2}$ тыс. человекъ, въ 1734 г.—24 тысячи. Кромѣ Успенскаго монастыря въ Хлыновской области владѣли землями еще слободской, верховятскій, верхоцепецкій, усть-сватицкій, истобенскій и два котельническихъ. Въ 1662 г. [на земляхъ этихъ монастырей было 330 дворовъ, въ 1678 г.—278 дв. ¹⁾].

Количество церковныхъ земель въ Хлыновской области было незначительно. Въ 1615 г. такія земли были лишь у хлыновскихъ Никольскаго и Богоявленскаго соборовъ, у слободской Анастасьевской, у орловскихъ Воскресенской и Михайловской церквей, у истобенской Никольской и у пустой церкви страст. Дмитрія. Современемъ вотчины были приобрѣтены хлыновскими Воскресенской, Покровской и другими церквами. Въ 1615 г. во всѣхъ церковныхъ деревняхъ дворовъ было только 28, около 1670 г. ихъ считалось 301 дв. (?) ²⁾).

Подобно монастырямъ и церкви владѣли землею либо на правахъ вотчинника, либо на правахъ частнаго собственника (оброчною пустою). Не знаемъ, какая форма преобладала. Всѣ церковные крестьяне платили въ церковь опредѣленный оброкъ „на церковное строеніе“. Покровскіе крестьяне въ срединѣ XVII в. платили оброку по 1 р. съ двора да ружнаго хлѣба по кунцѣ. Оброкъ былъ назначаемъ сначала попомъ съ крылошанами, а потомъ старостой съ приходскими людьми, иногда по подворно, а на всю деревню общій. Въ началѣ всѣ подати сверхъ оброка платились самими церковными крестьянами въ оброчный станъ, но послѣ, примѣрно въ послѣднюю четверть XVII в., онѣ уплачиваются въ станъ церковнымъ старостой ³⁾).

¹⁾ Уменьшеніе произошло отъ того, что земли нѣкоторыхъ монастырей отведены были въ архіерейскій домъ. О монастырскихъ вотчинахъ въ Хлыновской области см. наши статьи: «Земля и люди на Вяткѣ», «Вотчины Вятск. Успенск. монаст.», «Первыя поселенія русскихъ между р. Воей и Сухой» въ Вятскихъ календаряхъ на 1887, 1886 и 1885 гг.

²⁾ Древніе акты, стр. 186.

³⁾ См. расписки въ уплатѣ сборовъ за воскресенскихъ церковныхъ крестьянъ въ книгѣ прот. Никитинкова: «Описаніе Воскресенскаго собора», стр. 14 и слѣд.

Сообразно съ обстоятельствами, церковныя земли обрабатывались то церковными крестьянами, то бобылями, то половниками ¹⁾. Садясь на пустой церковной землѣ, свободные люди брали ее по поручной записи съ условіемъ потомственного владѣнія: „и тѣмъ починкамъ владѣти и дѣтямъ моимъ и внучатамъ и до смерти своея“. Въ такомъ случаѣ церковный крестьянинъ имѣлъ право сдать свою деревню или часть ея другому лицу съ условіемъ уплаты оброка по церковнымъ книгамъ ²⁾. Положеніе церковныхъ оброчныхъ крестьянъ было настолько удобно, что бывали случаи приклада въ крестьянство къ церкви со всею землею: „тѣмъ если владѣлъ, то и приложилъ; а владѣти мнѣ и пахати тотъ починокъ Екиму самому собою и дѣтямъ моимъ и внучатамъ, а давати мнѣ и дѣтямъ и внучатамъ съ того починка къ Покрову Свѣтлыя Богородицы въ домъ на всякое строеніе церковное, чѣмъ его Екима и дѣтей и внучать обложить покровской попѣ съ крылошанъ“ ³⁾. Пустыя оброчныя земли церковь могла получить прямо изъ воеводской избы ⁴⁾.

Отъ церковныхъ земель слѣдуетъ отличать *поповскія* съ крылошанами, приложенныя въ церкви какъ вкладъ за поминовеніе или лично принадлежавшія членамъ причтовъ. Такихъ земель было очень мало, въ противоположность мнѣнію, что въ старину члены причтовъ, по необезпеченности содержанія, принуждены были добывать насущный хлѣбъ чуть не личнымъ трудомъ. Въ 1615 г. на поповскихъ съ крылошанами земляхъ Хлыновской области было всего 15 деревень, въ нихъ—23 двора.

Правительство долгое время не обращало вниманія на церковныя земли (конечно, по ихъ незначительности), такъ что онѣ начали очень успѣшно заселяться даже тяглыми людьми, которые брали здѣсь нужное количество земли „изъ

¹⁾ Древніе акты, стр. 186.

²⁾ См. прилож. къ статьѣ «Земля и люди» стр. 49 и 50.

³⁾ Тамъ же, стр. 50.

⁴⁾ Тамъ же стр. 48.

малаго оброка" либо отъ церковнаго старосты, либо отъ воеводы. Особенно замѣтнымъ становится быстрое заселеніе церковной истобенской земли, довольно значительной по количеству пашни, такъ какъ она досталась церкви отъ бывшаго монастыря. Воеводы потому не обращали вниманія на заселеніе церковныхъ земель тяглыми людьми, что покинутыя послѣдними пашни оплачивались остальными тяглецами, кромѣ того они совершенно не знали, какъ въ данномъ случаѣ распорядиться, пока воевода Хитрово не рѣшился просить изъ Москвы специальныхъ указаній. По его вызову въ 1662 г. было указано всѣ церковныя земли, не занесенныя въ книги писцами и не отданныя на оброкъ государемъ, положить въ тягло тяглыми людьми, чтобы было предъ оброкомъ прибыльнѣе, тяглыхъ же крестьянъ, вновь пришедшихъ на церковныя земли, хотя бы и занесенныя въ писцовыя книги, свести всѣхъ на свободныя пашни и положить также въ тягло, или отвести на прежнія тяглыя пашни. Произвести дозоръ церковныхъ земель и отвести ихъ въ тяглыя стапы поручено было городскому приказчику Гр. Каркину, который и выполнялъ это порученіе въ 1662 — 1665 гг. Отъ Покровской церкви были отведены тогда въ тяглыя сохи всѣ принадлежавшіе ей 20 церковныхъ дворовъ. Любопытно, что церковные крестьяне, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, напр., крестьяне Никольскаго собора были очень довольны переходомъ въ государево тягло, вѣроятно вслѣдствіе того, что вотчинники налагали на нихъ слишкомъ большой оброкъ. Никольскіе крестьяне съ огорченіемъ бил челомъ государю, что Каркинъ поноровилъ протопопу Маркелу не всѣхъ крестьянъ отвелъ въ черныя сохи, и они боятся, какъ бы „отъ частыхъ ихъ непожѣрныхъ и большихъ поборовъ и отъ издѣлья и отъ многіе ихъ изгони и налоги впредъ пашенныхъ своихъ и великаго государя служебъ и податей не отбыть вѣчно въ конецъ не погивнуть и не раззоритца“)“.

“) Древніе акты, стр. 187.

Присоединеніи самостоятельной Вятской епархіи (въ 1658 г.) земли Никольскаго собора вмѣстѣ съ бобинскимъ околотороднымъ оброчнымъ станомъ и землями котельническаго монастыря составили особую *архіерейскую вотчину*, освобожденную отъ платежа оброка въ казну. Крестьяне этой вотчины обложены были измѣняющимся время отъ времени оброкомъ въ епископскую домовую казну, и едва-ли положеніе ихъ было привлекательнымъ, такъ какъ мы знаемъ, что они волновались въ теченіе цѣлаго почти вѣка, пытаясь всѣ средства отойти въ тяглый или оброчный станъ. Кромѣ оброка они должны были вносить епископу еще столовые запасы и дѣлали на него разное издѣліе ¹⁾.

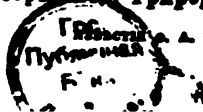
Вотчина Вятскаго епископа была значительна. Въ 1678 г. въ ней было 755 дворовъ, въ нихъ отмѣчено 3236 чел.

Одновременно съ оброчными землями крупныхъ вотчинниковъ возникаютъ оброчныя земли мелкихъ собственниковъ, какъ горожанъ, такъ и уѣздныхъ людей, составившія современнымъ весьма видное экономическое явленіе. Съ какого времени слѣдуетъ начинать исторію этихъ земель въ Хлыновской области, мы не знаемъ, такъ какъ не имѣемъ писцовыхъ хлыновскихъ книгъ XVI в. и даже отрывковъ ихъ ²⁾. Кажется, что XVI в. еще не зналъ оброчныхъ становъ. Въ извѣстныхъ намъ мѣстахъ дозорной книги 1615 г. на Вяткѣ оброчныхъ дворовъ показывается еще немного. Мы знаемъ, что еще въ 1620 г. пустыя земли отдаются послѣ льготы изъ тягла; для записи этихъ дачъ въ хлыновской избѣ велись даже особыя книги.

Всего естественнѣе думать, что форма мелкаго оброчнаго землевладѣнія выработана была прежде привилегированными классами горожанъ, и уже отъ нихъ перешла къ уѣзднымъ

¹⁾ См. нашу статью «Вотчины Вятскаго архіерейскаго дома» въ приложеніи къ ст. «Земля и люди».

²⁾ «Большіе писцы» были на Вяткѣ, можно думать, въ первой четверти XVI в. Въ 1540 г. мы знаемъ уже дозоръ (Древніе акты, стр. 30). Въ 1582 г. Хлыновскую область описалъ Никита Яхонтовъ, въ 1590 г. былъ дозоръ Федя Григорьевъ, въ 1615 г. дозоръ воеводы Звенигородскаго.

людямъ, среди которыхъ нашла весьма удобную почву для своего распространения и дальнѣйшаго развитія.

Изъ горожанъ оброчными деревнями владѣли попы и вообще клирошане, (а также архіепископскіе домовые люди), которымъ легко было отъ управленія церковными оброчными землями перейти къ мысли о личныхъ такихъ-же земляхъ, затѣмъ—разныхъ наименованій подьячіе, сидѣвшіе въ стѣзжей избѣ, у самаго источника оброчныхъ дачъ, за ними—городовые приказчики и богатые посадскіе люди, наконецъ, впоследствии, люди гостинной и суконной сотни. Всѣ эти разныхъ званій люди имѣли самую свѣдѣнія о пустыхъ земляхъ и могли путемъ личной просьбы у воеводы добиваться очень льготныхъ условій оброка съ нихъ. Въ Хлыновѣ довольно много оброчныхъ земель имѣлъ въ своемъ владѣніи многочисленный и богатый родъ Рязанцевыхъ, въ которомъ числились и тяглые посадскіе люди, и подьячіе, и городовые приказчики, и люди суконной сотни ¹⁾). Не мало оброчныхъ деревень и угодій имѣли люди гостинной сотни, напр. Илья Гостевъ и Лягузовъ ²⁾). Подьячій хлыновской площади Загребинъ имѣлъ деревни въ куринской волости.

Всѣ эти владѣльцы брали землю въ вѣчное владѣніе и обрабатывали ее чаще всего половниками, внося за нихъ въ оброчные станы всѣ сборы.

Въ особыхъ случаяхъ земли эти даже обѣлялись; такъ въ 1615 г. по государеву указу сложены всѣ сборы съ оброчной земли протопопицы Морозовой, а съ деревень городского приказчика Рязанцева велѣно брать однѣ оброки, „а въ земскіе никакіе расходы съ тѣхъ деревень имать не велѣно“. Тѣ владѣльцы деревень, которые были обѣлены отъ всѣхъ сборовъ съ своей земли, приказныхъ или становыхъ, или однихъ послѣднихъ, носили официальное названіе „бѣломѣстцевъ“. Совер-

¹⁾ Описаніе. «Исторія рода Рязанцевыхъ». Вят. Вѣд. 1884, 53—55.

²⁾ Гостевъ—преимущественно въ сирьинскомъ и ченецкомъ станахъ.

шепно обложенныхъ частныхъ земель въ Хлмновской области почти не было ¹⁾, но бѣломѣстцевъ второго разряда было довольно много. Пользуясь обиліемъ пустующихъ земель, они брали ихъ изъ приказной избы на малые оброки и не хотѣли нести никакихъ становыхъ расходовъ. Тяглые люди не могли примириться съ пребываніемъ на окупаемыхъ ими земляхъ такого рода владѣльцевъ и съ 1684 г. цѣлымъ рядомъ настоячивыхъ челобитій добились наконецъ того, что пустыя тяглыя земли воспрещено было раздавать изъ приказной избы, а всѣ земли бѣломѣстцевъ приказано отвести въ тяглыя станы ²⁾. Но и послѣ того тяглые цѣловальники не могли принудить бѣломѣстцевъ уплачивать всѣ сборы: „архіерейскіе домовые люди и церковные причетники безъ послушной святѣйшаго патріарха грамоты не послушаютъ, и стрѣлецкихъ и оброчныхъ и мірскаго тягла сполна не платятъ, а иные и вовсе платитъ не хотятъ“ ³⁾.

Когда и какъ получили воеводы право давать на оброкъ пустыя и дикія мѣста, по особому-ли указу, или приобрѣли это право установившимся обычаемъ, мы не знаемъ. Но разъ усвоивъ себѣ это право и начавъ имъ пользоваться для горожанъ и приказныхъ людей, воеводы не могли отвѣчать отказомъ всѣмъ другимъ городскимъ и уѣзднымъ людямъ, которые заявляли требованіе на ту или другую пустующую землю,—и вотъ, сперва несмѣло и въ маломъ числѣ, а потомъ все увѣреннѣе и увеличиваясь въ количествѣ, потянулись въ Хлмновъ изъ уѣздовъ письменные и неписьменные люди съ челобитіями о дачѣ имъ на оброкъ починковъ и займищъ. Постепенно усиливаясь, оброчное владѣніе такъ привилось въ области, что къ концу столѣтія оброчныхъ земель здѣсь было болѣе чѣмъ тяглыхъ, количество которыхъ, наоборотъ, сильно уменьшилось.

¹⁾ Такъ деревня Балешихъ была временно облена за доставку сибирскаго хлѣба (Древніе акты, 33).

²⁾ Древніе акты, стр. 231—232.

³⁾ Древніе акты, стр. 232.

Условия приобрѣтенія оброчной земли *мелкими собственниками* намъ извѣстны. Челобитчикъ являлся, въ приказную избу и заявлялъ челобитной на имя государя, что въ такомъ-то стану, въ такихъ-то и такихъ-то межахъ лежитъ пустая пашня или дикій лѣсъ на такое-то число вытей и что онъ желаетъ взять на себя эту землю, если ему дана будетъ льгота, а послѣ льготы наложенъ поспланный оброкъ. Воевода давалъ эту землю и приказывалъ написать отъ себя „данную“ грамоту, въ которой опредѣлялась льгота не свыше 5 лѣтъ и оброкъ, отмѣчались межи владѣнія, выражалось требованіе, чтобы новая оброчная земля не была покинута впусѣ, и тутъ же указывалось цѣловальнику извѣстнаго стана дать отводъ земли новому владѣльцу.

Въ началѣ, когда оброчныя земли были еще наперечетъ, каждая оброчная пашня несла оброкъ въ своемъ количествѣ, но дозорщикъ 1615 г. положилъ всѣ этц земли въ валовой оброкъ по количеству вытей ¹⁾. Послѣ этого въ воеводской данной стало помѣщаться условіе, что наложенный воеводой оброкъ остается въ томъ-же количествѣ лишь до писца, который можетъ его измѣнить, приписывая землю въ общій оброчный станъ. Вслѣдствіе этого въ писцовыхъ книгахъ мы находимъ отмѣтки, что такому-то оброчному крестьянину доживать до такого-то года свою льготу, а послѣ льготы платить оброкъ съ оброчными крестьянами въ такомъ-то количествѣ по общему окладу. До писца новая оброчная земля вѣдалась воеводскою избою, куда вносился и самый оброкъ, а писецъ отводилъ ее всѣми сборами въ оброчный станъ. Впослѣдствіи, когда еще болѣе упростилась техника приобрѣтенія оброчныхъ земель, воевода опредѣлялъ только количество льготы, а вѣдать новую землю оброкомъ предоставлялъ прямо оброчному цѣловальнику. Конечно, такой порядокъ сталъ устанавливаться глав-

¹⁾ «Въ книжнѣмъ дозору приближе и убилже денежные оброки написаны всѣ вятскіе оброчные выти меремъ въ большомъ меречинъ мерге Вятскаго уѣзду оброчныхъ волостей» (Дозорная 1615 г.).

нымъ образомъ со времени введенія однообразной для всѣхъ подворной подати.

Такъ было въ томъ случаѣ, если приходилось брать землю дпбую или отмѣченную въ писцовыхъ книгахъ пустою. Если же пустая земля была внесена въ число оброчныхъ жилыхъ земель и, слѣдовательно, за нее вносился оброкъ становъ, то ее надо было просить на опредѣленныхъ условіяхъ у оброчнаго цѣловальника мірскихъ людей. Въ число обязанностей цѣловальника входило даже отыскиваніе свободныхъ людей, которымъ можно было бы сдать пустующіе починки. Условія, заключенныя со становъ, имѣли силу, конечно, только до писцовъ, которые закрѣпляли за новыми оброчными людьми ихъ землю и уравнивали ихъ въ платежѣ съ прочими людьми стана. Образцовъ письменныхъ условій, заключаемыхъ между становъ и повонаселеннымъ оброчнымъ крестьянствомъ, мы еще не отыскали.

Любопытно, что въ воеводскія (а можетъ быть и земскія) избы обращались за дачей на оброкъ лишь деревни и дикихъ мѣстъ и, кажется, никогда не просили этимъ путемъ отдѣльныхъ пустыхъ дворовъ. Конечно, это главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что оброчный человѣкъ, покупая землю, продавалъ ее кому-нибудь или сдавалъ своимъ сосѣдямъ—складникамъ; новые владѣльцы продолжали оплачивать сборы съ оставленной части деревни и на основаніи купчей считались собственниками участка, такъ что, слѣдовательно, не нуждались въ особомъ утвержденіи права владѣнія воеводою,—но какъ слѣдовало поступить въ томъ случаѣ, если никто не взялъ на себя заброшенной оброчнымъ человѣкомъ земли? Кто ею въ такомъ случаѣ распоряжался? Наши документы не даютъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Вѣроятно, отдѣльные опустѣвшіе оброчные дворы отдавались желающимъ отъ става, до тѣхъ поръ пока писецъ не распорядится ими или не сложитъ со стана оброкъ. Не знаемъ также, кто пользовался тѣми оброчными дворами, которые были занесены въ книги пустыни.

Крестьянинъ бралъ на оброкъ дикое мѣсто или пустошь лично для одного себя въ томъ случаѣ, если надѣялся обработать ее трудомъ наличныхъ членовъ своей семьи или найти средства для найма работниковъ, но когда приходилось брать землю далекую, большую, дикую, для обработки и оплаты которой надо было потратить много труда и средствъ, организовалась искусственная семья, компанія изъ 2, 3, 4, семей вмѣстѣ. Такіе компаньоны носили названіе *складниковъ*. Одинъ изъ нихъ бралъ за всѣхъ представительство предъ воеводой, у котораго и испрашивалъ на всѣхъ, обыкновенно даже по именуя товарищей, нужное количество земли. Въ писцовыя книги почапокъ обыкновенно заносился также съ именемъ этого лица, хотя бываетъ, что въ этомъ случаѣ перечисляются и два владѣльца. Складникамъ предоставлялось установить отношенія между собою помощью письменнаго акта или путемъ извѣстнаго договора. Такъ въ 1629 г. взяли большую дикую землю у псаца Толочанова крестьяне березовскаго стана Федявинъ, Максимовъ и Буторинъ ¹⁾, изъ льготы на 11 лѣтъ.

Мы видѣли, что оброчныя земли пріобрѣтались монастырями, церквами, бѣломѣстцами, всякими городскими людьми и крестьянами, какъ отдѣльно, такъ и въ складничествѣ, какъ крупными, такъ и самыми мелкими экономическими единицами, вообще—всякими людьми, тяглыми и оброчными, изъявившими желаніе получить землю на условіи оброка. Излагаемъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о томъ, какія именно земли можно было брать на оброкъ и отъ кого. Можно было получать на оброкъ:

1) *Земли дикія*. Земель, поросшихъ большими лѣсами—раменьями, въ Хлыновской области въ XVII в. было еще много, и раздавались они для расчистки очень охотно. Можно замѣтить однако, что такихъ земель въ рубахъ правительства здѣсь было сравнительно мало. Этотъ любопытный фактъ объясняется

¹⁾ Древніе акты, стр. 130. Мы видѣли уже, что эти крестьяне не ушли засалить раменья и сдали его почти тотчасъ послѣ льготы Успенскому монастырю.

тѣмъ, что большими пустыми раменьями слѣшили овладѣть крупные вотчинники. Добывъ такую землю въ видѣ вотчины или изъ легкаго оброка, они призывали на нее въ неограниченномъ количествѣ свободныхъ крестьянъ или отдавали ее половникамъ, и мимо ихъ рукъ въ этихъ вотчинахъ нельзя было получить ни чети земли. Такими вотчинниками были особенно монастыри и слободы. Никакой конкуренціи они не знали, потому что большія и далекія раменья земли могли быть заселены только сразу значительнымъ количествомъ семей; отдѣльныя семьи находили для себя болѣе удобнымъ брать уже расчпщенные, пустыя деревни или части ихъ. Только изрѣдка крестьяне рѣшались брать на себя дикія раменья, сложившись группами складниковъ.

Въ XVII в. мы знаемъ слѣдующихъ крупныхъ владѣльцевъ дикими мѣстами: въ Хлыновской области всѣ монастыри, а главнымъ образомъ хлыновскій Успенскій (всего болѣе дикаго поля было у него въ сунской вотчинѣ), церкви (особенно хлыновскій Никольскій соборъ и истобенская), Филипова слободка, земли каринскихъ и верхочепецкихъ татаръ и вотяковъ. Дача крупныхъ участковъ дикой земли превышала компетенцію воеводы; даже писецъ рѣшился давать земли лишь средняго размѣра (какъ напр. Толочановъ—Федивину), большія раменья могли быть получены только въ Москвѣ, по грамотѣ государя. Условія дачи такихъ земель могли быть, конечно, самыя разнообразныя.

Конечно, не были рѣдки и случаи дачи небольшихъ дикихъ мѣстъ изъ воеводской избы, особенно въ менѣе заселенныхъ мѣстностяхъ области, напр., въ Котельническомъ, Орловскомъ или Слободскомъ уѣздахъ. При дачѣ воевода приказывалъ выдавать владѣльцу „владѣльную память“, въ которой съ особенною старательностью отмѣчались межи отданной земли. Последнее важно было потому, что земля была вновь, и границей ей еще не положено,—нужно было впредь для спору. Поэтому, если участокъ долгое время не былъ размежеванъ съ другими крестьянскими землями стана, то владѣлецъ доучалъ приказ-

нымъ своими челобѣтнями о межѣ до тѣхъ поръ, пока земля не отводилась на мѣстѣ, окольными людьми и дѣловальникомъ ¹⁾. Въ платежѣ оброка въ воеводскую избу бралась поручная записъ ²⁾.

II) *Земли примѣрные и переложныя.* Последними писцовыми книгами въ Хлыновской области были книги 1629 г. Всѣ земли, обработанныя послѣ того крестьянами тяглыхъ и оброчныхъ становъ ³⁾, сверхъ отмѣченныхъ въ писцовой книгѣ, на языкѣ старинныхъ грамотъ назывались „примѣрными“. Дозорщики, смѣривъ примѣрную землю, облагали ее оброкомъ въ пользу стана, что вѣроятно еще до нихъ дѣлали становые дѣловальники.

Намъ не удалось уловить особенностей права владѣнія на примѣрную землю расчистившихъ ее крестьянъ и ихъ дѣтей, но видимъ, что правительство въ этой землѣ распоряжается довольно свободно. Такъ, примѣрная земля истобенскихъ церковныхъ крестьянъ отведена отъ церкви и отдана тѣмъ изъ крестьянъ, которые прежде были написаны въ таглы; примѣрная черемпсская ясачная земля отдана была на оброкъ Уржумскому монастырю.

„Переложною“ называлась земля „не въ живущемъ“, т. е. не распаиваемая въ моментъ осмотра ея писцомъ, но занесенная въ старыя писцовыя книги. „Перелогъ“ въ документахъ противопоставляется „паханая пашня“. Въ число переложныхъ земель писецъ заносилъ главнымъ образомъ тѣ, которыя были заброшены бѣжавшими изъ деревни крестьянами, а также земли, совершенно выпаханныя. Такихъ земель болѣе всего было въ тяглыхъ деревняхъ—частью отъ истощенія земли, какъ болѣе старой, частью отъ болѣе многочисленныхъ здѣсь случаевъ побѣга крестьянъ. Фактъ этотъ бросается въ глаза при

¹⁾ *Томский. Собрание матеріаловъ къ исторіи Вятской губ. Вятка 1884 г. выд. II, 18.*

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

³⁾ Или однихъ тяглыхъ?

самомъ первомъ ознакомленіи съ писцовыми книгами. При перелогѣ писцовая книга всегда отмѣчаетъ пустые „дворы“, т. е. брошенные домовыя строенія, или „дворовыя мѣста“, т. е. дворы безъ строеній, напр. сгорѣвшіе.

Едва ли воевода имѣлъ возможность слѣдить, кто пользуется переложной землей и къ кому она переходитъ. Становые цѣловальники старательно скрывали отъ него вновь поселившихся на такой землѣ крестьянъ, съ которыхъ они брали въ становую избу оброкъ, и только переписчики и дозорщики обнаруживали ихъ и отводили въ станъ въ рядъ съ другими людьми, укрѣпляя вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ право владѣнія землею. Цѣловальники, опираясь на необходимость оплачивать опустѣвшія послѣ писцовъ земли, широко пользовались возможностью располагать всѣми находящимися у нихъ подъ руками пустующими землями, — какъ тѣмъ, которыя станъ оплачивалъ, такъ и тѣмъ, которыя онъ не оплачивалъ. Само правительство, наконецъ, признало за ними это право, предоставивъ имъ съ 1684 г. садить на всѣ безъ исключенія пустыя земля садовъ изъ земской избы, и только обязавъ доносить воеводѣ, если пускали на землю, записанную въ книгахъ въ числѣ пустыхъ¹⁾. До этого времени правомъ распоряженія пустою писцовой землею пользовался одинъ воевода, потому что онъ одинъ могъ давать владѣльнныя памяти на земли, записанныя въ государевыхъ книгахъ. Такъ какъ изъ крестьянъ почти никто не обращался къ нему за дачей пустыхъ жеребьевъ, то онъ раздавалъ ихъ за небольшой оброкъ бѣломѣстцамъ, тѣмъ послѣдніе и пользовались усердно до 1684 г.

Дѣятельное участіе въ раздачѣ переложныхъ земель принимали писцы, дозорщики и переписчики. Одни земли они отдавали съ условіемъ тягла, другія — на оброкъ. Можно замѣтить, что со середины XVII в. свободныя люди рѣдко брали пустые тяглыя жеребья изъ тягла; почти всѣ клались они въ оброкъ.

¹⁾ Древніе, акты, стр. 231.

Есть впрочемъ случаи, хотя весьма рѣдкіе, что оброчные люди брали переложную землю изъ тягла, имѣя даже полную возможность взять ее на оброкъ.

Цѣловальники находящіеся въ ихъ распоряженіи жеребьи отдавали, вѣроятно, по извѣстному договору и въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгали къ письменнымъ условіямъ, чѣмъ—можетъ быть—и надо главнымъ образомъ объяснить то обстоятельство, что мы не знаемъ ни данныхъ грамотъ, ни поручныхъ записей на такія земли.

Къ числу переложныхъ земель относятся также *пустоши*, т. е. завесенныя въ писцовую книгу пустыя деревни, починки и займища. Пустошами распоряжался воевода, писецъ и даже тяглые и оброчные цѣловальники. Кажется, что до писца могли отдавать ихъ на оброкъ безразлично и воеводы, и цѣловальники. Воевода отдавалъ на оброкъ и тяглыя, и оброчныя пустоши, а цѣловальники каждый своего стана—либо тяглыя, либо оброчныя, отчего иногда происходили неожиданныя осложненія. Такъ случилось, что цѣловальникъ бобинскаго тяглаго стана отдалъ на оброкъ пустошь, написанную въ оброчномъ станѣ, и въ этомъ основаніи она была, какъ въ дѣйствительности оброчная, передана въ 1670 г. вмѣстѣ съ другими оброчными бобинскими деревнями въ домъ Вятскаго епископа. Изъ актовъ, написанныхъ по этому случаю, узнаемъ, что цѣловальникъ отдавалъ пустошь не единолично, а „съ крестьяны“, и что пустошь на самомъ дѣлѣ должны были отвести „оброчные крестьяне“.

Конечно, писецъ и воевода старались тяглые пустоши отдать на условіи тягла, а не на оброкъ. Вѣроятно, въ началѣ столѣтія это и удавалось, но послѣ мы видимъ, что такія земли отдаются исключительно изъ оброка, такъ что переписанная 1678 г. и тяглыя, и оброчныя пустоши нерѣдко соединяетъ въ одну группу: „пустыя починки такого-то стану“. Въ концѣ XVII в. тяглыя пустоши прямо носятъ названіе „тяглые оброчные угодья и земли“)“.

*) Древніе акты, стр. 236.

Условія отдачи пустоши на оброкъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемой памяти 1695 г., мало отличались отъ дачи на оброкъ дикаго мѣста. Оброкъ до писца назначался воеводой по условію съ владѣльцемъ и вносился по указу или въ оброчный станъ, или въ приказную избу. Пустошь отводилась цѣловальникомъ съ мирскими людьми, причемъ воевода принималъ мѣры, чтобы владѣльцу не было отведено земли болѣе, чѣмъ ее значится въ писцовой книгѣ.—Писецъ на владѣніе пустошью выдавалъ „владѣнную писцовую выписъ“.

III) *Ясашныя земли.* Въ Хлыновскомъ уѣздѣ такихъ земель не было, но бывали нерѣдко случаи, что вятчане уходили на уржумскія ясашныя земли. Изъ этихъ земель можно было взять на оброкъ только пустующія. Давали ихъ на оброкъ уржумскіе или казанскіе воеводы ¹⁾).

Оброчныя статьи отдавались „съ перекупкой“ и „безъ перекупки“. „Съ перекупкой“, иначе „по торгу“, шли тѣ оброчныя статьи, къ которымъ не прилагалось рукъ человѣка, напр.: рыбныя ловли, бобровыя гоны и перевѣсы. Воевода или писецъ при дачѣ такихъ условій должны были заботиться болѣе всего „не изронить прибыли великаго государя“.

Пустоши и пустыя жеребьи, вѣроятно, тоже можно было во время переписи (такъ какъ воевода давалъ такія земли лишь до писца) приобрѣтать „изъ перекупки“ новымъ лицамъ, если на нихъ не было особыхъ крѣпостей; кто больше дастъ при этомъ „наддачи“, за тѣмъ земля и оставалась. Вотъ почему Успенскій монастырь и частныя лица, прибрѣтая новыя оброчныя земли, бьютъ челомъ, чтобы они отданы были имъ „впередъ для владѣнія безъ перекупки“, „безповоротно“ ²⁾). Въ некоторыхъ случаяхъ говорится: „безъ перекупки до писцовъ“ ³⁾), вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что писцамъ предостав-

¹⁾ Древніе акты, стр. 159 и въ нашихъ актахъ.

²⁾ «Они на томъ пустомъ мѣстѣ храма безъ нашего указу воздвигнуты и крестьянъ поселить не смѣютъ, для перекупки». (Древн. акты, стр. 180).

³⁾ Древніе акты, стр. 191. *Токмановъ* стр. 17 и 20.

ляется право по своему усмотрѣнію положить большій оброкъ. Кажется, что право владѣнія безъ перекупи давалось лишь особымъ указомъ государя; впрочемъ мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ навѣрное утверждать это.

Мѣста дикія отдавались безусловно безъ перекупи. Впрочемъ, завесеніе всякой земли въ писцовыя, должныя или переписныя книги, и дикой, и пустой, закрѣпляло ее за владѣльцемъ, но, кажется, лишь по обычаю, а не по ясно сознанному праву.

Каждый оброчный крестьянинъ былъ полнымъ владѣльцемъ земли, крѣпкой ему по владѣльной грамотѣ или по записи въ книги. Онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію ее:

1) *Завѣщать*, почему въ купчихъ всегда и отмѣчалось: „а мнѣ, и дѣтямъ моимъ, и сродичамъ въ ту оброчную землю не вступаться“. Намъ извѣстна любопытная раздѣльная роспись Калинина, которою онъ завѣщаетъ дѣтямъ и внучатамъ, каждому въ отдѣльности, свои почпки, пожни и движимое имѣніе (1610 г.)¹⁾. Право владѣнія на оброчную деревню наследниковъ было настолько велико, что она считалась за нимъ даже въ томъ случаѣ, если она „запустѣла и лѣсомъ поросла“; каждый изъ наследниковъ всякую минуту могъ продать другому лицу свой пай такой давно запущенной деревни²⁾.

2) *Продать*, какъ полную свою собственность, всю или любую часть. Изъ прилагаемой купчей 1618 г. видно, что въ послѣднемъ случаѣ давалась часть во всѣхъ угодьяхъ и до-машнихъ строеніяхъ еромѣ пазы владѣльца. Оброкъ оба новые владѣльца деревни должны были нести каждый съ своей части.

3) *Заложить* до выкупа. См. прилагаемую заемную кабалу 1700 г.

4) *Промѣнять* свою деревню или часть ее на другую оброчную землю, съ придачей и безъ придачи. Мы знаемъ

¹⁾ *Никитинская*: Описание Воскресенск. собора, стр. 7 приложений.

²⁾ Въ нашемъ собраніи документъ 1717 г. Хохряковъ.

случай, что было промѣнено займище на пай починка. Образецъ мѣноваго письма см. въ приложеніи.

5) *Передать* землю или *поступиться* ею. Мы знаемъ, что Федявинъ передалъ послѣ льготы свою землю Успенскому монастырю, который и платилъ за него оброкъ до укрѣпленія земли за собою. Приводимъ въ приложеніи поступную 1679 г.

6) „*Припустить на житье*“ или „*съ пашню*“. Такъ на Чепецкій погостъ около 1629 г. было припущено третье поле тяглою деревни Балезина. Въ пыжнскую деревню каринской волости былъ припущенъ на житье вотакъ; спустя нѣкоторое время сынъ припущенника сдаетъ сыну владѣльца свой пай земли за порядочную сумму (за 15 р.). Въ числѣ прочихъ приложеній приводимъ припускную записъ 1672 г.

7) *Приложить* въ монастырь или церковь. Мы уже знаемъ случай, когда крестьянинъ приложилъ свой починокъ къ Покровской церкви и себя посадилъ въ крестьянство въ ней. Въ приложеніяхъ нами номѣщается прикладная 1648 г.

Не могъ оброчный крестьянинъ сдѣлать съ своею землею одного—оставить ее въ пустѣ, что оговаривается въ воеводскихъ винныхъ выписяхъ, а вѣроятно и въ заручныхъ челобитныхъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи оброчный крестьянинъ, въ виду обилія пустыхъ земель, пользовался значительною свободою. Въ актахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ указанія, что цѣловальники преслѣдуютъ тяглыхъ бѣглецовъ и возвращаютъ ихъ на пашню, но не находимъ упоминаній, чтобы они преслѣдовали и оброчныхъ бѣглецовъ: заселить заброшенную оброчную землю вѣроятно было нетрудно.

Самое требованіе воеводъ: „не покинуть оброчной земли впустѣ“ выставляется въ данныхъ выписяхъ кажется не съ начала XVII в¹⁾.

¹⁾ Однако московская администрація, повидному, всегда считала оброчныхъ людей прикрѣпленными къ землѣ. Такъ, когда Коцеевъ преслѣдуетъ ему Филинову слободку, государь спрашивалъ воеводу, не имѣлъ ли онъ и его товарищи оброчныхъ земель и почему ихъ покинул. Воевода справился въ оброчныхъ книгахъ и отвѣтилъ, что «за Нахомкомъ Коцеевнымъ на оброкъ земель и иныхъ угодей нѣтъ».

Право владѣнія оброчныхъ крестьянъ на свои земли и угодья было такъ прочно и крѣпко, что они могли опасаться одного только: чтобы ихъ не приписали къ кому-нибудь въ вотчину. Хотя и въ этомъ случаѣ они не лишались правъ своихъ, но сборы вотчинникамъ современемъ становились настолько тяжелыми, что эти права дѣлались тяжелой обязанностью. Въ исторіи хлыновскихъ монастырскихъ и архіепископскихъ крестьянъ мы видимъ упорное и буйное отрицательство крестьянъ отъ своихъ вотчинниковъ.

Владѣя землею какъ полною собственностью, оброчные люди могли принять тотъ способъ пользованія ею, какой въ данную минуту представлялся имъ наиболее удобнымъ: обработывать ее своими руками, пахать наѣздомъ, припустить въ пашню сосѣднюю деревню, послать работниковъ, сдать котомщику, половнику, бобылю, принять на свои полосы складника или сосѣда.

Понимая огромную выгоду нераздѣльнаго владѣнія землею, оброчные крестьяне, когда можно было, охотнѣе всего брали пустошь или селились одною семьей на новомъ мѣстѣ. Поэтому-то въ началѣ столѣтія, при сравнительномъ обиліи пустыхъ земель, оброчные крестьяне селились чаще всего отдѣльными починками въ одинъ дворъ. Такъ въ 1615 г. въ спендинскомъ оброчномъ стану было 38 починковъ и только 2 деревни, въ этихъ 40 населенныхъ пунктахъ дворовъ было всего 42. Въ чепецкомъ оброчномъ стану въ то же время деревень вовсе не было, а стояло въ немъ 66 поч. и 7 займ., въ которыхъ считалось только 87 двор. Хотя къ концу вѣка отношеніе числа деревень къ числу дворовъ измѣнилось, но все же стремленіе оброчныхъ крестьянъ обособляться въ отдѣльное хозяйство бросается въ глаза. Въ тяглыхъ деревняхъ всегда бывало болѣе дворовъ, въ тяглыхъ станахъ замѣчается всегда меньшій процентъ починковъ, чѣмъ въ оброчныхъ. Въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ въ семьѣ крестьянинъ предпочиталъ увеличить ее половниками и работниками и съ великою неохотою, лишь отъ большой нужды, пускалъ на свою

землю компаньона, стараясь при первой возможности скупить обратно уступленную ему землю. Оброчное владѣніе землею въ идеалѣ своемъ было усадебное фермерское. Въ случаѣ совершенной необходимости обратиться къ продажѣ земли, владѣлецъ ея старается ограничиться продажей какой-нибудь ничтожной ея части или какого-нибудь уголья.

Если семья крестьянина растеть и земли не хватаетъ, онъ не отпускаетъ дѣтей отъ себя, а старается увеличить свой пай земли покупкой участка у сосѣдей или отъѣзжей пашней. Увеличеніе числа дворовъ и владѣльцевъ въ оброчныхъ деревняхъ къ концу XVII в. едва-ли не служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ постепеннаго обѣднѣнія крестьянъ, соединеннаго съ разложеніемъ семьи. Конечно разселенію починками много содѣйствовало также спокойное состояніе области, удаленной отъ границъ государства. Любопытно, что въ Хлыновской области болѣе или менѣе значительными поселеніями были деревни инородцевъ, именно вотяковъ.

Однако долго держаться въ единоличномъ владѣніи оброчный починокъ не можетъ. Еще первый владѣлецъ починка имѣетъ возможность пользоваться имъ до смерти своей, но уже дѣти его поставятъ отдѣльные дворы и въ случаѣ несогласія раздѣлять землю на самостоятельные участки или даже могутъ продать свой пай стороннимъ людямъ. Третье поколѣніе непременно раздѣлится. Участки земли отъ этого сдѣлаются такъ малы или невыгодны, что ихъ придется сдать первому желающему; далеко не всегда ихъ купятъ родственники, и вотъ въ починкѣ появляются новые люди другихъ фамилій, компаньоны—владѣльцы, *кладники*, которые ограждаютъ свои права на купленный пай земли точными актами и по этимъ актамъ сдаютъ ихъ новымъ лицамъ. Такимъ образомъ въ починкѣ со временемъ появляется множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый перѣдко владѣетъ ничтожною частью оброчной земли, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и даже меньше, и каждый крѣпко держится своего пая. По характеру владѣльцевъ починокъ становится не-

обыкновенно пестрымъ, мозаичнымъ, его раздираютъ на меньшіе и меньшіе клочки, пока кто-нибудь посторонній владѣлецъ не озаботится скупить у складниковъ ихъ пай. Акты и переписныя книги даютъ богатый матеріалъ для историка, интересующагося этой любопытной картиной XVII в. Мы еще недостаточно ознакомились съ содержаніемъ хлыновскихъ писцовыхъ книгъ, но не могли не замѣтить, что фамиліи первыхъ владѣльцевъ починковъ исчезаютъ изъ нихъ съ необыкновенной быстротой; уже сынъ перваго собственника оброчной деревни не часто остается въ пей, а внуки оказываются на родовомъ мѣстѣ даже очень рѣдко. Не безпорядочны и странны эти безпрестанныя передвиженія и все новыя и новыя комбинаціи владѣльцевъ оброчныхъ деревень, но законы этого движенія и даже основныя причины его ускользаютъ отъ насъ и представляются загадочными.

Изъ собранныхъ нами актовъ видно, что оброчныя земли между складниками по взаимному уговору либо размежевывались для каждаго отдѣльно, либо обрабатывались сообща. Первая форма владѣнія называлась „въ дѣлу“, или „въ дѣлу за межами“. Она была рѣдка. Кажется, „дѣлу“ совсѣмъ не было въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ складники жили въ деревнѣ на лицо и, слѣдовательно, могли лично охранять свои права; размежевывалась земля быть можетъ лишь тогда, когда владѣлецъ пая былъ бѣломѣстцемъ-горожаниномъ, посадившимъ на своемъ паяу половника, или же былъ онъ обитателемъ другой деревни. Какъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ владѣнія землею „со складники въ дѣлу за межами, а не въ росписѣхъ“ укажемъ слѣдующій. Крестьянинъ спенинскіаго стану Костанъ имѣлъ въ одной околородной оброчной деревнѣ четвертый пай, получивъ его отъ отца. Самъ онъ на паяу этомъ не жилъ, а размежевалъ его съ другими складниками и поселилъ на немъ половника. Въ 1667 г. онъ продалъ свой пай за хорошую цѣну посадскому Рязанцеву со всѣми дворными хоромами, съ яблонями, и съ половиною общихъ со складниками гу-

менныхъ хоромъ, съ условіемъ произвести расчетъ съ половникомъ¹⁾.

Какого рода межи разграничивали пай Рязанцева, мы не знаемъ. Другой актъ выражается о межахъ опредѣленіе: „земля въ дѣлу въ полосахъ“; но и тутъ мы еще не видимъ, охнѣ и тѣ же оставались полосы у владѣльца, или онѣ мѣнились²⁾.—Одна грамота XVIII в. говоритъ: „оного шестаго пая владѣть полосами, которыми понынѣ владѣемъ, и впредь оныя полосы не разѣзжать и не передѣлывать“. Были-ли такіе передѣлы въ XVII в., не знаемъ.

Вторая, общинная форма владѣнія опредѣлялась терминомъ „въ росписѣхъ“, иногда для усиленія: „въ росписи, а не въ раздѣлѣ“. Эта форма складническаго владѣнія оброчною землею была самою обыкновенною, такъ какъ она преемственно перешла изъ семейнаго быта, не успѣвъ еще утратить его основного характера,—общаго владѣнія землею. Въ этомъ случаѣ складники всегда оставались болѣе или менѣе семьею, хотя и фиктивною. Общее владѣніе землею имѣло два вида. Въ первомъ случаѣ вся земля засѣвалась общими сѣменами, собранными со складниковъ сообразно ихъ паямъ,—выросшій хлѣбъ сжинался и вымолачивался сообща, послѣ чего дѣлился также по паямъ. „А та намъ рожь вопчаю, выжать и измолотить по паямъ вмѣстѣ. И на гумнѣ ему Юсью изъ сѣмянъ вывать четвертая доля, а за тѣми сѣмянами что Богъ подастъ, расчипать начетверо, Максимови три доли, а Осѣва четвертая доля“³⁾. Когда одинъ изъ складниковъ расчищалъ новую землю (что на языкѣ грамотъ XVII в. называлось „припашью“), то другіе не имѣли на нее никакого права. Они могли требовать передѣла этой земли, причисленія къ общему количеству лишь

¹⁾ Стр. 14 въ началѣ намъ издавн актовъ Рязанцевыхъ. Другой случай см. тамъ же, стр. 12.

²⁾ Актъ 1642 г. изъ Котельничскаго уѣзда въ нашемъ собраніи грамотъ.

³⁾ Актъ 1642 г. изъ нашего собранія. Имъ не вполнѣ увѣренъ, что правильно понимаемъ его.

въ томъ случаѣ, если сами расчищали новыя пашни соотвѣтственно своимъ паямъ ¹⁾).

Приводимые нами въ приложеніи акты рисуютъ нѣкоторыя другія подробности этой формы владѣнія, хотя и нельзя сказать, чтобы—съ достаточною точностью. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ дворахъ гуменныя хоромы и колодцы были у складниковъ обыкновенно общіе, но владѣли ими складники по своимъ паямъ; иногда общими бывали еще: баня, сѣнные покосы около полей, гуменныя лужки, погребъ. Особыми отмѣчаются: сѣвникъ, яблоня, житницы, хмельники, житейская порядня, скотъ. Пай сдавался всегда съ уплатой оброка ²⁾). Иногда въ грамотахъ оброкъ указывается опредѣленно, а иногда говорится: „А государевъ оброкъ ему платить съ того починка съ такого-то пая съ товарыщемъ вмѣстѣ, что доведетца“, или: „А владѣть ему и съ повытѣмъ по книгамъ и денежнымъ окладомъ до розруба“.

Мы знаемъ изъ документовъ, что складники жили въ одномъ дворѣ, не дѣлясь хоромами, но, видимо, такъ дѣлалось только временно, и они спѣшили „отставиться“ въ другой дворъ: „Въ переписныхъ книгахъ записанъ въ березовскомъ тягломъ стану, а купилъ онъ тѣ деревни дѣтъ съ 7 и роздѣлился со складникомъ; тотъ дворъ поставилъ на тѣхъ же полосахъ“.

Писцы, дозорщики и переписчики рѣдко употребляютъ терминъ „складникъ“, именно тогда, когда надо сказать, что во дворѣ у такого-то живетъ его складникъ. Точно также пай каждаго складника отмѣчались писцами чрезвычайно рѣдко (конечно потому, что они были очень измѣнчивы и опредѣлялись частными условіями). Имущественныя отношенія складниковъ вообще не устанавливались писцами и основывались на разнаго рода „крѣпостяхъ“: купчихъ, заемныхъ кабалахъ, дѣловыхъ росписяхъ. Зато въ этихъ крѣпостяхъ слово „складникъ“ сто-

¹⁾ Документъ 1673 г. въ наконъ собраніи изъ числа грамотъ Котальничесткаго уѣзда.

²⁾ Оброкъ этотъ въ концѣ столѣтія называется прямо тягломъ.

ить нерушимо въ теченіе всего столѣтія, мѣнялся иногда на другой—„товарищъ“¹⁾).

Припускъ въ пашню, конечно, сопровождался также договорнымъ актомъ, но мы не нашли ни одного такого въро-ятно потому, что этотъ случай владѣнія землею былъ мало употребителенъ. Въ одномъ изъ документовъ (1648 г.) видимъ намекъ, что на припускную пашню владѣльцемъ накладыва-лись государевы подати.

Если была возможность обойтись безъ продажи части зем-ли, оброчные крестьяне въ облегченіе себѣ принимали на зем-лю и во дворъ *захребетниковъ*, малосемейныхъ или одинокихъ крестьянъ, которые жили у нихъ въ семьѣ, помогая въ хо-зяйствѣ и не неся никакихъ податей. Условія, на которыхъ захребетники принимались въ семью, были конечно весьма разнообразны, и едва-ли опредѣлялись письменнымъ догово-ромъ. Подъ захребетниками акты разумѣютъ вообще сторон-нихъ жильцовъ, главнымъ образомъ—*подворниковъ* и *сосѣдей*. „Въ этомъ же дворѣ въ другой избѣ складникъ его и по-дворникъ“. „У него же подворникъ нищей Иванъ Усолецъ же-вать“. Въ 1649 г. въ монастырской хлыновской слободѣ от-мѣчается 9 портныхъ мастеровъ, и у нихъ сосѣдъ портной же мастеръ, сынъ хлыновскаго посадскаго. Тамъ же было 3 чел. вдовъ, дѣтей и сосѣдей у нихъ 4 чел., „работу работаютъ“. „Призвавъ къ себѣ (на оброчную землю) въ сосѣдство посе-лили дворами свою братью крестьянъ Вятцого уѣзда“)“. У со-сѣдей жилали еще *подсосѣдники*. Точно опредѣлить значеніе словъ „сосѣдъ“ и „подворникъ“, по недостаточности указаній въ актахъ, мы затрудняемся. Быть можетъ, сосѣдями называ-лись пашенные захребетники, а подворниками—непашенные. Сосѣди встрѣчаются одинаково и въ деревняхъ, и на посадѣ, подворники, кажется, только въ деревняхъ.

¹⁾ Пашня одной березовской деревни въ 1682 г. граничила съ земля-ми пяти деревень, изъ которыхъ каждый владѣль кто-нибудь «съ товарищи».

²⁾ Переписная 1678 г., Древніе акты, стр. 182, наши акты.

Если были средства, нанимались *срочные работники*, всегда отмѣчаемые въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, во дворѣ своего хозяина. Сборовъ они не несли. Во дворахъ упоминаются также „срочные лѣтніе казаки“, носящіе мѣстные фамиліи.

Когда владѣлецъ не жилъ въ деревнѣ, онъ или распахи-валъ землю наѣздомъ, или сдавалъ ее кортомщику, половнику или бобылю.

Починки безъ двора и жилья назывались „отъѣзжей пашней“. Такія пашни бывали болѣе у монастырей, бѣломѣстцевъ, а также и у крестьянъ, несравненно чаще у тяглыхъ, чѣмъ у оброчныхъ. Отъѣзжія пашни чаще бывали на займищахъ, но также въ тяглыхъ и оброчныхъ деревняхъ, и еще на мельницахъ. Оплачивались они на ряду съ другими оброчными землями, а распахивались либо самимъ владѣльцемъ, либо его работниками. Монастыри пахали свои отъѣзжія пашни всрѣд-ко „дѣтенышами“, жившими при монастыряхъ, и своими старинными крестьянами, причемъ не стѣснялись разстояніемъ, посылая ихъ, напр., изъ сунской и вобловницкой волостей въ Полянки. Кажется, что дѣтеныши проходятъ не чрезъ весь XVII в.; по крайней мѣрѣ въ 1678 г. въ вотчинѣ Слободско-го монастыря ихъ уже не было, а всѣ отъѣзжія пашни заняты были половниками. Характеръ пользованія отъѣзжей землей въ официальныхъ актахъ опредѣлялся техническимъ выраженіемъ „пашутъ наѣздомъ“. Какое распространеніе имѣли отъѣзжія пашни послѣ перенесенія сбора подати съ земли на дворъ и какого рода сборъ несли онѣ тогда, мы пока не знаемъ.

Кортомщики въ Хлыновской области встрѣчаются весьма рѣдко, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣленія характера ихъ отношеній къ владѣльцу земли. Отъ половниковъ кортомщики отличались главнымъ образомъ, вѣроятно, тѣмъ, что не требовали отъ владѣльца земли никакой помощи, ни денежной, ни инвентарной; они вносили въ опредѣленные сроки кортому и пользовались землею какъ знали и хотѣли. Оттого-то, вѣроятно, этотъ классъ безземельныхъ крестьянъ

и былъ такъ мало распространенъ, что онъ состоялъ изъ сравнительно зажиточныхъ семей, которыя могли взять для обработки и оброчную землю. Намъ извѣстенъ составъ одной кортомной семьи; въ ней были: отецъ, сынъ, маленькіе внуки, срочный работникъ и складникъ. Больше всего кортомщиковъ было почему-то на каринскихъ земляхъ; здѣсь въ деревняхъ татарскихъ, отяцкихъ и бесермянскихъ „живутъ русскіе люди половники, а иные на кортому“¹⁾. Кортомщики были также въ закаринѣ, въ чепецкомъ и чистянскомъ стану. Въ вотчинахъ Слободского монастыря писецъ Воейковъ (1678 г.) одни деревни пишетъ оброчными, другія кортомными. Казенныхъ кортомныхъ деревень и угодій мы не встрѣтили.

Половники въ Хлыновской области были самымъ распространеннымъ типомъ безземельныхъ крестьянъ, особенно у крупныхъ вотчинниковъ, напр. монастырей и каринскихъ татаръ. Въ 1615 г. почти всѣ деревни Успенскаго монастыря обрабатываются половниками; среди 140 дворовъ всѣхъ хлыновскихъ монастырскихъ вотчинъ этого года крестьянъ не-половниковъ упоминается очень мало. Въ деревняхъ Слободского монастыря въ 1678 г. значатся только половники, съ дѣтьми и даже складниками. Въ 1615 г. въ деревняхъ и вотчинахъ березовскаго стану, принадлежащихъ протопопцѣ, дякону, городовому прикащику и подьячему, живутъ исключительно половники. Около 1678 г. хлыновскій посадскій Рязанцевъ расчищаетъ починокъ въ совьинской вол., ставитъ тамъ два двора и помѣщаетъ въ нихъ половниковъ. Церковныя Покровскія и Никольскія земли обрабатывались почти исключительно половниками. Въ Каринѣ половническихъ дворовъ было почти столько же, сколько и татарскихъ. Нѣтъ половниковъ въ городахъ, у вотяковъ и весьма рѣдко упоминаются они у крестьянъ.

¹⁾ Можетъ быть эти русскіе люди современны, опираясь на нѣкоторыя статьи Уложенія, надѣялись стать владѣльцами записанной ими земли. Въ этомъ смыслѣ они въ 1673 г. возбуждали ходатайство, но неудачно. (Древніе акты, стр. 190.)

Мы имѣемъ только одну запись въ половничестве, притомъ—сравнительно поздняго времени, 1719 г. По этой записи половнику дается участокъ земли, хозяйскія хоромы в подмога въ количествѣ 2 р. 10 алт., лошади и 3 осьмины ржи: онъ обязанъ „во всемъ“ слушаться хозяина своего, его дѣтей и приказчиковъ, ходить на всякія вадѣлія, куда позовуть, и пѣшимъ, и коннымъ, городить поля, въ пору выполнять всѣ работы. „А за непослушаніе наше волно ему хозяину насъ съ женами и дѣтьми смирать домовнымъ смиреніемъ, а намъ въ томъ на его хозяина, и на дѣтей и на приказчиковъ его въ томъ не быть челомъ и убытку никакого не чинить“¹⁾. Какъ видно, въ началѣ XVIII в. положеніе половниковъ было уже не изъ завидныхъ: половникъ беретъ слишкомъ непосильную ссуду, такъ что ему трудно выбиться изъ половничества, а хозяину предоставлялись слишкомъ отеческія права. Навѣрное, въ XVII в. половники были въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, иначе, при обиліи земель, половничество не получило бы такого распространенія. Въ условій съ владѣльцемъ земли половники были людьми свободными въ экономическомъ отношеніи. Они иногда имѣли складниковъ, пользовались оброчными угодьями, косили по условію чужія пожни.

Половники, будучи безземельными крестьянами, очень проиграли со времени наложенія подворной подати, такъ какъ стали теперь платить и хозяину за землю, и кромѣ того—отдѣльно съ cadaго своего двора въ казну, тогда какъ оброчные и тяглые крестьяне платили только съ двороваго числа. Какъ именно это распоряженіе о подати отразилось на половничествѣ, мы пока еще не знаемъ²⁾.

Не смотря на очень частое упоминаніе въ разнородныхъ актахъ *бобылей*, мы еще очень неясно понимаемъ это состояніе безземельныхъ крестьянъ. Городскіе бобыли занимались

¹⁾ Развидовскіе акты № 29.

²⁾ О половникахъ почти тоже нами изложено въ ст. «Земля и люди» стр. 20—22.

ремеслами и служили наемными рабочими, монастырскіе, повидному, иногда сидѣли на землѣ (не они-ли называются монастырскими дѣтенышами?), иногда же пашни не пахали и брались за всѣ случайныя занятія¹⁾. Про погостскихъ бобылей, самыхъ многочисленныхъ, въ писцовыхъ книгахъ обыкновенно отмѣчается: „пашни нѣтъ, платаются отъ церкви, даютъ оброкъ 5 алт. съ двора“, или даже ничего не говорится про пашню. Гдѣ же на погостѣ отмѣчено порядочное количество земли, тамъ указанъ большій оброкъ въ церковь (8 алт. и больше), и тамъ, надо думать, бобыли сидѣли на пашнѣ, хотя неизвѣстно, отъ себя или отъ церкви. Въ писцовыхъ книгахъ употребляется два термина предъ перечисленіемъ бобылей: „бобыли церковныя“ и „на церковной землѣ дворишка церковныя“; нельзя ли думать, что первые—непашенныя, а вторые—пашенныя? Были бобыльскіе дворы и въ ясашныхъ земляхъ²⁾, но въ крестьянскихъ оброчныхъ и тяглыхъ деревняхъ мы бобылей совершенно не видимъ; вѣроятно здѣсь они становились подворниками. Въ 1629 г. въ Хлыновѣ съ жильника пустого двора брали 6 алт. оброку, съ бобыльскаго двора 5 алт., какъ и со всѣхъ почти погостскихъ, изъ чего, кажется, точнѣе слѣдуетъ, что огромное большинство бобылей были лишь безземельными жильцами; иногда бобыли называются прямо нищими. Но есть данныя, показывающія, что нѣкоторое количество бобылей занималось и пашней. Въ 1656 г. земскій староста билъ челомъ на хлыновскихъ волостныхъ оброчныхъ и погостскихъ бобылей, что они пахутъ пашню на церковныхъ и другихъ земляхъ и не несутъ никакихъ податей кромѣ малыхъ оброчковъ въ 2—3 алт. Вслѣдствіе этого указомъ великаго государя было приказано со всѣхъ погостскихъ бобылей и церковныхъ крестьянъ брать по количеству занимаемой ими

¹⁾ Изъ 4 бобылей монастырской деревни въ 1649 году двое отпущены работниками, одинъ былъ винокуромъ (тоже, вѣроятно, монастырскимъ), другой ходилъ аршжкой на судахъ. Древніе акты, стр. 132.

²⁾ Древніе акты, стр. 160.

писцовой земли оброкъ, а также и всѣ новыя подати, наложенныя послѣ писцовъ¹⁾.

Можемъ сказать одно, что бобыли не имѣли хоть сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на характеръ и ходъ экономической жизни стана. Вѣроятно, ихъ не особенно охотно пускали на землю. Бобыли безразлично попадаются и въ тяглыхъ, и въ оброчныхъ станахъ.

Иногда владѣлецъ земли бралъ отъ бобыли поручную запись, но въ какихъ случаяхъ и на какихъ условіяхъ принимался бобыль, мы не знаемъ²⁾.

Изъ писцовыхъ книгъ извлекаемъ наблюдение, что тяглыя старыя деревни стояли на много лучшей землѣ, чѣмъ оброчныя повня. Въ тяглыхъ деревняхъ весьма нерѣдко отмѣчается добрая земля, тогда какъ оброчныя стоятъ обыкновенно на средней или даже худой. За то въ тяглыхъ деревняхъ всегда показывается много перелугу, а въ оброчныхъ его несравненно меньше (конечно потому, что съ оброчныхъ земель рѣже бѣжали, чѣмъ съ тяглыхъ).

При оброчной землѣ нѣтъ никакихъ угодій: ни сѣнокосовъ, ни рыбныхъ ловель. Оброчный крестьянинъ долженъ былъ все это взять отдѣльно изъ оброку, тогда какъ каждый тяглый человѣкъ имѣлъ свой безоброчный сѣнокосъ и даже другія угодья. Такъ и должно быть: правительство, налагая тягло, обязано было дать все необходимое для тяглеца, оброчный же крестьянинъ, добровольный землепашецъ, бралъ одну только голую землю. Кажется, что участокъ земли, взятой вмѣстѣ съ постройками на ней, лѣсомъ и сѣнными покосами, имѣлъ на официальномъ языкѣ опредѣленный терминъ „деревня“, тогда какъ поселеніе оброчнаго человѣка называлось обыкновенно „починкомъ“. Вотъ почему писцы 1629 г. пишутъ передъ перечисленіемъ поселеній „деревни тяглыя“, но— „земли оброчныя“. Великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1556 г. жалуетъ

¹⁾ Древніе акты, стр. 140.

²⁾ Древніе акты, стр. 136. Въ статьѣ «Земля и люди» собраны нѣкоторые статистическія данныя о бобыляхъ (стр. 34—36).

деревни „что къ тѣмъ деревнямъ изстари потагло пашни, и покосовъ, и лѣсу, и рыбные ловли и иныхъ угодей“; онъ же въ 1588 г. даетъ въ монастырь деревню „съ пашнею, и съ дворомъ, и съ овинномъ и со всякими угодья“¹⁾.

Въ податномъ отношеніи оброчныя земли отличались отъ тяглыхъ тѣмъ, что (до введенія общей стрѣлцкой подати) съ нихъ вмѣсто „дани“ брался „оброкъ“, такъ же по „вяткѣ“ земли, какъ и дань. По писцовымъ книгамъ первой четверти столѣтія оброчный сборъ опредѣлялся въ количествѣ 1 $\frac{1}{2}$ рублей (50 алт.) съ выти, т. е. по 4 $\frac{1}{2}$ алт. съ чети доброй земли и почти по 3 алт. съ чети худой. Кромѣ оброка наряду съ тяглыми оброчные крестьяне уплачивали, также по вяткѣ, стрѣлцкія и ямскія деньги и др. подати. Къ срединѣ XVII в. оброчные крестьяне уплачивали слѣдующіе сборы:

1) *Оброкъ*, отъ котораго можно было избавиться только по особому указу государя. Воевода до писца назначалъ оброкъ въ уменьшенномъ количествѣ; писецъ валагалъ на льготную землю общій валовой оброкъ.

2) Такъ называемое *новытѣ* или *подать*, т. е. стрѣлцкую и ямскую подать и сибирскій хлѣбъ²⁾.

3) *новоприбылые тѣла*, въ подмогу даточнымъ людямъ и на иные на всякіе расходы, которые прибыли вновь послѣ писцовъ. Эти сборы собирались со всѣхъ подворно по переписнымъ книгамъ, „чтобы никто въ избылкахъ не былъ“³⁾.

4) *деньги разрубныя* (*волостные разметы*, *земскіе разметы*) иначе—*денежный окладъ*, собираемый по „разрубу“ мирскихъ людей „на земскіе и мирскіе“. Вѣроятно, къ той же разрубной деньгѣ стали причисляться и тѣ платежи за оброчныя становныя земли, которыя иногда миръ принималъ на себя, напр., если эта земля отходила подъ церковь или къ церкви⁴⁾,

¹⁾ Древніе акты, стр. 29 и 39.

²⁾ Оброкъ и новытѣ назывались „государевой службой“. Собирались всегда съ сохъ по писцовымъ книгамъ.

³⁾ Древніе акты, стр. 140.

⁴⁾ Прикладная 1693 г. въ нашенъ собраніи.

а также уплата за бѣглецовъ недоимки, иначе— „старые долги земские“.

Разрубная денѣга до накопленія стрѣлцкихъ недоимокъ была очень незначительна, и разрубъ назначался рѣдко, почему оброчныя земли продавались съ опредѣленнымъ денежнымъ окладомъ „до разруба“, а не „по разрубу“. Новый разрубъ носилъ еще названіе „поверстки“.

Не имѣя въ рукахъ платежныхъ отписей этого времени, мы не можемъ опредѣлить, какъ велики были тогда сборы съ оброчныхъ земель въ общемъ итогѣ.

Съ 1673 г. характеръ сбора подати во всѣхъ поморскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Хлыновской области, измѣнился: въ этомъ году дань и оброкъ слиты со стрѣлцкою податью, которая и стала собираться по писцовымъ книгамъ по 2 р. за горсть, т. е. за четверть ржи и четверть овса. Въ общемъ это составило подать столь обременительную, что правительство, въ виду огромныхъ недоимокъ и непрерывныхъ жалобъ уѣздныхъ людей, чрезъ 7 л. (въ 1680 г.) должно было прибѣгнуть къ какому нибудь другому приему сбора податей. Оно выступило со смѣлымъ и весьма важнымъ шагомъ. По указу государя стрѣлцкій сборъ съ сошного письма переведенъ на дворовый, по 1 р. 10 алт. съ двора. Этимъ распоряженіемъ облегчено было положеніе тяглыхъ и оброчныхъ людей, владѣвшихъ землею, и привлечены къ государственному тяглу всѣ безземельные люди, если они владѣли дворами. Едва-ли справедлива была конверсія такого рода, но она упростила и облегчила сборы.

Переводъ податей на дворовое число много облегченъ былъ тѣмъ, что всюду только что были произведены новыя переписи, и тѣмъ, что сборы съ дворовъ въ государствѣ производились уже давно, именно во всѣхъ городахъ.

Такимъ образомъ въ концѣ XVII в. въ Хлыновской области установились слѣдующіе денежные сборы съ оброчныхъ земель (какъ и съ тяглыхъ): 1) стрѣлцкая подать, 2) ямская

подать и сибирскіе отпуски (уничтожены въ 1685 г.), 3) эвстренные сборы, 4) деньги разрубныя ²⁾.

Въроятно, съ 1680 г. принято было брать съ числа дворовъ всѣ сборы, и за писцовыми книгами осталось лишь значеніе справочныхъ земельныхъ документовъ. Цѣловальники и мірскіе люди вскорѣ установили и самую технику новаго порядка сборовъ, избобрѣтя уравнительную раскладочную единицу „деньгу“. нѣчто въ родѣ прежней „вйти“. Отсюда терминъ: „стрѣleckая деньга“, „ямская деньга“ и „разрубная деньга“, три главные рода сборовъ этого времени ³⁾. Въ спенцинскомъ стану размѣръ стрѣleckой деньги видоизмѣнился по годамъ такимъ образомъ: въ 1685 г. съ каждой деньги брали 16 алт. 4 д., въ 1687 г.—18 алт., въ 1689 г.—17 алт., въ 1691 г.—14 алт. 2 д., въ 1693—4 гривны, въ 1695—14 алт. 2 д., въ 1697 г.—12 алт. 4 д., въ 1698 г.—14 алт., въ 1700 г. 15 алт. 1 д. Ямской деньги и на земской и мірской становой расходъ въ 1695 г. взято по 10 алт. съ деньги, въ 1698 г. по 10 алт. 4 д., въ 1699 г. 16 алт. 4 д. ⁴⁾. Сколько дворовъ клалось въ деньгу и были ли дворы раздѣлены на лучшіе, средніе и другіе, какъ въ городахъ, мы не знаемъ. Роль цѣловальниковъ и окладчиковъ намъ тоже не вполне ясна ⁵⁾.

Сильное уменьшеніе количества тяглыхъ дворовъ и быстрое увеличеніе числа оброчныхъ составляютъ несомнѣнное и весьма видное явленіе въ Хлыновской области XVII в. По немнѣжю полныхъ данныхъ мы еще не можемъ обрисовать цѣльной картины этого явленія въ его постепенномъ ходѣ, но вотъ нѣкоторые немногіе, отрывочные факты, которые довольно живо знакомятъ съ нимъ. Въ 1629 г. въ тягломъ спенцинскомъ,

¹⁾ Даже Каринскія земли переоброченны были съ 1680 г. тѣмъ же сборамъ по дворовому числу.

²⁾ Уже въ 1682 г. встрѣчаемъ въ условіяхъ общее выраженіе: «са тягло платитъ съ денежного окладу», гдѣ подъ словомъ «тягло» нужно разумѣть всѣ востаннине сборы.

³⁾ Акти Разанцевыхъ № 33.

⁴⁾ Подробности о сборахъ на Вяткѣ см. въ нашей статьѣ: «Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст.» въ Вятскомъ календарѣ на 1888 г.

давно заселенномъ стану было 444 двора въ живущемъ, въ 1646 г. это число падаетъ до 317 дв., а въ 1678 г. уменьшается до 247 дв.; соответственно увеличивается число пустыхъ дворовъ. Въ томъ же оброчномъ стану въ 1615 г. было всего 42 дв., въ 1629 г.—78, въ 1646 г.—187, въ 1678 г.—185. Въ березовскомъ тягломъ стану въ 1629 г. считалось тяглыхъ 273 дв., въ 1678 г.—315 дв., но оброчныхъ въ то же время тамъ было втрое больше: 664 дв. Чепецкій тяглый станъ въ 1629 г. имѣлъ 260 дв., въ 1678 г.—120 дв. въ живущемъ и 187 пустыхъ. Въ тяглой бритовской вол. въ 1646 г. было 280 дв., въ 1678 г.—164. Въ 1629 г. въ шестаковскомъ стану на 61 дв. въ живущемъ было 147 пустыхъ дворовъ и 59 дворовыхъ мѣстъ! Въ сырянскомъ тягломъ стану въ томъ же 1629 г. половина дворовъ стояли пустыми. Въ томъ и другомъ стану оброчныхъ дворовъ было уже значительно болѣе, чѣмъ тяглыхъ ¹⁾).

Начало оброчныхъ земель въ Хлыновской области совпадаетъ, кажется, со смутнымъ временемъ, такъ какъ, повидному, въ половинѣ XVI в. съ обычаемъ брать земли на оброкъ вятчане, какъ мы видѣли выше, еще не были знакомы. Если смутное время не опустошило вятскую землю, то возможно, что оно распугало, разметало населеніе изъ главныхъ центровъ, разсадивъ его по глухимъ ramenьямъ на оброчную пашню, сильно увеличившуюся вслѣдствіе этого въ своемъ количествѣ. Послѣ этого много людей изъ Хлыновской области ушло въ Строгановскія вотчины, потомъ на новыя льготныя мѣста въ Сибирь, еще позднѣе тяжесть стрѣleckихъ податей дѣлаетъ бѣгство вятчанъ во всѣ стороны обычнымъ явленіемъ, но, повторяемъ, страдаютъ отъ опустошенія не оброчныя земли, а главнымъ образомъ тяглыя,—доказательство того, что оброчная форма владѣнія землею была несравненно удобнѣе ²⁾).

¹⁾ Въ сырянскомъ особенно много оброчныхъ деревень пришло почему-то въ 1629 г. — Деревни разныхъ становъ были очень перемѣшаны, такъ что бывали случаи, что въ одной и той же деревнѣ оброчныя и тяглыя дворы стояли рядомъ.

²⁾ Читателю, вѣроятно, замѣчено, что авторъ въ своей монетѣ на-

ПРИЛОЖЕНІЯ 2.

1686. Даныя земли воеводе Матюшкину за три зак пустои деревни.

Лѣта 7203 г. сент. въ 12 д. по указу велик. госуд. (тит.) ближней околничей и воевода Иванъ Левамясьевичъ Матюшкинъ съ товарищи даны на оброкъ до писцовъ подъ пашню на полполполчети выти земли и подъ сѣнные покосы новой слободки Фляпковки Данилку Павлову сыну Матюшкову въ той же слободкѣ Фляпковкѣ три паш. пустои деревни. А мѣсяцъ той деревни съ Ларкою Саламатовымъ съ товарищи по ровальной межѣ, а отъ той межки отъ воротъ по огороду, а съ того огорода впрямь на дожекѣ, что у дворища Федки Салтыкова, и по тому ложку выливъ до Косы рѣки, а за Косою рѣкою до Соснового болота, а полдѣ Сосновое болото до рч. Кривуши, а выливъ по Кривухѣ рч. до тое жѣ Косы рѣки, а сверху по Косѣ рѣкѣ по лѣвой сторонѣ до Каменные Слудки по первому ложку смежно съ нинѣ же Данилкою, а съ того ложку впрямь на ту жѣ первую ровальную межу противъ ихъ Ларки Саламатова крѣпостей, и съ ...ровскимъ наволочкомъ опрочъ терешинскаго Шахомовскаго наволоку; что въ тѣхъ межкахъ, буде то мѣсто лежить впускѣ и ян у кого не на оброкѣ и никто не владѣтъ, и къ тяжлымъ и оброчнымъ землямъ, и къ архіепископамъ и къ монастырскимъ вотчинамъ въ окладѣ не приписано, и ему Данилку по тѣмъ межкамъ тѣмъ мѣстами владѣтъ, и подъ пашню и подъ сѣнные покосы рощичать; а поля пашню рощичать на полполполчети выти земли. А оброку ему Данилку платитъ съ той пашни съ полполполчети выти земли по полдудесятѣ денгѣ, а съ сѣнныхъ покосовъ и съ наволочковъ платитъ по 5 алт. на годъ въ приказную язбу малъ худъ по указу доведетца. А на нынѣшней 203 г. тотъ оброкъ съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ 6 алт. 3½ д. въ приказную язбу влети; да и впредь ему тотъ оброкъ платитъ по вся годъ безъ домики. И цѣлованику того стану съ мирскими людьми отвѣсть ему Данилку противъ ево челобитья по тѣмъ межкамъ подъ пашню на полполполчети выти земли и тѣ наволочки подъ сѣнные покосы, буде спору ни съ кѣмъ не будетъ, и тое отводную за своєю и за отводчиковыми руками прислатъ въ Хлыновъ въ Приказную язбу. А буде отъ Данилко сверху сошного писма станеть по твоему отводу владѣтъ и тѣ оброчные денги доправлены будутъ на тебѣ вдвое. А буде въ чомъ учинятца споръ, съ память, ясна и отвѣтчика выслатъ въ Хлыновъ къ очной ставкѣ. Къ сей памяти ближней околничей и воевода И. А. Матюшкинъ печать свою приложилъ.—Смотрѣлъ Ковесика Кудякинъ. (Изъ архива Слободской Косицкой церкви).

1618. Купчая за третью оброчной деревни.

... сторонамъ и въ дворными хоромы (а во дворѣ хоромъ изба старая по концѣ моего Оролова сѣнника), да житница на гумнѣ, да треть бани, да треть въ овины, и со всѣмъ безъ вывода опрочъ проживнымъ порядки и созо... да опрочи сѣяной ржи, что сѣяно къ лѣтней порѣ (?) къ 126 г., да опрочъ паровъ... (а двѣ) трети того же починка земли за мною Ороломъ осталось не въ продажѣ. А хоромы мои Ороловы особъ стоять, и до моихъ хоромъ Ороловыхъ особныхъ Панкрату дѣла нѣтъ. А продаждь есмь ему къ вешнему сѣву. А земля того починка не въ продажѣ. А трава на томъ починкѣ въ

ложитъ состояніе оброчныхъ земель на Вяткѣ въ XVII в. не выходитъ за предѣлы спеціальнаго мѣстныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ, и рѣшился не сѣбянить себя мнѣніями лицъ, прежде его работавшихъ въ томъ же направленіи. Для первоначальной обработки темы такой характеръ работы автору представляется наиболее желательнымъ, а главное удобнымъ.

*) Всѣ предлагаемые акты печатаются впервые.

оржаномъ полѣ и яровомъ третѣ, въ лужкахъ и гуменикахъ косити Панкрату, а мнѣ Ѳролу двѣ трети; а какъ рожь сожму съ поля язь Ѳролъ сего 126 году, и сму Панкрату и въ томъ полѣ въ оржаномъ третѣ. А въ межахъ тогъ мой починокъ весь съ Ѳедосѣевымъ починкомъ да съ Тимоосевымъ и ихъ складники по огорода, что къ рѣчкѣ (?) концомъ Совѣ въ восточную сторону, да по другую сторону по огорода и по осѣнкѣ съ ними жъ, да съ третью сторону съ Карпомъ Михайловымъ Бѣлоглазымъ въ оврагъ глубокой явивъ отъ Бобина, и со всѣми мешки по старымъ межамъ, куда того трети починка моего топоръ и коса и соха ходила, чѣмъ есмь... язь продавецъ Ѳролъ у Панкрата на темъ трети починкѣ опричь ржи сѣяной къ 126 г. 9 рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ. А въ отводѣ и во очищеніи той трети починка отъ всякихъ крѣпостей и подписокъ и отъ межешчиковъ и отъ воичиновъ (вогчиновъ?) язь продавецъ Ѳролъ. А оброку государева на томъ моемъ на всемъ починкѣ по дозорнымъ книгама и по государевѣ грамотѣ пол-восми гривны; и мнѣ Панкрату того государева оброку платити съ того трети починка треть сегогола, какъ учнутъ государевъ оброкъ збирати, а впрядь оброку что государь укажетъ. Да нымѣшняго же 126 году съ Петрова дня и Павлова святыхъ апостолъ мнѣ Панкрату съ тое трети починка давати съ Ѳроломъ вмѣстѣ третъ во всякіе государевы службы и земскіе роукы и въ старые волоостные долги земскіе съ оброчными крестьяни вѣстѣ. А на то послуши слободской земской дѣля Иванъ Ларионовъ сынъ Курочкинъ да Богданъ Соколовъ сынъ Діжковъ. Купчюю писалъ Родка Ивановъ сынъ Панкратовъ язьта 7126 году апрѣда во 2 дѣнь.

На оборотѣ подлисъ послуха Богдана Діжкова. (Изъ нашего собранія грамотъ).

1700 г. Закладная за оброчную деревню Сошкинской волости.

Се язь Слободского уѣзда совьенской вол. Иванъ Данил. сынъ Вязковъ занялъ тое-жъ совьенской вол. у Евсевія Прокоп. сына Лопаткина 11 рублевъ съ полтиною денегъ московскихъ ходячихъ до сроку до Еоргіева дни вешняго нымѣшняго 1700 г. А въ тѣхъ денгахъ я заимщикъ Иванъ подписалъ на тогъ срокъ ему Евсевію деревню свою починкомъ отца своего благословеніи и въ закладнымъ паемъ и съ сѣнными покосы и съ лужки и со всякими угоды, и со всѣми дворными и гумениными хоромы. А та деревня въ Слободскомъ уѣздѣ въ Совьенской волости за рѣчкою Дѣловскою смежно... и со всѣми мешки по старымъ межамъ, чѣмъ я заимщикъ тою деревнею починкомъ и закладнымъ паемъ деревни жъ, что идетъ отъ Митрея Вохмина, владѣлъ, и съ сѣнными покосы и дворными хоромы и гуменами, тѣмъ Евсевію и подписалъ. А буде я заимщикъ на тогъ вышписанный срокъ къ нему Евсевію денегъ не заплачу, и (послѣ) того сроку на тое мою деревню починкомъ и на припускной пай деревни жъ и на сѣнные покосы... съ закладная кабала и въ купчїе мѣсто.. И по строцѣ волю ему Евсевію тое деревню, что въ сей закладной писано, продать и заложити. А по владѣнію ему Евсевію тою деревнею по строцѣ, съ той деревни тягло платити во всякіе мірскіе доходы и стрѣльцкіе денги съ совьенскими крестьяни въ рядъ ему Евсевію... на то послуши... (Грамота приводится въ сокращенномъ видѣ).

1682. Житное лѣсло крестьянъ оброчныхъ становъ частныя деревень.

Се язь березовского стану Иванъ Акифїевъ сынъ Рябевъ промѣнилъ того же стану Миневъ Авонас. сыну Паресову половину деревни своей, а другая половина тое деревни за Максимомъ Корсеновымъ. А промѣнилъ и съ дворными своими и гумениными хоромы и съ хмелинками и съ гуменинымъ лужкомъ, а въ гум... половина, и съ баней. А вся та деревня въ березовскомъ въ оброчномъ стану, въ межахъ... съ Петромъ Маловъ съ товарищи... А владѣлъ я Иванъ у него Миневъ два пай деревни, а третей пай тое деревни

за Ермиѣемъ Лобановымъ; а вымѣнилъ и съ дворянами и гусениными хороми, а въ гусениномъ лужкѣ два пай, а въ овину и въ банѣ и въ погребу половину, а вымѣнилъ и съ хмелиномъ. А вся та деревня въ чепецкомъ оброчномъ стану въ межахъ съ Емельяномъ Ходырскимъ по огороду и по осыку и по розвалной межѣ, да съ Ивановъ Рыловымъ съ товарищи по розвалной межѣ, да съ Савою Кириловымъ по осыку до догу... А что есть на моеѣ Ивановѣ половинѣ деревни посябно овини, что къ нынѣшнему ко 190 году, и что у него посябно овини, и та рожь съ моеѣ половины деревни, а ему Минсѣю со своей снять всякому на себя. А тягло платить съ денежного окладу до Семенова дни лѣтоначатца 191 году всякому свое, а послѣ Семенова дни платить съ мѣновыхъ. А до старыхъ невыплатокъ до тягла мнѣ Ивану до сво Минсеева, ему Минсѣю до моего дѣла мѣтъ. А придалъ онъ Минсѣ мнѣ Ивану со своими дѣлами паями деревни 3 р. денегъ... На то послуся... (Документъ печатается съ пропусками. Изъ нашего собранія грамотъ).

1670. Поступная дѣловая роспись между братьями Бабинцами.

Се азъ Березовского стану Кирилъ, Симанъ да Тимошеѣ Ивановы дѣти Бабинцовы подѣлялись есмь межъ собою полюбовно; а въ дѣлу мнѣ братья Симанъ да Тимошеѣ поступились ему Кирилу въ третѣ деревнѣ своихъ двухъ пашей и въ дворяныхъ и въ гусениныхъ хоромахъ, а третей пай тое жъ трети за нимъ же Кириломъ. А вся та деревня въ Березовскомъ оброчномъ стану въ окладствѣ съ Козмою Феденинымъ съ товарищи. А что есть у него Симана особой починокъ въ томъ же стану промежъ рѣчками Ирдымами, и тѣмъ починкомъ ему Симану владѣть. А ему Кирилу нашими паями деревни владѣть поступились мы ему тѣхъ пашей за салдатскую службу сына сво Сергѣя. И впредь мнѣ Кирилу и сыну моему Кирилу на нихъ Симанѣ и Тимошеѣ салдаткой подмоги и переѣтны не спрашивать. А которой изъ насъ до сихъ росписей какимъ житѣйскимъ заводомъ и скотомъ владѣть и у кого что нынѣ есть, тому тѣмъ и владѣть; а который изъ насъ гдѣ въ кабакахъ или въ порукахъ по комъ писанъ, и тому тотъ долгъ самому собою исполнять потому что мы живемъ до сихъ росписей. Поверстаны по себѣ лѣтъ въ двадцать. А буди изъ насъ которой братъ или дѣти наши впредь послѣ сего дѣлу которыми дѣлами передѣлыватца станемъ или дѣлъ вновь счинать начнемъ, и на томъ дѣловшикѣ взять счину прещъ суда тому, которой не передѣлыватца, на себя 20 рублей денегъ. Въ томъ межъ собою написали двѣ дѣловые, обѣ однаки, и розняли ихъ по себѣ; одна дѣловая дана Кирилу, а другая дѣловая дана двумъ одна, Симану да Тимошею. На то' послухъ Иванъ Михѣевъ, Прохоръ Лебедевъ. Дѣловую писалъ Илюшка Мезениновъ лѣта 7187 г. юня въ 24 д.

На оборотѣ подписи Фомки Семакина (вмѣсто Бабинцевыхъ) и послуховъ. (Изъ архива церкви села Рабиновскаго Вятскаго уѣзда).

1672. Припуская запись.

Се азъ березовского стану Козма Ивановъ сынъ Феденинъ, Симанъ Ивановъ сынъ Бабинцевъ дали сию запись Кирилу Иванову сыну Бабинцову въ томъ, что въ нынѣшнемъ въ 180 г. марта въ 12 д. по государеву указу и по даной памяти столника и воеводы Венед. Андр. Зисова дано намъ, Козмѣ да Симану, въ березовскомъ оброчномъ стану лѣкое рамшико черной глѣсъ съ устья рѣчки Малова Ирдыму вверхъ по той рѣчкѣ на лѣвой сторонѣ до верховини, а съ верховини тое рѣчки на рѣчку Костику на верховину жъ, а съ тое рѣчки верховини на рѣчку малую Кумену, а по той рѣчкѣ внизъ на правой сторонѣ до Большия рѣчки Кумены, да вверхъ по той рѣчкѣ до малыхъ росохъ опричь оброчныхъ стѣнныхъ покосовъ, а съ тѣхъ росохъ по Малой же рѣчкѣ Куменѣ вверхъ въ лѣвую сторону до верховини жъ, а съ тое рѣчки верховини на рѣчку Большой Ирдымѣ, да внизъ по тому Ирдыму

на правой сторонѣ до устья жъ рѣчки Малова Ирдиму. И съ того мѣста вѣдѣно намъ Козимѣ да Симану оброку платити въ государеву казну съ дочеты выти земля по 6 алт. 1 $\frac{1}{2}$ д. на всякой годъ и всякіе подати платити по тому жъ. И въ то дѣло рашешко имъ Козма да Симанъ припустили ево Кирила по своей даной оброчной памяти по тѣмъ межамъ въ пятой пай. И ему Кирилу тѣмъ мѣстомъ пятымъ пасемъ владѣть по нашей даной памяти и оброчныя денги пятой пай и во всякіе возникого государя доходы и въ мірскіе расходы платити сжегодъ безпереводно. А буде о томъ мѣстѣ съ кѣмъ-учинится споръ, и ему Кирилу за то мѣсто стоять съ нами Козмомъ да Симаномъ ввопчѣ, въ томъ ему и запись дали. На то послуши Фед. Рублевъ, Кирило Рукавишниковъ. Запись писалъ Васка Лаженецкииъ лѣта 7180 г. марта въ 14 д.

На оборотѣ подпись Гр. Огородникова (вмѣсто Федянина и Бабинцова) и послуховъ. (Изъ архива церкви с. Рябиновскаго Вятскаго уѣзда).

1648. Прикладная оброчной земли къ Сосновской церкви.

Се авъ Карманъ Степановъ сынъ Сосновскій, да съ дѣтми своими Андрускъ да Леонасьемъ да съ Михаиломъ, приложили еси чепецкого стану въ Сосновскомъ приходѣ подъ церква подъ храмъ Пресвятыя Богородицы да Георгія страстотерпца деревенскіе земля въ прикладъ на церковное строеніе на площадь и усопшихъ прихранять. Отъ новыя церкви Преса. Богор. земля отмѣрено съ правую сторону церкви по пятымъ повади церква и по лѣвой сторонѣ по 12 саж. печатныхъ, да съ нижнюю сторону съ ровалыныя межи, да по логу по текучей водѣ и до рѣки, да повади церква Георгія страст. по огороду старому до рч. Чепимъ до скотского выпуска прямо до логу доль (избѣ?) моихъ судовыхъ (?) Кормановыхъ опричь моего ковопьянника и капуншица, что до того прежде владѣлъ. А что на той землѣ ставлено погостскихъ жилищей дворовъ бобыльскихъ сколько ни есть, и съ тѣхъ жилищекъ дворовъ съ тое прикладныя земля старостѣ церковному съ приходскими людьми по силѣ въ окладѣ класти оброки съ двора, по чему приходу (приходить?) на всякое церковное строеніе и фиміамъ и заданъ, и тѣ оброки годовую дачу и платити въ казну денги, что они тѣхъ дворовъ напередъ сего погостскіе жилиши къ церкви ничего не плачивали для того, что на моеи Кормановой землѣ на оброчной на деревенской поставлены. А изгорода деревенская и жердя кругомъ тѣхъ церквей обонхъ и кругомъ площади по тѣмъ межамъ кѣкъ писано, городити самому Корману съ дѣтми; и дѣти мои въ ту прикладную землю и погостскіе дворы не вступаютъ. А податей государевыхъ и викарихъ на ту прикладную землю мнѣ Корману со своей деревни и на бобылей не накладывать. Въ томъ и прикладную далъ старостѣ церковному Нестеру Ярославову да мірскимъ приходскимъ людямъ и дали держатъ въ казнѣ. Федоръ Анисимовъ сынъ Овчинниковъ. Давидъ Леонасьевъ сынъ Дивьянши. А (прикладную писалъ церкви Сосновской дѣлчкъ Ивашко Козминъ сынъ Сазиматовъ лѣта 7156 г. авг. въ 31 день.

На оборотѣ подпись попа Георгіевскаго Феодота вмѣсто Кармана и послуховъ. (Съ новой копій, хранящейся въ церкви с. Сосновскаго Слободскаго уѣзда).

А. Спицинъ.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА I

Очеркъ исторіи.

Мордва представляет собою крупнѣйшее изъ современныхъ восточно-финскихъ племенъ. Она занимает своими поселеніями значительныя пространства въ губерніяхъ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Казанской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской.

Своими прошлыми судьбами Мордва входитъ, какъ видный дѣятель, въ исторію княжествъ Рязанскаго и Суздальско-Нижегородскаго. Почтенная древность эпохи Юрія Всеволодовича не представляет собою границы, дальше которой мы не могли-бы углубиться въ прошлое мордовскаго племени. О странѣ *Mordia* говоритъ Константинъ Багрянородный въ своей книгѣ „de administrando imperio“¹⁾; еще глубже въ прошедшемъ мы встрѣчаемъ упоминаніе племени *Mordens* у Иорнанда. Племя это среди цѣлаго ряда другихъ, до сихъ поръ болѣе или менѣе точно не опредѣленныхъ, фигурируетъ въ числѣ покоренныхъ Готскимъ королемъ Эрманарихомъ²⁾. На Иорнандѣ прекращаются извѣстія историковъ. Брошенное имъ упоминаніе о Мордвѣ представляет собою границу, отдѣляющую исто-

¹⁾ Страна эта лежитъ по указанію Византійскаго историка между Славянами, Печенѣгами и Булгарами.

²⁾ «De rebus Goticis».

ричскій періодъ ея жизни отъ доисторическаго. Нашимъ первымъ и главнымъ въ настоящее время руководителемъ въ области доисторическаго прошлаго Мордвы является филологія.

Въ 1879 г. въ Будапештѣ появилась работа мадыарскаго ученаго, нынѣ академика, І. Буденца „Ueber die Verzweigung der Finnischen Sprachen“. Буденцъ намѣчаетъ въ ней на основаніи языка основные моменты исторіи Финновъ. Сравнительное изученіе финскихъ нарѣчій привело его къ убѣжденію, что Мордва, Черемисы и Суоми составляли одну изъ группъ, на которыя распалось нѣкогда единое пра-финское племя— ю ж в у ю; въ составъ сѣ в е р н о й, по его мнѣнію, входили предки нынѣшнихъ Лопарей, Зырянъ съ Вотяками, Вогуловъ съ Остяками и Мадыарами.

Профессоръ Гельсингфорскаго университета О. Доннеръ дважды затронулъ въ своихъ трудахъ вопросъ о доисторическомъ прошломъ Мордвы и Суоми. Въ заключительныхъ строкахъ своего изслѣдованія „Die gegenseitige Verwandtschaft der Finnisch-Ugrischen Sprachen (Hels. 1879)“ онъ такъ резюмируетъ свои выводы изъ сравнительнаго изученія финскихъ нарѣчій: „Волжско-Балтійскіе Финны жили совмѣстно долгое время послѣ отдѣленія отъ пермской группы, слегка соприкасаясь съ германскими народами, отъ которыхъ они заимствовали десятичную систему счисления и незначительное количество культурныхъ словъ. Новые историческіе перевороты двинули западно-финскіе народы дальше на Западъ и Сѣверъ— и на это время приходится періодъ перваго значительнаго культурнаго вліянія Германцевъ (первыя столѣтія нашей эры). Въ это же время становится впервые замѣтно и литовское вліяніе“.

Въ статьѣ „Ueber den Einfluss des Litauischen auf die Finnischen Sprachen“ проф. Доннеръ нѣсколько иначе представляетъ это дѣло. Первое соприкосновеніе нераздѣльныхъ еще Мордвы и западныхъ Финновъ съ Германцами (Готами) имѣло мѣсто во внутренней Россіи, примѣрно въ Московской области. Къ тому же „мордовско-финскому“ періоду совмѣст-

ной жизни относится сопрякосновение съ Литовцами и Славянами; въ мордовскомъ языкѣ оказываются слѣды не только готскаго, но и литовскаго вліянія. У кого Финны разсматриваемой группы заимствовали десятичную систему счисления, Допнеръ въ этой статьѣ уже не рѣшается говорить положительно. Онъ думаетъ, что рядомъ съ Литовцами въ дѣлѣ передачи Мордвѣ и Финнамъ системы чиселъ участвовали и Славяне (*sata* ! сто) ¹⁾.

Въ новѣйшемъ трудѣ извѣстнаго датскаго финнолога, профессора Копенгагенскаго университета, В. Томсена „*Begründing mellest de finske og de baltiske (lettisk-litauiske) Sprog*“. Кіор. 1890) мы встрѣчаемъ новую схему, въ которой представляется на основаніи данныхъ языка доисторическое прошлое Мордвы.—Въ эпоху, когда на финскіе языки началось готское вліяніе—а началось оно, судя по архангелскимъ формамъ заимствованныхъ Финнами у Готовъ словъ, раньше вѣка Вульфимы (318—388), Черемисы и Мордва были уже оторваны отъ западныхъ Финновъ: въ ихъ языкахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого вліянія. Эта эпоха совпадаетъ съ концомъ болѣе ранняго періода въ исторіи приволжскихъ Финновъ—періода, когда Мордва составляла нераздѣльное цѣлое съ Финнами Балтійскими. Въ этотъ древнѣйшій періодъ своей исторіи она вмѣстѣ съ Черемисами и Суоми испитала сильное вліяніе литовскаго племени. Мордва соприкасалась съ литовскими племенами и послѣ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ Суоми: кромѣ литовскихъ словъ, заимствованныхъ совместно съ западными Финнами, въ ея языкѣ есть такіа литовскія слова, которыхъ нѣтъ въ нарѣчіяхъ этихъ послѣднихъ. Время, когда совершилось воздѣйствіе литовскаго племени на Мордву и Суоми, совпадаетъ, по мнѣнію Томсена, съ началомъ нашей эры или отходитъ даже нѣсколько глубже.—Филологія уводитъ насъ такимъ образомъ на цѣлыя столѣтія дальше, чѣмъ самыя древнія свидѣтельства исторіи, въ такую

¹⁾ Intern. Zeitsch. für allgem. Sprachwiss I, 257—271.

эпоху, когда Мордва еще не начинала выдѣляться изъ группы, обнимавшей собою предковъ послѣдующихъ западныхъ и волжскихъ Финновъ. За этой эпохой идетъ нетронутая наукой эпоха пра-финнская, когда нераздѣльнымъ еще финскимъ племенемъ закладывались самые первые элементы культуры. Попытки заглянуть съ свѣточемъ языкознанія въ отдаленное прошлое Мордвы, которыя мы встрѣчаемъ у Томсена, финскихъ и мадьярскихъ ученыхъ, привели изслѣдователей къ разнорѣчьямъ относительно деталей: схема Томсена не во всѣхъ подробностяхъ совпадаетъ съ выводами, къ которымъ приходитъ Довнеръ. Который изъ двухъ авторитетныхъ ученыхъ правъ въ спорномъ вопросѣ о готскомъ вліяніи на Мордву въ такъ называемый мордовско-финскій періодъ ея исторіи, рѣшить, конечно, только филологъ. Несомнѣнно одно: категорически отрицать на основаніи данныхъ филологіи какія-то отношенія между Мордвой и Готами, которыя легли въ основаніе извѣстій Юрнанда, нѣтъ основаній. Его современникамъ могло быть извѣстно имя Мордвы; на счетъ зависимости ея отъ Эрманириха самъ Юрнандъ или его источники могли, конечно, и прихвастнуть.

Изслѣдованіе отношеній финско-мордовскаго элемента къ германскому, литовскому и славянскому знакомитъ насъ съ сосѣдями, которыхъ имѣла Мордва въ доисторическую эпоху. Наши свѣдѣнія относительно этого предмета пополняются изслѣдованіемъ правскихъ элементовъ въ языкѣ Мордвы. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ, если мы не ошибаемся, проф. В. Томашекъ въ своей статьѣ „Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden“¹⁾. Приводимъ изъ ряда его параллелей тѣ, въ которыхъ оказывается родство между языками мордовскимъ и осетинскимъ—въ виду того, что Осетины считаются эранистами племенемъ наиболѣе близкимъ къ древнимъ Сарматамъ: м. waza—теленокъ | осет. pa'ssā, м. sājā—коза | ос. sāghā, м. werā, merys—ягненокъ | осет. warik. Внима-

¹⁾ Sitzungsbericht d. hist.-philol. Cl. d. Wien. Akad. Bd. CLVII.

нія финнологовъ заслуживаютъ и тѣ сближенія мордовскаго съ зендскимъ и другими эранскими элементами, которыя устанавливаетъ Томашекъ: м. *retkel'* | *sarikol. retgal*, м. *uzug* топоръ | зенд. *vazga*, м. *kāg'at* рѣзакъ у плуга | зенд. *kageta*, м. *suī* | нампр. *ṣiṣaṣ*, м. *mākš* пчела | *takhiī*, м. *ugus* кабанъ | эд. *vaḡaza*. Данные языка позволяютъ намъ предположить, что сосѣдами Мордвы въ доисторическій періодъ были Германцы, Славяне, Литовцы и какія-то эранскія племена. Они-же даютъ намъ возможность опредѣлить и районъ, въ предѣлахъ котораго имѣло мѣсто это сближеніе. Показателями являются здѣсь общія названія растений въ языкахъ волжскихъ и западныхъ Финновъ. Въ 1879 г. Андерсонъ изъ сопоставленія эстонскихъ и мордовскихъ названій различныхъ деревьевъ (кленъ эст. *wahter*, морд. *uštur* чер. *waštār*; яблоко эст. *uṣar*, морд. *uṣar'*, *uṣar'*; береза эст. *kōiw*, *koō*, морд. *kui*, *ku*; рябина э. *pihle*, морд. *pižāl*; дубъ э. *tamme*, морд. *tumo*; ольха эст. *lera*, морд. *lerā*; орѣхъ э. *rāhke*, морд. *rāstā*; липа эст. *rāhn*, морд. *rāšā*; ива эст. *hala-pu*, морд. *kał'*) вывелъ заключеніе, что область совмѣстной жизни Мордвы и западныхъ Финновъ должна была находиться въ средней Россіи, въ поясѣ разнообразнаго чернолѣсія. Въ 1886 г. вопросъ съ этой стороны былъ вновь пересмотрѣнъ Э. Кеппенемъ. На основаніи сравнительнаго изученія названій древесныхъ породъ, онъ также пришелъ къ убѣжденію, что родиной финнскаго племени была страна, гдѣ растутъ дубъ, лещина, ясень, кленъ. Этой страной могло быть среднее теченіе Волги и ея притоковъ Оки и Суры. На Ю. В. отъ страны, занятой Финнами и Мордвой, находились земли эранскихъ обитателей Южной Россіи, на С. З. земли Готовъ и Литовцевъ и на Ю. З. земли Славянъ. Указанія филологин ориентируютъ насъ самымъ общимъ образомъ въ вопросѣ о древней родинѣ Мордвы. Въ далекій періодъ совмѣстной жизни съ западными Финнами Мордва жила приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы видимъ ее и до сихъ поръ. Болѣе точное опредѣленіе ея древней территоріи мы сдѣлаемъ на основаніи мѣстныхъ названій края. Чтобы съ большей или

меньшей отчетливостью выдѣлить изъ массы географическихъ названій Средней Россіи мордовскія, мы должны опредѣлить ихъ признаки и основные типы.

Начнемъ съ рѣчныхъ названій нынѣшняго мордовскаго края. Названія эти у Мордвы имѣютъ ту-же конструкцію, что и у пародовъ пермской группы: они состоятъ изъ слова, обозначающаго рѣку, воду—*лей*, и опредѣлителя, который обыкновенно стоитъ на первомъ мѣстѣ. Опредѣлителемъ этимъ является слово, обозначающее или свойство мѣстности, по которой протекаетъ рѣка, или свойство ея самой, или личное имя перваго поселенца. Выдѣлить изъ рѣчныхъ названій губерній Пензенской, Нижегородской и Симбирской три категоріи этого перваго типа не трудно. У насъ имѣется прекрасное пособіе въ видѣ алфавитнаго списка языческихъ мордовскихъ именъ, извлеченнаго А. Н. Островскимъ изъ актовъ XVII в. Даемъ для образца по нѣскольку названій каждой категоріи

Пичи-лей — п и ч е—сосна + лей—рѣчка—Сосновка.

Чувар-лей — ш у в а р—песокъ + лей—Песчанка.

Леп-лей — л е п ѣ—ольха + лей—Ольшанка.

Уча-лей — у ч а—овца + лей—Овечья р.

Нару-лей — н а р у—поле + лей—Полевая р.

Ине-лей — и н е—большой + лей—Большой врагъ.

Рѣчные названія, составленныя изъ *лей* съ личн. именемъ:

Колопо-лай	Пенз.	Колопино.
Кички-лей	—	Кичка.
Рыслей	—	Рыскино.
Рома-лей	—	Рана (дась, данъ, нчей, шъ).
Кочат-лей	Симб.	Коча-й.
Кулиш-лей	—	Кулешъ.
Шички-лей	—	Шича-дей.
Моча-лей	—	Мотась, Мучкай.
Капа-лей	Сар.	Кабай.
Урма-лей	—	Урмай.
Анке-лей	Ниж.	Анникъ.

Цип-ляй	—	Цип-ино.
Марда-лей	—	Марта-съ.
Санга-лей	—	Сангукъ.
Руш-лей	—	Руш-танъ.
Конак-лей	—	Конакъ.
Аташ-лей	—	Атай, Атушъ.
Кочкар-лей	—	Бачкуръ.
Кудаш-лей	—	Кудашъ.
Ахмет-лей.	—	Ахметъ.
Аташ-лей	—	Аташъ.

Для обозначенія населенныхъ мѣстъ мы имѣемъ названія, въ окончаніи которыхъ являются

- а) веле (деревня).—Карда-виль Н., Одвеле П., Варвель П., Родивеля П., Рузвель П.,
- б) панда (гора)—Пичпанда Тамб. Сп.
- в) кужа (поляна)—Камакужа П.
- г) ошъ (городъ)
- д) гартъ—Бузгоръ Н.
- е) донъ (устье рѣки)—Сарадонъ Н.
- ж) виръ (дѣсь)—Салавиръ.

Если мы, установивши типы мордовскихъ названій, обратимся къ картѣ для того, чтобы на основаніи ихъ опредѣлить болѣе точнымъ образомъ границы Мордвы, то насъ поразитъ то обстоятельство, что типическихъ названій селеній до нельзя мало, а названія водъ относятся всё къ мелкимъ рѣчкамъ. Ни одна болѣе или менѣе крупная рѣка въ предѣлахъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской не носитъ типичнаго мордовскаго названія. Исса, Пенза, Мокша въ Пензенской губерніи, Ока, Выша, Керма, Катма въ Тамбовской, Ока, Теша, Кудьма, Ватьма въ Нижегородской, Свияга, Сура въ Симбирской — чужды мордовскому языку по своему составу, а главнымъ образомъ по окончаніямъ. Исходя изъ этого факта, пришлось-бы предположить, что Мордва поселилась въ краѣ, который былъ уже ранѣе по главнымъ вод-

нымъ артеріямъ заселенъ какимъ-то другимъ народомъ и что, стало быть, родину Мордвы нужно искать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Четыре года тому назадъ мы считали это предположеніе неоспоримымъ. Въ настоящее время исторія пермскихъ рѣчныхъ названій—изчезновеніе родового суффикса—заставляетъ насъ предположить, что и среди рѣчныхъ названій мордовскаго края можно найти такіа, которыя сохранили только первую, опредѣляющую часть, и въ силу этого выглядятъ какъ-бы не-мордовскими.

Пересмотръ этихъ названій дастъ намъ возможность констатировать и по отношенію къ мордовскому краю такое сокращеніе: мы имѣемъ случаи, гдѣ рядомъ съ сокращенными формами держатся полныя, сохраняющія типическое окончаніе, таковы:

Мокша	!	Мокша-лей.
Явась	!	Евас-лей.
Поника	!	Пониклей.
Пара	!	Пара-лей.
Сура	!	Суралей.
Сира	!	Сирелей.
Мараса	!	Мараслей.
Варма	!	Вормазей.

Установивши существованіе сокращенныхъ рѣчныхъ названій, мы обращаемся къ дальнѣйшему ихъ анализу. По аналогіи съ полными названіями мы можемъ ожидать, что и среди сокращенныхъ рѣчныхъ названій должны встрѣтиться такіа, которыя происходятъ отъ личнаго имени. Нашимъ руководителемъ въ поискахъ за ними будетъ служить цитированный уже выше списокъ личныхъ именъ. Сопоставленіе рѣчныхъ названій съ личными именами дастъ намъ новый рядъ такихъ, которыя имѣютъ мордовское происхожденіе.

Рѣчныя назв.	Лич. имена.
Промза въ Симб. губ.	! Поромза.
Мочака	— ! Мучкай.
Стемась	— ! Стемась.

Канакъ	—	! Конакъ.
Ибрясь(ка)	—	! Ибрай.
Артамас-ка	—	! Артамась.
Сатисъ	Ниж.	! Сат-ка, Сатай.
Сіучъ	Сим.	! Сеюшъ.
Мортасъ	Тамб.	! Мортасъ.
Вачкасъ	—	! Вечкасъ.
Нароватъ	—	! Нороватъ.

Кромѣ отпаденія типическаго окончанія, которое чаще всего могло имѣть мѣсто тамъ, гдѣ народъ понимаетъ значеніе выбрасываемаго элемента, можно отмѣтить измѣненія, которымъ подвергаются названія въ устахъ русскихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мордовское названіе рѣки дѣлалось достоинствомъ русскаго населенія, оно измѣнялось такимъ образомъ, что согласный j изъ окончанія лей пропадало и вмѣсто суффикса лей явились новыя суффиксы ля, лъ. Чѣмъ дольше жило русское населеніе на мѣстахъ, занятыхъ когда-то Мордвой, тѣмъ сильнѣе мѣстныя мордовскія названія отклонялись отъ своего первоначальнаго типа. Приведемъ примѣры такихъ измѣненій

лей	!	ляй	!	ля	!	лъ
Кирлей		—		(Кирля) Кирленка		Кирель
(Ниж.)				(Сим.)		(Ниж. 11)
Урлей		—		Урля		—
(Пенз.)				(Пенз.)		
—		—		—		Хорль
						(Сим. 57)
—		Нерляй		—		Нерль
		(Пенз.)				(Пенз.)
Пашлей		—		Пашля		—
(Там.)				(Пенз.)		
Кудолей		—		Бутля		—
(Пенз.)				(Там.)		
Навлей		—		Новля		—
(Пенз.)				(Там.)		
Росляй		—		Рысля		—
(Там.)				(Там.)		

Большая часть названій селеній также или утратили свою старую форму, или въ официальныхъ данныхъ называются не такъ, какъ на языкѣ народа. Примѣромъ служитъ названіе села Верхисъ (Верх-исъ). У Мордвы это село называется Иса-веле (деревня на Исѣ). Деревни, въ мордовскихъ названіяхъ которыхъ первую часть составляетъ личное имя, на картахъ и въ спискахъ населенныхъ мѣстъ имѣютъ обычное русское патронимическое названіе съ окончаніемъ на ово, ево. Определить принадлежность такихъ деревень Мордвѣ можно только со спискомъ языческихъ мордовскихъ именъ въ рукахъ. Таковы

Ардат-ово	Ардаты.
Алтыш-ево	Алтышъ.
Сайнино	Сайн-ишъ.
Поводим-ово	Поводимъ.
Кабаево	Кабай.
Сабанчеево	Сабанчи.
Баева	Бай-ю.
Алова	Аловъ (Алъ?)
Чамзинка	Чамза.
Качаева	Качай.
Суродеевка	Суродей.
Пилесево	Пилеса.
Кулясово	Кулясь.
Маресево	Маресь.

Благодаря открытію сокращенныхъ мордовскихъ мѣсто-названій необходимость искать древнюю родину Мордвы далеко за предѣлами ея нынѣшняго края какъ будто устраняется: намѣчаются крупные районы, гдѣ Мордвой даны первыя мѣстныя названія (бассейны Суры и Мокши).

Нынѣшнее размѣщеніе мордовскихъ селеній также можетъ дать приблизительное понятіе о территоріи, которую племя занимало раньше. Въ официальныхъ источникахъ мордовскія селенія носятъ въ значительной части русскія названія. При-

водимъ по уѣздамъ статистическую таблицку, изъ которой можно будетъ видѣть, какъ распредѣляются русскія и мордовскія, точнѣе христіанскія и языческія названія.

		Общ. число м.	съ рус.	съ морд.
		сел.	назв.	назв.
Ниж. г.	Ардатовскій у.	29	18	11
—	Арзамасскій	26	12	14
—	Княгининскій	25	9	16
—	Лукояновскій	19	7	12
—	Сергачскій	24	16	8
—	Нижегородскій	43	18	25
Симб. г.	Симбирскій	8	2	6
—	Алатырскій	27	5	22
—	Ардатовскій	60	8	52
—	Буинскій	11	—	11
—	Карсунскій	18	8	10
—	Курмышскій	9	5	4
—	Сенгилеевскій	5	—	5
—	Сызранскій	9	3	6
Певз. г.	Городищенскій	43	7	36
—	Инсарскій	34	8	26
—	Краснослободскій	64	9	55
—	Наровчатскій	16	3	13
—	Нижнеломовскій	2	2	—
—	Саранскій	14	—	14
—	Чембарскій	10	3	7
Тамб. г.	Спасскій	53	17	36
—	Темниковскій	43	5	38
—	Шацкій	22	11	11
Сарат. г.	Саратовскій	4	1	3
—	Балашовскій	5	3	2
—	Вольскій	4	1	3
—	Кузнецкій	23	4	19
—	Петровскій	28	8	20
—	Хвалыинскій	29	16	13

Самар. г. Самарскій	36	22	13
— Бугульминскій	28	17	11
— Бугурусланскій	64	31	33
— Бузудукскій	23	15	8
— Николаевскій	21	17	4
— Новоузенскій	8	6	2
— Ставропольскій	24	14	10

Мы не сдѣлаемъ грубой ошибки, если предположимъ, что названія, происходящія отъ языческихъ именъ, древнѣе тѣхъ, которыя происходятъ отъ именъ христіанскихъ, и что, стало быть, край, гдѣ гуще языческія названія, былъ занятъ Мордвой раньше, — входитъ въ составъ ея древнѣйшей территоріи. Вѣроятность нашего предположенія увеличится, если мы обратимъ вниманіе на то, что мы видимъ въ этихъ мѣстностяхъ рядъ русскихъ селеній съ чисто мордовскими названіями или на рѣчкахъ, носящихъ мордовскія названія:

въ Ардатовскомъ Шахаево, Бѣговатово, Верякуша, Ичалово, Кашкарово, Тамаевка, Автодѣево, Кармалейка, Чуварлейскій Майданъ, Баркалей, Маякса, Атемасово, Череватово, Аламасово. Второй станъ уѣзда, населенный въ настоящее время сплошь русскими, имѣетъ около $\frac{1}{4}$ селеній съ мордовскими названіями: Шилокша, Мечасово, Кузгордь, Вельтеминскій, Личаево, Стексово, Размазлен, Липелей, Серякуши, Кузятево, Бужедеево, Мокшалеи, Журелейка, Шилокшанскій, Туркуши, Новолен, Чуварлейка.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ 1 ст. Трянгуши, р. Мардалейка Чуварлейки, Бебяево, Кержеманъ, Букалеи, Мордовская, оз. Мордовское, 2 ст. р. Ковакса и озеро Маресево, Нороватово, Ковакса, Кавлеи.

Въ Княгининскомъ уѣздѣ Мордово, рч. Амбаевка при д. Ив., р. Сухой Самай, р. Валова, д. Вельдеманова, Картмазовка, Катарша, Мокша, р. Перпелей, Букалеи, д. Алтышево, Чапась (?), Сурадеево, р. Сингилейка, д. Чергаты, д. Мармыжи.

Въ Лукояновскомъ: р. Маскалейка (3119), д. Мамлеево, Аржаманово, р. Мерекуша, д. Салдаманова, Атингеево, Шиша-

деево, Кармалей, р. Куртмазовка, д. Наруксово, Учувескій Майданъ, Маресево-Дм., Верякуша, р. Маракуша (3168), р. Савгалейка (3169), д. Мадаево, Резоватово, Кирляйка, Нелей, Чиргуши (2), Паракуша, р. Ледазлейка (3223), д. Чиреси, Болдино, Пермѣево, р. Жемалейка, Кочкурово.

Въ Сергачскомъ: р. Вашклей, р. Кардомалейка, р. Пашендейка, р. Тракелей, р. Варлажейка, р. Румлейка, д. Инелейка, Кечасово, Кодомка, р. Пара, д. Маресево.

Въ Нижегородскомъ: р. Шава, Лапшлей, Лекеево, Карабатово, Вередеево, р. Шипшлейка, р. Вершлейка, д. Килелей, Мордвиново, р. Балаклейка, р. Кужендейка, с. Пунерь, Чуварлеи, р. Лаксангейка, д. Трухлеи, р. Пыра, д. Сарлеи, Лазалеи, р. Алистейка, Пица, р. Вергилей, Ишино на р. Вершлей, Отерево, Симбилеи, Вармалей, Помра, Шидролей, Явлей р. Солей р.

Въ Темниковскомъ у. Пенз. г.: Бѣговатка, Екшеево, Мармыжи, Будаево, Пургасово, Лишлейка, Тумлейка, Есины, Нароватово, Теньгушево, Биговатово, Полвзлейка, оз. Телимерга, Мельсеватка, Сирикушка, Нурлей, Шайгуши, Вичкидеево, р. Казлейка, Ширгуши, Казлейка, Мотылаей, Букалей.

Въ Шацкомъ: Шевырлай, Просандейка, Аксельмеево, Аземеенево, Агламазово, р. Вачкасъ, р. Кермись.

Въ Спасскомъ: Тарбѣевка, Варвелъ, Полукалей, р. Савекляй, р. Пичкирай, Мортасскій, р. Леплай, Леплейка, Каркушевскій, Ширингуша.

Въ Краснослободскомъ: Шаверя, Азясь, Кульзиваново, р. Суфлай, р. Сирелай, р. Авцмлай, р. Мараслай (№ 781—784) р. Лейлейка (791), Мамолаево, р. Веренгилай, Шаверскій, во 2 ст. Кулясы, Байкѣево, Ковылай, р. Шавца, р. Киршклай, Рус. Маскино, Рус. Пошаты.

Въ Инсарскомъ: р. Костылай, р. Пелетьма, Кошварево, р. Усклай, Кадомка, Камакужа, р. Кочатлей, Леплейка, р. Ивлейка, Ушлейка, Картлей, р. Парца, Камышлейка, Булишлейка, Каргалейскій выс., Варвелъ.

Въ Саранскомъ: Лямбѣрь, р. Верехляйка, Кошкарево, Чекаевка, Иняты, р. Урлейка, Садомъ, р. Атемаръ, р. Гор-
малейка, Нерлейка, Семилейка, р. Мординка, Атемаръ, Нерлей.

Въ Городищенскомъ: р. и дер. Селиклейка, Бакшевка и
р. Отвель, р. Ерылейка, Мичкась, Кардава, Вичкилейка, Ко-
валейка, р. Уразлейка, Кичкилейка, р. Ромалейка, Сыресево,
р. Чуразлейка, р. Чуварлейка, р. Анплейка, Чепурлей, р.
Шиварлейка, Авшлейка, Шеляклейка, Кивлей.

Въ Наровчатскомъ: Патодеево, Рузвель, р. Чушалейка,
Рус. Коломасово, р. Сенгилейка, р. Кереклейка, Шадрино-
Шигаево.

Въ Нижнеломовскомъ: Шувары, Атмисъ, р. Кармишъ,
р. Темплай, Пошутовка, Мельситовка, Морд. Кузьмановка,
р. Шуварда, Кочелейка, р. Калдусъ, р. Мичкась, р. Циплай.

Въ Керенскомъ: Шичкилей, Кашаевка, Кармалейка, Коз-
лейка, Каргали, Мочалейка, Артамасъ.

Въ Чембарскомъ: Сяскино, Р. Куливатовъ, Мача, Кал-
дусы, р. Леплейка, Мочалейка.

Въ Мокшанскомъ: Ленлейка, Мировка, руч. Мордовка,
р. Пелетьясъ, р. Тороклейка, руч. Морловъ, р. Азясь.

Въ Ардатовскомъ: Новоклейка, Сатымовка, Кучкаево,
Сунодеевка, Палгуши, Макалейка, Чамзинка, Вечкусы, Вечер-
лей, Канабеевка, Кочкуши, р. Перегелейка, Суралей, р. Чер-
пелейка, Сабаново, Азаровка, Резоватовка.

Въ Алатырскомъ: Чуварлей, Явлей, Стемасъ, Промзино
гор., Явлейка, Сыреси, Параней.

Въ Корсунскомъ: р. Кочкарлей, р. Артамаска, Чумай-
кино, Чамзинка, Труслейка, Палатово(?), Валгусъ, р. Жуслей-
ка, р. Урлейка.

Въ Курмышскомъ: Мочалей, Петрякса, р. Чембилейка,
Чимбилей.

Въ Сенгилеевскомъ: Мордово, р. Сенгилейка, р. Маза.

Въ Сызранскомъ: Мордово, Морквашни, Канадей, Качкар-
лей, р. Рызлейка, р. Бабалейка, р. Ахметлейка, Явлейка,
Ардоватъ.

Въ Бузнецкомъ: Чертавей, Урмаей, Чибирлей, Ернилей, Канадейка, Чирклейка, Шелемись, Ардаматва р.

Въ Петровскомъ: Колышлейка, р. Урлейка, р. Печеняръ, Пчелейка, Лишлейка.

Въ Хвалынскомъ: Бралейка, Зернлейка, Карамалей, Ардавать р., р. Арзайлейка, Евлейка, р. Усклей, р. Леплейка, р. Бакарлей.

Часть этихъ селеній основана русскими на земляхъ, покиннутыхъ Мордвой, часть, несомнѣнно, принадлежитъ обрусѣвшей Мордвѣ.

Пользуясь указаніями, которыя дастъ статистика мордовскихъ мѣстныхъ названій, мы можемъ уже намѣтить болѣе опредѣленнымъ образомъ древнюю территорію Мордвы. Въ древнѣйшій періодъ своей исторіи она занимала пространство, заключенное между рѣками Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши: нынѣшніе уѣзды Нижегородскій, Арзамасскій, Княгининскій, Лукояновскій Нижегород. губерніи, Алатырскій и Ардамовскій Симбирской, Городищенскій, Инсарскій, Краснослободскій и Наровчатскій Пензенской, Спасскій, Темниковскій и Шацкій Тамбовской губерніи. Были-ли Мордва первыми насельниками всего этого края или они заняли земли каковой нибудь другой народности, на основаніи мѣстныхъ названій рѣшить нельзя.

И. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ

У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

1. Полуостровъ Камчатка и побережье Берингова моря. Бассейны Анадыря, Яны и Колымы.

Камчадалы (живутъ въ южной половинѣ Камчатки, отъ устья р. Уки 56% см. до Курильской Лопатки) трупы мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шею, вытаскиваютъ изъ юрты и почти на самой юртѣ бросаютъ ихъ собакамъ на съѣденіе, объявляя тому двѣ причины: 1) которая состоитъ въ томъ, что собаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздить будетъ на добрыхъ собакахъ; 2) на юртѣ и близь юрты бросаютъ они покойныхъ своихъ для того, чтобъ враги, которые умерщвляютъ—по ихъ мнѣнію—людей, вида мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другимъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятной: ибо они всегда оставляли жилища, въ которыхъ умирать кому случалось, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ значительномъ разстояніи отъ прежнихъ, а труповъ, которыми бы по ихъ объясненію—могли отъ враговъ обороняться, не таскаютъ съ собою; развѣ можетъ быть сіе почитаютъ они за оборону отъ враговъ на то одно время, пока они дѣлаютъ новую юрту. Камчадалы—съ умершими выбрасываютъ вонъ все платье ихъ и обувь, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было имъ что носить на другомъ свѣтѣ, какъ думаютъ другіе нѣкоторые язычники, но отъ одной опасности; по ихъ мнѣнію и тому необходимо умереть

должно прежде времени, кто надѣнетъ ихъ (мертвыхъ) платье. Особливо суевѣрны въ томъ живущіе на Курильской лопаткѣ: не возьмутъ въ руки никакой вещи, сколько бы она ихъ не льстила, ежели услышатъ, что осталась послѣ мертвого. — Очищеніе послѣ похоронъ производится слѣдующимъ образомъ: наломавши прутьевъ, приносятъ ихъ въ юрту и, надѣлавъ колець, по дважды пролазятъ сквозъ нихъ, а потомъ относятъ въ лѣсъ и бросаютъ на западъ. Который (человѣкъ) тащилъ вопъ мертвого, тому должно изловить двухъ какихънибудь птичекъ и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую съѣсть со всѣми жителями вмѣстѣ. Такое очищеніе бываетъ у нихъ того же дня, котораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрты и никого къ себѣ не допускаютъ. — Вмѣсто поминокъ бросаютъ въ огонь шапки перво-промышленной рыбы, что считается за даръ умершему, а тѣло сами съѣдаютъ. — Младенцевъ хоронятъ въ душеватыхъ деревьяхъ по большей части безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. По умершимъ сожалѣють и плачутъ, только безъ вола^а.

(К р а ш е н н и к о в ъ: Описаніе земли Камчатка. Спб. 1755. т. II 135—137.)

Коряки (живутъ въ сѣверу отъ Камчадаловъ, доходятъ до р. Анадыри, на западѣ до ливн отъ рѣки Ижичи до Нижне-Колымска). „Если корякъ боленъ, то родственники и знакомые стараются посредствомъ вызваній къ злымъ духамъ избавить его отъ постигшей его болѣзни и возвратитъ ему здоровье посредствомъ разныхъ травъ и другихъ врачеваній. Если же помощь напрасна и больной чувствуетъ приближеніе смерти, то религиозный предрасудокъ требуетъ, чтобы больной самъ или чья-либо дружеская рука нанесла ему смертельный ударъ. Коряки полагаютъ, что больной, лишая себя жизни произвольно, освобождается изъ рукъ злого божества, которое хочетъ его убить, и—такъ сказать—предается доброму божеству. Подобныя самоубійства не задолго до смерти хотя въ послѣднее время случаются и рѣже, но еще не совершенно искоренились.

Тѣло коряка кладется въ бѣлую оленью шкуру и одѣвается также въ бѣлыя оленья шкуры, обитыя волчьимъ мѣхомъ. (Бѣлый цѣвъ считается у коряковъ траурнымъ, а волкъ пользуется религіознымъ уваженіемъ). Въ такомъ видѣ покойника сажаютъ на новыя сани, въ которыя заложены два лучшіе оленя изъ его стада, и везутъ къ костру, который устраивается въ ближайшемъ лѣснстомъ мѣстѣ. За санями слѣдуютъ родственники и друзья. Прибывъ на мѣсто, оленей убиваютъ и вмѣстѣ съ санями, на которыхъ привезено тѣло, кладутъ на костеръ. Подлѣ тѣла раскладываютъ утварь и оружіе покойника, а также трубку и небольшое количество табаку и затѣмъ все предають пламени. Этотъ обрядъ имѣетъ то значеніе, что умершій отправляется въ свое отечество, къ доброму божеству, гдѣ онъ можетъ продолжать любимую кочевую жизнь недосыгаемо для злыхъ земныхъ духовъ. — Затѣмъ убиваютъ всѣхъ приведенныхъ туда оленей и не прежде уходятъ оттуда, пока всѣ убитые олени окончательно не сторятъ. Родственники умершаго должны во все время стараться о поддержаніи огня и копыями пододвигать тѣ части въ пламя, которыя отъ сырости дурно горятъ. Пепель, оставшійся отъ умершаго, не собирается. Убитые же олени, по убѣжденію коряковъ, составлять для умершаго въ новой жизни новое стадо.

У коряковъ тѣла умершихъ не зарываются въ землю: они считаютъ этотъ способъ недостойнымъ и умершаго погибшимъ. По ихъ понятіямъ, только сожженіе тѣла имѣетъ смыслъ и достигаетъ своей цѣли, потому что вмѣстѣ съ дымомъ и паромъ любимая душа возносится прямо къ небо^а.

Д и т м а р ь «О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ». Вѣст. Имп. р. Геогр. Общ. 1855, ч. XV; 1856 ч. XVI)

Чукчи (живутъ къ С. отъ р. Анадыри до береговъ Ледовитаго океана; при перекочевкахъ доходятъ къ З. до р. Колымы). „Способъ погребенія чукчей и нѣкоторые другіе обычаи даютъ возможность предполагать, что они вѣрятъ въ будущую жизнь. Въ прежнее время они сжигали своихъ мертвецовъ; но теперь лѣса въ ихъ области становятся рѣдкими, поэтому

и обычаѣ сожиганія труповъ все болѣе исчезаетъ; теперь мертвыхъ часто оставляютъ на поверхности земли, въ срединѣ тундры, даже безъ прикрытія отъ хищныхъ звѣрей и птицъ. Похоронный обрядъ совершается такъ: тѣло перевозятъ на саняхъ въ отдаленное мѣсто, большею частью — на холмъ; тамъ дѣлаютъ изъ камней возвышеніе (tombe), четырехъугольное или овальное, продолговатое отъ сѣвера къ югу (Nordquist et Krause), и на него кладутъ мертвое тѣло, прикрывъ его оленьими шкурами; съ боку кладутъ оружіе, если это былъ мужчина, или предметы хозяйства, если—женщина. У возвышенія оставляютъ сани, изломанные нарочно на мелкія части (Almquist). Затѣмъ приносятъ въ жертву четырехъ оленей и размѣщаютъ ихъ по четыремъ угламъ возвышенія. Погребальный обрядъ сопровождается пиршествомъ, во время котораго убиваютъ много оленей, и вѣроятно изъ остатковъ отъ этихъ похоронныхъ пировъ и образуются тѣ кучи оленьихъ роговъ и костей, которыя можно видѣть съ боку каждой могильной насыпи (Nordquist, Krause, Olivier). Анкалы (Ankalis), одно изъ племенъ чуччей, завертываютъ своихъ мертвыхъ и кладутъ рядомъ съ мертвымъ въ пологъ его оружіе и пищу; ночью они пляшутъ вокругъ трупа, при свѣтѣ зажженныхъ костровъ (Olivier). Если они рѣшили мертваго сжечь, то везутъ его на саняхъ такъ далеко, сколько могутъ идти олени; гдѣ животныя остановятся, тамъ и производится сожиганіе; трупъ закидывается хворостомъ, который и поджигается. Съ тоскою слѣдятъ они за трескомъ огня и за движеніями, которыя дѣлаетъ трупъ по мѣрѣ высыханія его членовъ; при этомъ съ особеннымъ вниманіемъ наблюдается направленіе дыма, потому что оно имѣетъ большое значеніе: если дымъ поднимается прямо вверхъ, то присутствующіе довольны; они говорятъ, что душа умершаго идетъ къ солнцу; если же на оборотъ—дымъ стелется по землѣ, то душа остается на ней и хочетъ поселиться въ тѣло какого нибудь животнаго. Послѣ сожженія пепель собираютъ въ кучу и прикрываютъ его оленьей шкурой".

(Deniker. «de peuple Tchuktche d'après les derniers renseignements». *Revue d'anthr.* 1882, № 2, p. 322).

2. БАССЕЙНЪ ЛЕНЫ.

Якуты (занимаютъ своими кочевьями и поселками громадный бассейнъ Лены съ притоками Олекмой, Вилюемъ, Алданомъ и верховья лежащихъ далѣе къ В. Яны, Индигирки и Колымы, соприкасаясь здѣсь съ Тунгузами и Чукчами). Якуты умершаго обыкновенно хоронятъ на слѣдующій день. Обряженіе мертвеца и самое погребеніе совершаютъ люди, специально этимъ завѣдующіе; родственники же присутствуютъ весьма рѣдко. Ужасъ, внушаемый мертвымъ тѣломъ, бываетъ такъ великъ, что изъ юрты, гдѣ лежитъ оно, разбѣгаются всѣ члены семьи и прежде былъ обычай юрту эту бросать навсегда и даже перекочевывать на новое мѣсто¹⁾).

Трупъ обмываютъ и одѣваютъ въ лучшія мѣховыя одежды, надѣваютъ на него мѣховую шапку, рукавицы и мѣховую обувь; въ руку вкладываютъ трубку и рядомъ оставляютъ кисеть съ табакомъ. При каждомъ покойникѣ находится карманный ножъ, необходимая принадлежность якута; сверхъ того, кладется то или другое орудіе, смотря по занятіямъ умершаго: молотъ при кузнецѣ, копье и палка съ желѣзнымъ наконечникомъ при охотникѣ на медвѣдя, лукъ съ стрѣлами при охотникѣ на другихъ звѣрей. Въ гробу у ногъ умершаго, или около гроба внутри сруба, оставляется въ посудѣ запасъ какой-либо пищи: кадушка съ конскимъ мясомъ, котелъ съ масломъ или блюдечко каши; тутъ также кладется ложка.

Что касается формъ погребенія,—то ихъ нѣсколько. Форма болѣе новая и нынѣ болѣе обычная, распространенная подъ вліяніемъ христіанства,—закапываніе гроба въ землю. Могилу по большей части роютъ не глубокую, не глубже 1¹/₂ аршинъ²⁾; иногда обкладываютъ ее деревяннымъ срубомъ. На могилѣ въ наломанномъ видѣ оставляютъ орудія, которыми она была вырыта, и сани, на которыхъ привезенъ былъ покойникъ; на

¹⁾ Воспоминаніе объ этомъ обычай сохранилось въ нѣкоторыхъ, что видѣть во снѣ новую юрту—значитъ быть въ снѣ покойнику.

²⁾ Богатыхъ зарываютъ глубже.

могилѣ ребенка оставляютъ козыбель и игрушки. Кладбищемъ служитъ возвышенное мѣсто, иногда крутая гора, на которую привозятъ хоронить изъ далекихъ окрестностей. На могилахъ иногда ставятся четырехугольные срубы.

Кромѣ этого, существуютъ другія, болѣе старыя, формы погребенія,—хоронятъ на деревьяхъ, на поверхности земли и на деревянныхъ возлахъ. Это дѣлается такъ:

1) Выбираютъ въ лѣсу четыре вѣтвистыхъ дерева, такъ расположенныхъ, чтобы площадь межъ ними была четырехугольная; на высотѣ 2-хъ или 3-хъ аршинъ они соединяются брусьями и на нихъ ставится гробъ съ мертвецомъ; гробъ составляетъ выдолбленная колода или сколоченный изъ досокъ ящикъ. Нынѣ на деревьяхъ хоронятъ лишь шамановъ, прежде же хоронили всѣхъ и существовалъ обычай у гробницы подъ деревомъ зарывать живого коня ¹⁾).

2) Въ мѣстахъ сѣверныхъ, безлѣсныхъ трупъ, положенный въ березовые лубки или однодревку—ладью, оставляютъ прямо на землѣ; только ставятъ надъ нимъ крышу изъ досокъ. Если мертвецъ положенъ въ ладью, то съ нимъ также кладется весло и деревянный черпакъ, которымъ обыкновенно вычерпываютъ воду изъ лодки.

3) Для предохраненія отъ хищныхъ животныхъ, мертвое тѣло въ деревянномъ досчатомъ ящикѣ ставятъ на высокіе возы и по угламъ ящика на палкахъ насаживаются деревянные птицы, въ родѣ тѣхъ, которыхъ употребляютъ при шаманствѣ.

Относительно направленія могилы и положенія въ ней трупа Приклонскій даетъ неполныя и недостаточно точныя свѣдѣнія. Въ „Живой Старинѣ“ онъ говоритъ, что на устьѣ Лены покойника кладутъ на лѣвый бокъ головой на С. въ статьѣ, помѣщенной въ „Globus“ мы читаемъ, что покойникъ кладется головой на С. З. На память объ умершемъ и въ

¹⁾ Существуетъ преданіе, что иногда при похоронахъ мужа закапывали его жену.

честь его духа покровителя прежде существовалъ обычай вырѣзывать изъ дерева маленькую куклу; ее ставили гдѣ-нибудь за юртой, обыкновенно въ дуплѣ какого-либо дерева; предъ ней клали лучшіе кусочки пищи и ротъ ей мазали масломъ или рыбьимъ жиромъ.

А. Н.

(По описанію Приклонскаго въ «Живой Старинѣ»—III и Globus—LIX т.)

Якуты Вилюйскаго округа (по Вилюю Якуты живутъ скученными массами, начиная съ устья рѣки Билучана. Выше устья Билучана поселенія Якутовъ встрѣчаются только мѣстами. Эти послѣдніе большею частью занимаются охотой и пришли сюда не раньше пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія изъ Сунтарскаго и Мархинскаго улусовъ. Значительная часть поселеній находится по нижнему теченію рѣки Чоны, представляющему довольно много удобныхъ мѣстъ для пастбищъ. Вообще Якуты занимаютъ, по преимуществу, долину Билуя и только въ рѣдкихъ случаяхъ заселяютъ его притоки, въ долинахъ которыхъ, покрытыхъ большею частью лѣсомъ, не встрѣчается хорошихъ пастбищъ. Одна рѣка Марха, представляющая по своему теченію много удобныхъ для поселенія мѣстъ, составляетъ, въ семь случаевъ, исключеніе и заселена на довольно далекое разстояніе отъ устья вверхъ по теченію). Мѣсто для погребенія называють себѣ только старые люди, молодыхъ хоронятъ тамъ, гдѣ выберутъ для нихъ мѣсто старшіе: на мысу, гдѣ нибудь на горѣ и т. п. Дѣтей, какъ и взрослыхъ, закапываютъ въ землю и подлѣ дѣтскихъ могилъ вѣшаютъ на деревья платье и колпачки, въ которыхъ заключается все дѣтское имущество. Умирающіе обыкновенно завѣщаютъ убить послѣ своей смерти лошадь, которая давно служила имъ, или старую корову, пользовавшуюся особенной ихъ любовью. Мясомъ этихъ животныхъ кормятъ тѣхъ, кто будетъ копать могилу и дѣлать гробницу.

До принятія христіанства постоянныхъ кладбищъ у Якутовъ не было, и тѣла умершихъ погребались или по указанію

самихъ умравшихъ, или по выбору старшихъ. Вотъ почему нерѣдко можно встрѣтить одного стоящаго въ лѣсу стариннаго гробницы, но собранія многихъ могилъ языческаго времени вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ мнѣ, не приходилось встрѣчать. Впрочемъ, и до настоящаго времени хоронятъ иногда особенно старыхъ и зажиточныхъ Якутовъ отдѣльно отъ общихъ кладбищъ, но всегда по близости послѣднихъ: исключенія весьма рѣдки.

Новѣйшія кладбища встрѣчаются не только около большихъ урочищъ, но и при небольшихъ, состоящихъ изъ пяти-шести юртъ, стойбищахъ и устраиваются обыкновенно на мѣстахъ возвышенныхъ и сухихъ, въ покрытыхъ богатою растительностью рощахъ. Гробъ зарывается въ землю и надъ нимъ дѣлается изъ толстыхъ бревенъ прочный срубъ, вышиною отъ полтора до двухъ аршинъ, покрытый двускатною, иногда пирамидальной формы, крышею. Къ гребню крыши прикрѣпляется толстая деревянная плаха, нерѣдко разукрашенная затѣйливою рѣзбою; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на концахъ плахи, можно встрѣтить изображеніе конской головы, необходимой принадлежности языческихъ якутскихъ гробницъ. Кромѣ такихъ изображеній на кладбищахъ встрѣчаются отдѣльно стоящія коновязи для привязыванія, по вѣрованію Якутовъ, лошадей покойниковъ. Надъ каждой могилой ставится восьмиконечный крестъ, у богатыхъ и знатныхъ нерѣдко весьма причудливыхъ формъ. Съ особенною тщательностью отдѣляются могилы шамановъ и шаманокъ, всегда стоящія особнякомъ или въ лѣсу, или на лугахъ близъ дороги. Одну изъ такихъ гробницъ я встрѣтилъ между урочищемъ Чеспангда и Нюрбинскимъ селеніемъ. Гробница эта представляла довольно высокій срубъ, вокругъ котораго была устроена бревенчатая ограда. Вершина гробницы оканчивалась гребнемъ съ весьма причудливою рѣзбой и на одномъ изъ угловъ окружавшихъ его жердей было поставлено изображеніе гагары (*Columba septentrionalis*). Отдѣльно отъ гробницы стояли коновязь и весьма затѣливой работы восьмиконечный крестъ.

...Я осмотрѣлъ, между прочимъ, расположенное при впадѣніи рѣки Кюрги въ рѣку Лунху рыбацкое кладбище. Оно находится на самомъ берегу рѣки Кюрги подлѣ юрты, въ которой я жилъ, и состояло изъ десяти могилъ. Одинъ изъ памятниковъ довольно хорошо сохранился и представлялъ собою деревянный срубъ съ остроконечной крышей и крестомъ на верху. Къ гребню крыши была прикрѣплена плаха съ рѣзбою, оканчивавшаяся съ обѣихъ сторонъ лошадиными головами для того, какъ увѣряли меня Якуты, чтобы покойнику было на чемъ доѣхать до царства небснаго. Между памятниками описываемаго мною кладбища встрѣчались весьма простой конструкціи изъ нѣсколькихъ, положенныхъ одно на другое, бревенъ.

Изъ гробницъ второй категоріи я укажу на гробницу, найденную на вышеупомянутомъ рыбацкомъ кладбищѣ на рѣкѣ Кюрга и на видѣнную мною на берегу озера Бѣре. На первой не было ни креста, ни сруба и вмѣсто послѣдняго остроконечная крыша, съ колодою на гребнѣ, на концахъ которой были придрѣланы конскія головы.

Я обращалъ на старинныя гробницы особенное вниманіе и долженъ сказать, что встрѣчалъ, при изслѣдованіи ихъ, большія препятствія. Такія гробницы наводятъ на Якутовъ обыкновенно гораздо большій страхъ, чѣмъ кладбища, на которыхъ покоятся крещенные Якуты: о нихъ даже боятся говорить, и путешественнику весьма рѣдко удается посѣтить и осмотрѣть подобныя мѣста. Такъ, напримѣръ, только послѣ долгихъ просьбъ и приличныхъ вознагражденій мнѣ указали на упавшую старинную гробницу арангасъ — (по якутски арангасъ значить и кладовая на столбахъ и гробница, которыя также строились на столбахъ для предохраненія отъ расхищенія дикихъ звѣрей; Бетлингъ, въ своемъ якутскомъ словарѣ (Midd. Bd. III, Th. 2. s. 8), указываетъ, что у бурятъ а р а н г а называются высокіе столбы съ перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ убитыхъ грозю животныхъ). Въ пей я нашелъ колчанъ, нѣсколько стрѣлъ, п а л ь м у (большой охотничій ножъ),

плеть и серебряную круглую бляху отъ якутской шапки (бѣргэсэ), и наконецъ хорошо сохранившійся черепъ. По разсказу проводниковъ здѣсь похороненъ шаманъ, который послѣ смерти шаманилъ въ лѣсу, наводя страхъ на окрестныхъ жителей, никогда не проѣзжавшихъ мимо гробницы и объѣзжавшихъ кругомъ озера.

Въ осмотровѣнной мною старинной гробницѣ на берегу озера Тѣкъ, близъ урочища Бѣрѣ, въ Средневилюйскомъ улусѣ, поконилась якутка, похороненная, по разсказамъ туземцевъ, около полутора ста лѣтъ тому назадъ. Гробница состояла изъ деревяннаго, довольно хорошо сохранившагося сруба, поставленнаго на шести столбахъ, на высотѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ земли. Покойница была обращена головой на западъ и хотя никто съ достовѣрностію не зналъ ея имени, но по преданію она дожила до глубокой старости и отъ нея произошло Лючинскій родъ (наслегъ). Разсказывали, что она была некрещеная и всѣхъ своихъ дѣтей пришла съ русскимъ казакомъ. Черепъ и скелетъ вполне сохранились, руки были вытянуты вдоль тѣла и въ мѣховыхъ рукавицахъ, снявъ которыя, я нашелъ на безымянныхъ пальцахъ лѣвой руки серебрянный перстень, а на правомъ мѣдный съ печатью. На шеѣ находилось кольцо изъ толстой мѣдной проволоки, съ четырьмя петлеобразными изгибами на нижней сторонѣ и съ двумя крючками на верхней, къ упомянутымъ четыремъ петлямъ прикрѣплялся цѣлый рядъ мѣдныхъ украшеній, связанныхъ между собою истлѣвшими ремнями. Покойница была одѣта въ нѣчто въ родѣ кафтана безъ рукавовъ, который широко былъ опушенъ мѣхомъ и весь усыпанъ бѣлыми, синими и черными бусами, бисеромъ и разными мѣдными украшениями. Кафтанъ былъ опоясанъ широкимъ поясомъ, ноги обуты въ камысовые торбасы и поверхъ кафтана на покойницу была надѣта оленья шуба. Съ лѣвой стороны трупа лежали трубка, небольшой колокольчикъ, двѣ махалки отъ комаровъ, два ремня, костяная пуговица и конскій волосъ; въ ногахъ — деревянная чашка, чаронъ (сосудъ для кумыса), ножъ и нѣсколько паръ запасныхъ торбасовъ.

Видѣнная мною въ трехъ верстахъ отъ Верхневилуйской Ивородческой Управы, въ лѣсу, дѣтская гробница состояла изъ небольшой колоды, поставленной на двухъ обрубленныхъ деревьяхъ. Она была устроена изъ цѣльнаго разрубленнаго пополамъ, бревна, одна половина котораго составляла гробъ, другая — его крышку. Поднявъ послѣднюю, я нашелъ совершенно истлѣвшій трупъ, повидимому, только что родившагося младенца, обернутаго въ совсѣмъ истлѣвшую телячью шкуру, изъ подъ которой выглядывалъ наружу одинъ только черепъ. Посрединѣ трупъ былъ перевязанъ волосной веревкой и множество вуюлокъ насѣкомыхъ лежало на немъ и вокругъ него.

(Маакъ. «Вилуйскій округъ»).

3. БАССЕЙНЪ АМУРА.

Гольды (отрасль тунгузскаго племени, населяющая Сѣверно-Уссурійскій край ¹⁾). „Когда гольдъ умираетъ, то дѣлаютъ гробъ изъ кедровыхъ досокъ, кладутъ туда трупъ умершаго, покрываютъ его мелкими кедровыми стружками и заколачиваютъ крышкою. Затѣмъ роютъ яму глубиною въ человѣческую ногу, опускаютъ туда гробъ и засыпаютъ его землею. Послѣ того начинаютъ поминки съ непремѣннымъ пьянствомъ. Въ фанзѣ на почетномъ мѣстѣ подстилается подстилка, на которую укладываются всѣ вещи покойника до шапки и трубки включительно. Ежедневно на это мѣсто ставится пища и нѣсколько разъ въ день набивается табакъ и зажигается трубка, которая и втыкается между вещей покойника. Такіе поминки продолжаются въ теченіи одного года. У зажиточныхъ гольдовъ собирается на

¹⁾ Подъ именемъ Сѣверно-Уссурійскаго края разумѣется мѣстность, лежащая къ востоку отъ рѣки Усури до Татарскаго пролива и Японскаго моря и ограничивающаяся съ юга рѣками Улаха, Дефудинюкъ и Аввакуновой (Вайфудинюкъ), впадающей въ заливъ Св. Ольги; а съ сѣвера хребтомъ Хейцпрюкъ (близъ устья р. Усури) и далѣе линіей, идущей на востокъ отъ этого хребта къ верховьямъ рѣки Ветчи (Ика) и по этой послѣдней до впаденія ея въ бухту Гроссевича (въ Татарскомъ проливѣ) подъ 48° сѣв. широты.

похороны до 50 и болѣе душъ, пьянствуютъ по цѣлымъ недѣлямъ и выпиваютъ иногда 2—3 ящика ханшина, т. е. отъ 10 до 15 ведеръ^а.

Орочоны. Орочи или орочоны — бродячіе внородцы Сѣверно-Уссурійскаго края, также — тунгузскаго племени. Орочоны Сѣверно-Уссурійскаго края живутъ въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Уссури, именно по Хору, Бикину и Иману съ Вакомъ, а также по морскому побережью. Описаніе Надарова, по его словамъ, не касается орочоновъ морскаго побережья.

„Если орочонъ умираетъ, то родные, а если ихъ нѣтъ, то знакомые его устраиваютъ балаганъ, кладутъ въ немъ вещи покойника, его одежду, обувь, трубку и пр. на особомъ помѣщеніи и продолжаютъ поминки около года. Каждый день по нѣскольکو разъ накладываютъ трубку табакомъ, закуриваютъ ее и вкладываютъ между вещей покойнаго, воображая, что въ это время онъ также куритъ. Точно также ежедневно ставятъ пищу передъ вещами покойнаго.

Орочоны Бикина, Имана и Вака зарываютъ уже своихъ покойниковъ въ землю. Для этого вырываютъ яму аршина 1½, глубиною, кладутъ три доски въ видѣ гроба; въ этотъ гробъ укладываютъ трупъ покойнаго, накрываютъ его четвертою доскою и зарываютъ въ землю. На верху надъ могилою ставятъ двѣ доски въ наклонномъ положеніи. По рассказамъ орочоновъ прежде тѣла покойниковъ въ землю не зарывали, а бросали въ лѣсу на сѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

Орочоны Хора тѣла своихъ покойниковъ въ землю не зарываютъ. Трупъ покойника они кладутъ въ долбленный изъ тополя, осины или липы гробъ, формою своею напоминающій башъ. Гробъ закрывается крышкою, представляющею плоскую доску изъ такого же дерева, которая нѣскольکو длиннѣе гроба. Голый трупъ покойника обвертываютъ одеждами, кладутъ въ гробъ и тутъ же въ гробу, если умершій былъ взрослый орочонъ, кладутъ его ружье, лукъ со стрѣлами, острогу, ножъ и нѣскольکو собольныхъ лучковъ. Если умершій былъ еще маль-

чикъ или женщина, то вмѣстѣ съ ними укладываютъ въ гробъ острогу, лукъ со стрѣлами и одинъ или нѣсколько ножей.

Я подробно изслѣдовалъ на р. Хорѣ могилу дѣвочки по-видимому лѣтъ 10 — 12. Внутри гроба оказался истлѣвшій трупъ, обернутый въ одежды, и тутъ же лежала маленькая острога, лукъ со стрѣлою и ножъ.

Уложивъ покойника или покойницу со всѣми принадлежностями въ гробъ, покрываютъ его деревянной крышкой, которая прикрѣпляется къ гробу нѣсколькими деревянными гвоздями, а сверху покрывается берестовымъ брезентомъ, поверхъ котораго гробъ перевязывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ мочалкой изъ тальниковой коры. Снаружи гробъ украшается узорами изъ черной и красной краски.

Послѣ того устраиваютъ балаганъ, долженствующій составить могилу покойнаго. Балаганы эти бываютъ двоякаго устройства: или гробъ въ нихъ ставится на землю, или же на столбахъ въ предупрежденіе отъ наводненій. Въ первомъ случаѣ гробъ ставится на два поперечныхъ бруска, чтобы дно его не прогнивало отъ соприкосновенія съ землею. Видѣнныя мною могилы представляютъ двускатные балаганы изъ бересты, высотою отъ 1½ до 2 аршинъ, а длиною въ зависимости отъ длины гроба. Подъ этимъ балаганомъ на двухъ брускахъ положенъ гробъ. По разсказу орочоновъ, зачастую при такой могилѣ можно встрѣтить башъ, чашку и котелъ, принадлежавшіе покойному.

Послѣ похоронъ у всѣхъ орочоновъ происходятъ поминки, выражающіеся въ ѣдѣ и пьянствѣ^а.

В. Мр-Бел.

(Надаровъ. Сѣверо-Уссурійскій край).

ХРОНИКА.

I. МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 г.

I. МУЗЕЙ ЯКУТСКИЙ.

Музей находится въ одномъ изъ помѣщеній гостиннаго двора, рядомъ со зданіемъ «вольной пожарной дружины» и городской управы. Обстановка музея сравнительно приличная. Здѣсь найдете вы небезынтересныя ископаемыя якутской области, нѣсколько видовъ различныхъ частей допотопныхъ животныхъ, наприм., быка, довольно большую коллекцію насекомыхъ, собранную завѣдующимъ музеемъ В. П. Зубриловымъ; для характеристики мѣстнаго быта есть модели различныхъ якутскихъ нарядовъ. Но все-таки музей бѣденъ. Нѣтъ тутъ костюмовъ мѣстныхъ туземцевъ (кромѣ 3-хъ шаманскихъ); благодаря плохому устройству крыши зданія, гдѣ помѣщается музей, дождь дѣлаетъ такія опустошенія, что отбиваетъ всякую охоту вновь браться за трудъ. Поддержатъ такое учрежденіе, какъ музей, могло-бы общество, но на бѣду оно едва-ли еще сознаетъ полезность такихъ учреждений. Музей могъ-бы еще разсчитывать на содѣйствіе власти, но эти разсчеты во всякомъ случаѣ пока открытій вопросъ». (Сибирскій Вѣстн.» 1891, № 91. «Письмо изъ Якутска»)

2. МУЗЕЙ МИНУСИНСКИЙ.

Антропологическій отдѣлъ занимаетъ комнату въ 90 [] саж., смежную съ помѣщеніемъ естественно-историческаго отдѣла и освѣщенную тремя окнами съ СВ и ЮВ. Вдоль стѣны идетъ рядъ большихъ и средней величины шкафовъ, въ которыхъ размѣщены слѣд. собранія: 1) черепа и маски людей, 2) модели построекъ; 3) предметы буддѣйскаго культа, 4) народныя медицинскія средства, 5) этнографическое собраніе качинцевъ и 6) сойотская этнографическая коллекція. Поддерживающіе арки выступы закрыты частью двумя этажерками съ утварью и посудой минусинскихъ инородцевъ, частью замѣняющими манекены штативами съ навѣшенными на нихъ костюмами. Въ простѣнкѣ между окнами стоитъ высокая витрина съ костюмами. У свободныхъ отъ мебели стѣнъ поставлены высокіе сосуды для айрана, жертвенные

столики, ящики съ хранящейся въ нихъ одеждой и сѣдлами. Тумбочки въ углахъ между шкафиками заняты такими предметами, какъ ступы, жернова и т. п. На аркахъ симметрично развѣшены: волосной неводъ, конская сбруя, луки, самострѣлы, стрѣлы, орудія рыболовства и др. промысловъ; на стѣнахъ — этнографическія картины, орудія пытки, ружья, кожаныя фляги и пр. Болѣе громоздкіе предметы, какъ-то: нарты, лыжи, дзерегонные снаряды, посуда, кузнечные мѣхи, дѣтскія выбки, — размѣщены на шкафахъ. Стѣнки оконныхъ нишъ заняты этнографическими картинами и картами. При группировкѣ материала въ шкафахъ соблюдались, на сколько было возможно, и правила симметріи и эстетики (напр., внутреннія поверхности шкафовъ оклеивались такого цвѣта обоями, какой наиболѣе соответствовалъ содержанию шкафовъ, — голубого цвѣта для бѣлыхъ, краснаго для черныхъ предметовъ и пр.) Всѣ выставленные костюмы на соответствующихъ штативахъ въ ростъ человѣка. Образцы пищи и напитковъ хранятся въ стеклянныхъ банкахъ емкостью въ 3 фунта; коллекція народныхъ медицинскихъ средствъ разложена въ глубокія картонныя коробки емкостью въ 1 ф.; всѣ мелкіе предметы, какъ серьги, кольца и т. п., пришиты къ картону. Часть мѣстнаго матеріала антропологическаго отдѣла, — какъ-то: предметы шаманскаго культа и коллекція по русской этнографіи (сибиряки), и этнографическіе предметы финскаго племени выставлены въ залѣ (во 2-мъ этажѣ).

Въ настоящемъ своемъ составѣ антропологическій отдѣлъ не дастъ даже приблизительнаго представленія о массѣ того матеріала, который находится въ краѣ и рано или поздно долженъ быть собранъ въ мѣстномъ Музеѣ. Въ немъ довольно полно представленъ въ двухъ группахъ только бытъ сойотъ и качинцевъ; коллекціи, рисующія другія инородческія племена Минусинскаго края, пока только намѣчаются и состоятъ изъ нѣсколькихъ недорогихъ предметовъ. Группа русской этнографіи (сибиряки) также очень бѣдна, въ ней значится пока исключительно, образцы одежд.

За № считается каждый отдѣльный предметъ. Антропологическій отдѣлъ распадается на слѣд. классы:

Классъ I. Антропология.

	№№
1. Черепа Минусинскихъ инородцевъ	4
2. Черепа сойотъ изъ пограничной мѣстности	4
3. Черепа изъ кургановъ Минусинскаго округа	21
4. Гипсовыя маски, снятыя съ качинцевъ и сагайцевъ	31
5. Т о ж е съ цыганъ и русскихъ	5
6. Фотограф. и др. портреты качинцевъ и сагайцевъ	33
7. Т о ж е сойотъ съ погран. мѣсти	8
8. Волосы инородцевъ Минусинскаго округа	4
9. Антропологическія таблицы и карты	—

Классъ II. Этнографія.

А. Качинцы и Сагайцы Минусинскаго окр.

1. Пища, напитки, наркотическія вещества, принадлежности куренія (въ стеклянкахъ, стекл. банкахъ, бутылкахъ и бумажныхъ коробкахъ)	52
2. Домашняя утварь, посуда, ремесленные, всеядельческіе, охотничьи и рыболовные снаряды и инструменты	145
3. Нарядъ и постель	42
4. Игрушки, музыкальные инструменты и предметы искусства	19
5. Мебель и постройки	24
	<hr/>
	М.М. 282

Б. Союоты, живущіе по Енисею въ пограничной мѣстности.

1. Пища, напитки, наркотич. вещества и принадлежности куренія (въ стеклянкахъ, стекл. банкахъ и бумажныхъ коробкахъ)	45
2. Домашняя утварь, посуда, охотничьи, ремесленные и рыболовные снаряды и инструменты	103
3. Нарядъ и постель	38
4. Игрушки, музыкальные инструменты и предметы искусства	37
5. Постройки и мебель	5
6. Лѣкарства Тибетской и народной медицины	20
	<hr/>
	М.М. 248

В. Финны, латыши и мордва, живущіе въ Минусинскомъ окр.

1. Пища, напитки, наркотич. вещества и принадлежности куренія	—
2. Домашняя утварь, посуда, охотничьи, ремесленные и др. снаряды и инструменты	—
3. Игрушки, музыкальные инструменты и предметы искусства	3
4. Нарядъ и постель	36
	<hr/>
	М.М. 38

Г. Бельтирцы и атайцы, живущіе въ пограничномъ Алтай.

1. Пища, напитки, наркотич. вещества и принадлежности куренія	—
2. Домашняя утварь, посуда, ремесленные, охотничьи и рыболовные снаряды и инструменты	3
3. Нарядъ и постель	2
4. Игрушки, музыкальные инструменты и предметы искусства	—
	<hr/>
	М.М. 5

Д. Русское население Минусинскаго и Ачинскаго округовъ (коренные сибиряки).

1. Нарядъ и постель	45
	№№ 45
	Итого №№ . 618.

Классъ III. Народная медицина.

1. Народныя медицинскія средства растительнаго происхожденія, собираемыя и употребляемыя въ Минусинскомъ округѣ. Въ бумажныхъ открытыхъ коробкахъ емкостью около 1 фунта	125
2. Тоже различнаго происхожденія, приобретаемыя изъ аптекъ и лавокъ и употребляемыя повсемѣстно въ Минус. округѣ	40
3. Гербарій растений мѣстной флоры, употребляемыхъ въ народной медицинѣ, состоитъ изъ видовъ	110
	Итого №№ . 275

Классъ IV. Предметы религіознаго культа инородцевъ.

1. Бурханы, въ видѣ статуэтокъ и писанные, священныя книги и др. предметы буддѣйской религіи, исповѣдуемой соютами, живущими по Енисею на границѣ Минусинскаго края	45
2. Шаманскій нарядъ, бубны, орба и др. предметы, употребляемыя при камланыя Минусинскими и пограничными инородцами	36
3. Идолы и др. предметы идолопоклонства минусинскихъ и пограничныхъ инородцевъ	85
	Итого №№ . 166
	Всего въ Антропологическомъ отдѣлѣ №№ . . . 1169

Археологическій отдѣлъ.

Археологическій отдѣлъ занимаетъ угловую комнату направо отъ входа въ 90 □ саж., освѣщенную съ ЮЗ и СЗ пятью окнами,—самую свѣтлую во всемъ нижнемъ этажѣ. Благодаря этому, а также мебелировкѣ, богатой, притомъ исключительно мѣстный матеріалъ археологическаго отдѣла выставленъ довольно удобно и наглядно для публики. Меблировка отдѣла исполнена на средства постоянныхъ жертвователей и сотрудниковъ Музея Иннокентія Петровича Кузнецова и Ивана Гавриловича Гусева. Направо отъ входа въ помещеніе, вдоль стѣны, стоятъ 4 большіе шкафа съ слѣд. группами: «Орудія каменнаго вѣка», «Надѣвія изъ глинъ», «Костяные предметы», «Русскія древности». Стѣну, отдѣляющую описываемую комнату отъ входа въ бібліотеку, закрываютъ 2 большіе шкафа и 1 маленькій съ слѣд. группами: «Деревянные и берестяные предметы», «Предметы изъ желѣза, чугуна и стали» и

«Предметы изъ мѣди и бронзы». Четыре поддерживающихъ арки вступя закрыты маленькими стеклянными этажерками, содержащими слѣд. группы: «Предметы изъ золота, серебра и цвѣтныхъ камней», «Предметы исторической археологiи» (медали, монеты, и др. предметы съ письменами), «Гипсовые маски», «Мѣдные и бронзовые сосуды». Въ большомъ простѣлочномъ шкафу находятся предметы китайскаго и монгольскаго происхожденiя, въ витринахъ у оконъ — «Материалы и орудiя древняго литья» и литература по мѣстной археологiи. Въ стеклянныхъ витринахъ, установленныхъ посреди комнаты, на коммодахъ, выставлена обширная коллекцiя мѣдныхъ и бронзовыхъ ножей всѣхъ типовъ. На угловой открытой этажеркѣ, а также на шкафахъ, развѣшены мѣдные, бронзовые, желѣзные, чугунные и глинняные сосуды. Въ то глухихъ нижнихъ отдѣленiяхъ шкафовъ и витринъ, а также въ подвалахъ, хранится дубяный материалъ отдѣла. Арки и свободныя мѣста стѣнъ утилизированы для выставкн болѣе крупныхъ археологическихъ предметовъ, размѣщенныхъ по возможности симметрично и изящно; изъ нихъ на аркахъ развѣшены сабли и шпаги, реставрированныя орудiя каменнаго вѣка, копья, пикн, кистени, кольчуги, латы, стрѣлы, лопаты, остроги и др. промышленныя и земледѣльческiя орудiя. Стѣнки оконныхъ нишъ закрыты табличками съ рисунками археологическихъ предметовъ, писанницъ, каменныхъ бабъ, и др. памятниковъ. Вдоль сводовъ и арочныхъ рамокъ, въ видѣ архитектурныхъ украшенiй, развѣшены пояскомъ разнообразныя желѣзныя удила и стремена; свободныя поверхности стѣнъ около шкафовъ и оконныхъ нишъ окаймлены картонами съ пришитыми къ нимъ желѣзными наконечниками стрѣлъ. Украшенiе комнаты дополняется портретомъ Ермака и изображающими виды кургановъ акварельными картинами А. Станкевича въ рамкахъ подъ стежкомъ. У оконъ во дворъ стоятъ скамейки для публнкн, подъ которыми развѣшены пасмаки (жернова въ видѣ плитъ) и ручные жернова. Камни съ руническими письменами и каменныя бабы находятся во дворѣ Музея.

Не смотря на сравнительное богатство археологическаго отдѣла среди нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ Музея, онъ однако еще далеко не исчерпываетъ находящагося въ краѣ материала. Успѣшное пополненiе имъ археологическихъ коллекцiй находится въ тѣсной связи съ возможностью для Музея имѣть постоянныхъ агентовъ, приобретающихъ археологическiе предметы покупкой, — такъ какъ увеличенiе коллекцiй пожертвованiями было всегда незначительно (изъ 7,753 №№ археологическаго отдѣла едва-ли найдется 500 пожертвованныхъ). Это обстоятельство, конечно, требуетъ постоянныхъ и значительныхъ для бюджета Музея денежныхъ затратъ, оказывающихся иногда непосильными въ случаяхъ приобретенiя особенно-цѣнныхъ предметовъ, какъ напр. золотыхъ и серебряныхъ вещей, вообще говоря не такъ рѣдкихъ въ краѣ, какъ это можно-бы было заключить по наличному количеству ихъ въ Музѣ.

За № въ археологическомъ отдѣлѣ считается каждый отдѣльный предметъ, за исключенiемъ черепковъ и каменныхъ пластинокъ (lames). Материалъ отдѣла раздѣляется на слѣдующiя группы:

А. Каменные орудія.

	№№
1. Топоры, молоты, долота, клынья	15
2. Скрепки, рабочие камни	29
2. Пластинки (lames), коллекц.	19
4. Ядрѣца (nucleus)	62
5. Наконечники стрѣлъ	146
6. Рѣзущія и сверлящія орудія	38
7. Продырявленные кружки	45
8. Палицы (?), бивни.	10
9. Точильца, брусочки	107
10. Жернова ручные	40
11. Тѣрки въ видѣ плиты (пасаки)	18
12. Подвѣски	26
13. Разные каменные предметы	40
14. Модели каменных орудій (реставрир. камен. ор.)	6
15. Рисунки орудій каменнаго вѣка.	—
16. Образцы камней, изъ которыхъ приготовлялись каменныя орудія, осколки, полученные при ихъ приготовленіи	10
Итого №№ . . .	614

Б. Костяныя орудія.

1. Шпиль, иглы и др. заостренные орудія	70
2. Наконечники стрѣлъ	97
3. Пряжки, пуговицы, кружки, застежки	55
4. Шпильки съ головками	42
5. Разные костяные и роговые предметы.	123
Итого №№ . . .	387

В. Глиняные предметы.

1. Горшки, урны, вазы и др. сосуды	60
2. Черепки глиняной посуды съ орнаментомъ, коллекц.	30
3. Продырявленные кружки	75
Итого №№ . . .	165

Г. Издѣлія изъ стекла и цвѣтныхъ камней.

1. Нефритовые предметы	5
2. Агальмотолитовые предметы	10
3. Предметы изъ сердолика и халцедона	7
4. — изъ цвѣтнаго стекла (бусы)	18
5. — изъ яшгара	1
6. — изъ перламутра и жемчуга.	3

Итого №№ . . . 44

Д. Мѣднне и бронзовне предметн.

1. Топорн, кельтн-кнннн	180
2. Долотн, молоткн	37
3. Боевые молотн (чеканнмы) н топорн	21
4. Кнннкамн	122
5. Ножн, вошкн, скребкн	1000
6. Наконечнкн стрѣлъ н копнй	62
7. Головыя шнпнлкн	128
8. Сверлн, иглн, шнпнлн	75
9. Пуговицн, пряжкн, застѣжкн, напчнкн	423
10. Серьгн, колнцн, подвѣскн	159
11. Зерцалн н кружкн	150
12. Уднлн, мушкетерскн н др. принадлежнкостн сбрун	160
13. Расчѣскн, скребннкн (?)	21
14. Сосудн (54), крышкн курнльннкн (22), кошачкн (13)	89
15. Вилкн	49
16. Разныя мѣднныя н бронзовыя предметн	162
17. Моделн бронзовыхъ н мѣднныхъ предметовъ	3
18. Рнсункн бронзовыхъ н мѣднныхъ предметовъ	10
Итого ММ 2,851	

Е. Предметн изъ латуни (желтой мѣдн).

1. Предметовъ кнтайскаго происхожденн	10
2. — русскаго —	10
3. — неизвестнаго —	15
Итого ММ 35	

Ж. Золотныя н серебряныя предметн.

1. Золотныя пуговицн, колнцн, бляшкн	8
2. Серебряныя сосудн, серьгн, колнцн, пуговицн н др.	59
3. Моделн золотныхъ н серебряныхъ предметовъ	1
4. Рнсункн — — —	—
Итого ММ 68	

З. Желѣзные н чугуныя предметн.

1. Топорн, пнлннкн, долотн, молоткн	74
2. Лопаты н лопаткн	42
3. Сошннкн, лемелн	36
4. Серпн н горбушн	36
5. Саблн, пнлнгн н боевыя молоткн (4)	25

6. Кинжалы и клинки ихъ	92
7. Ножи и ножницы	310
8. Наконечники копій, пикъ	33
9. Наконечники стрѣлъ	1,800
10. Пуговицы, застѣжки, наличники, пряжки	85
11. Ножницы	25
12. Огнива и др. мелкіе предметы	12
13. Латы и кольчуги	10
14. Удилья	102
15. Стрелена	94
16. Уады и др. принадлежности сбруи	25
17. Игла (25), сверла (13), шитья (18) и др. ремеслен. инструм. }	94
18. Охотничьи (костей 5) и рыболовные (15) инструменты . }	
19. Предметы религіознаго культа	3
20. Сосуды	20
21. Рисунки	—
<hr/>	
Итого №№	2,980

И. Гипсовыя предметы.

1. Маски и обломки ихъ	}	7
2. Куски пережеванного гипса		
<hr/>		Итого №№ 7

К. Принадлежности литья.

1. Легкія формы	7
2. Формы, оплакованныя глиной, уголь и пр.	3
3. Образцы рудъ	5
4. Литьяки и куски выплавленного металла, колески	25
5. Шлаки	25
6. Рисунки, модели	—
<hr/>	
Итого №№	65

Л. Каменные бабы, столбы.

1. Каменные изваянія человека и животныхъ	6
2. Каменные столбы и плиты съ письменами	8
3. Рисунки каменныхъ бабъ,—стѣнными таблицами	10
4. Снимки съ писаницъ,—стѣнными таблицами	6
<hr/>	
Итого №№	30

М. Археологическія карты, планы и пр.

1. Виды кургановъ и городищъ	8
--	---

2. Планы кургановъ, могилъ и городищъ	16
3. Карты	1

Итого ММ 19

Всего въ археологическомъ отдѣлѣ ММ 7,193

(«Краткое описаніе Минусинскаго музея и перечень его коллекцій». Красноярскъ. 1891 г.)

3. МУЗЕЙ ТОБОЛЬСКИЙ.

Музей помѣщается въ небольшомъ и довольно красивомъ зданіи, при входѣ въ садъ Ермака. Въ немъ обращено главное вниманіе на то, чтобы представить возможно полнѣе бытъ инородческаго населенія Тобольской губерніи. У самыхъ дверей вы находите фигуры остяка и остячки въ національной одеждѣ, модель убогой юрты, въ которой они проводятъ свою жизнь. Довольно много мѣста отведено охотничьимъ и рыболовнымъ снарядамъ этого племени; сѣти, капканы, самострѣлы, багры и другое оружіе. Обращено вниманіе также и на фауну Тобольской губерніи: вы видите чучела многихъ хищныхъ звѣрей. Наконецъ, видно заботились и о томъ, чтобы положить начало мѣстной археологіи; за стекломъ собрано болѣе сотни монетъ какъ русскихихъ, такъ и другихъ племенъ». Таково общее впечатлѣніе, которое музей произвелъ на проф. Исеева («Вѣст. Евр.» 1890, Сент.). Подробности заимствуемъ изъ помѣщенного въ «Тоб. Губ. Вѣд.» за 1891 г. отчета.

Цѣль музея—«наглядное ознакомленіе публики съ исторіей Тобольской губерніи и развитіемъ въ ней культуры во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ». Двери музея открыты для всѣхъ, которые пожелаю бы работать въ немъ для осуществленія его задачъ, но богатая коллекція этнографическаго и археологическаго (особенно — по нумизматикѣ) отдѣловъ, лежатъ неравобранными и неравоработанными, въ смыслѣ научнаго ихъ значенія, въ смыслѣ матеріала для изученія мѣстнаго края.

Этнографическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ почти все то, что характеризуетъ бытъ сѣверныхъ инородцевъ Тобольской губерніи. Коллекція этого отдѣла состоитъ изъ манекеновъ, домашней утвари, одежды, украшеній, моделей жилищъ, экипажей, сбруи (для оленей и собакъ), долохъ, ямъ, музыкальныхъ инструментовъ и предметовъ языческаго культа. Всего — 167 нумеровъ.

Археологическій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ вещи, служившія народамъ, жившимъ въ Тобольской губерніи во времена глубокой древности. Эти вещи изъ серебра, бронзы, мѣди, желѣза, стекла, кости, глинъ и различныхъ композицій найдены или случайно въ землѣ, или при раскопкѣ кургановъ и городищъ. Кромѣ этого въ археологическій отдѣлъ вошли также предметы, составляющіе русскія древности и относящіеся частью специально къ Тобольской губерніи, частью—бывшіе во всеобщемъ употребленіи въ Россіи. Число всѣхъ вещей археологическаго отдѣла простирается до 1173 вѣд.

Изъ числа находящихся нынѣ на лицо археологическихъ коллекцій обращаютъ на себя особенное вниманіе любителей древности слѣдующія вещи:

1) Бронзовый литой барельефъ въ $12\frac{1}{2}$ сант. длинн, изображающій группу изъ трехъ человекъ, двухъ мужчинъ и одной женщины, находящихся между двумя деревьями, изъ которыхъ одно напоминаетъ пальму, а другое смоковницу съ плодами. На правой сторонѣ барельефа, подъ смоковницей находится столъ со столцами на немъ кубкиномъ и чашею; подъ столомъ видна коряна. Въ лѣвую сторону отъ стола изображена фигура женщины, одѣтой въ длинную одежду, обрисовывающую формы ея тѣла. Женщина эта подноситъ чашу къ губамъ мужчины, склонившагося передъ ней на одно колено; другой мужчина стоитъ лѣвѣе перваго. Протянутыя впередъ руки и склонившіяся фигуры мужчинъ выражаютъ мольбу. У основанія барельефа находятся два утолщенія, при помощи которыхъ онъ можетъ стоять въ вертикальномъ положеніи.

2) Бронзовый молотокъ съ желѣзнымъ зубцомъ. На верхней сторонѣ его втулки находится бронзовое же изображеніе головы какого-то животнаго, держащаго во рту основаніе желѣзнаго зубца, напоминающаго собою кликъ хищнаго животнаго. Бронзовая часть молотка имѣетъ украшенія въ формѣ точечныхъ вдавленій и кружковъ.

3) Мѣдный сосудъ четырехъ-угольной формы съ изображеніемъ на двухъ сторонахъ его лошади и льва, съ узкимъ горлышкомъ и однимъ ушкомъ. Повидному персидской работы.

4) Скифскій (?) литой красной мѣди котелъ, 31 сант. въ діаметрѣ и 22 сант. глубиною, имѣетъ двѣ ручки въ видѣ дужекъ съ пуговкой на верху. По наружной поверхности котла идетъ небольшой ободокъ въ видѣ веревочки.

5) Скифскій же (?) котелъ красной мѣди $19\frac{1}{2}$ сант. въ діаметрѣ и 15 сант. глубиною съ поддонкомъ. Ручки его имѣютъ видъ полукруглой дужки въ 3 сант. вышрм.

6) Такой же котелъ въ 20 сантим. въ діаметрѣ, 19 сантим. глубиною съ поддонкомъ къ верху служивающимся. По наружной поверхности стѣнокъ его идутъ три горизонтальныхъ пояса.

7) Желѣзный шлемъ съ остатками листового золота, которымъ былъ покрытъ. Онъ имѣетъ форму конуса и состоитъ изъ трехъ кусковъ, соединенныхъ вмѣстѣ желѣзными заклепками. По бокамъ его маленькія отверстія; съ одного бока стрѣлка для защиты носа.

8) Остатки такого же шлема со слѣдами золотого орнамента. Оба эти шлема найдены въ 1886 году однимъ крестьяниномъ въ 10 верст. отъ юртъ Истяжскихъ Тобольскаго округа. Кромѣ этихъ шлемовъ тутъ же были найдены и другія древнія вещи. Крестьянинъ, нашедшій ихъ, рассказывалъ, что онъ, углубляя канаву вольѣ почтовой дороги, наткнулся лопатомъ на мѣдную большую кострилку (вѣроятно, скифскій (?) котелъ), вольѣ которой стояли два желѣзныхъ копака (шлемы), а въ нихъ лежали кружки (доски). Въ одномъ копакѣ лежалъ «ангелъ» (серебряный барельефъ). Кромѣ этого вольѣ кострилки находилось старинное желѣзное копьѣ, которое онъ бросилъ. Остальные вещи, кромѣ «ангела», крестьянинъ передалъ своему подрядчику, отъ котораго исправ-

для дорогу, а «ангела» взялъ себя и поставилъ его у себя на божинку. Мѣстный священникъ, увидѣвшій впоследствии этого «ангела», объяснилъ владѣльцу его, что это вовсе не священная вещь и крестьянинъ отдалъ ее тому же подрядчику. (Тоб. Губ. Вѣд. 1891, № 3).

Въ 1890 году были составлены хранителями Музея каталоги по естественно историческому, этнографическому, промышленному и археологическому отдѣламъ, причемъ каталогъ археологическаго отдѣла изданъ печатный.

Коллекціи Музея въ 1890 году увеличивались главнымъ образомъ путемъ жертвованія отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ: К. Б. Газенвинкель—полная коллекція предметовъ, характеризующихъ бытъ сѣверныхъ ивородцевъ Тобольской губерніи—остяковъ; И. К. Голубева—коллекція археологическихъ вещей съ Кучумова городища и два жетона Каванской выставки; В. К. Иисенъ—археологическая коллекція вещей съ Кучумова городища; Е. Г. Катубасовой—круглая кожанная шапка съ буквами; г-жи Лманной—образцы старинныхъ кружевъ; А. А. Михайлова—археологическая коллекція русскихъ древностей; г-жи Паутовой—небольшіе мамскены остяковъ; Н. Е. Розова—старинный русский женскій головной уборъ; Н. Д. Скосырева—остяцкій рыболовный снаряжъ «дорожка»; Д. В. Сердобова—археологическія вещи Астраханской губерніи; М. Д. Скрябина—стеклянная пороховница, В. А. Тройницкаго—остяцкій лукъ, китайскіе ножжи съ вилками и картина.

Приобрѣтена на средства Музея археологическая коллекція вещей, найденныхъ на Искерѣ, бывшей столицѣ Кучумова царства.

Собраніе рукописей хотя еще не особенно богато, но заслуживаетъ вниманія. Въ немъ находятся:

- 1) Приговоръ туринскаго воеводы Беклемышева о наказаніи кнутомъ нещадно на козлѣ татарина Кылтиски, 1672 г., писанный столбцомъ; 2) Жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексѣевичей князю города Березова Ювору Райдукову, 1692 г.; 3) Списокъ съ новыхъ статей 1668 г. царя Алексѣя Михайловича, присланный въ Тобольскъ къ воеводѣ Головинну, а отъ послѣдняго въ Березовъ въ 1686 г.; 4) Списки съ книгъ переписныхъ письменнаго головы Кирилла Дохтурова 1662 г. и писцовыхъ столыника и писца Льва Поскочина 1683—1684 годовъ стариннымъ домовымъ вотчинкамъ Тобольскаго Софійскаго дома; 5) Списокъ выключеннымъ изъ подушнаго оклада служилымъ татарамъ и бухарцамъ городовъ Тюмени, Тобольска, Тары и Томска съ уѣздами, по переписи полковника Солнцева-Засѣкина, 1725 г.; 6) Копія съ реввскихъ сказокъ 4-й реввизіи Тобольской губерніи, Ялуторовскаго дистрикта, Утяцкой слободы, 1782 г.; 7) Книга, данная Карачинскому волостному правленію Тобольской губерніи и округа для внесенія по той волости по 4-й реввизіи государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, 1789 г.; 8—10) Копія съ реввскихъ сказокъ 5-й реввизіи, о тобольскихъ купцахъ, изъ дворовыхъ людяхъ, ищданахъ и цеховыхъ, 1795 г.; 11—12) Обывательскія книги городовъ Тюмени на 1789—1791 гг. и Тары на 1792—1794 гг.; 13—15) Обывательскія книги городовъ Тобольска, Туринска и Тары на 1819—1821 гг.; 16) Путешіе журналы 1787 г. комисіи по проведенію границъ между Тобольскимъ и Иркутскимъ наместничествами; 17) Повѣсть краткая объ Александрѣ

Великомъ, писанная 5 августа 1738 г. Тобольскимъ ямщикомъ Ковьмой Леонтьевымъ Черепановымъ, братомъ известнаго сибирскаго лѣтописца ямщика Ильи Черепанова; 18) Каталогъ для лѣтописаніе изъ бытности архіерея россійскихъ, доведенный неизвѣстнымъ составителемъ до 1740 г. (глава 6-я посвящена сибирскимъ іерархамъ съ 1621 по 1721 г.); 19) Сказанія тобольскаго боярскаго сына Петра Юрьева, оконченныя писаніемъ собственноручно ямъ 23 іюня 1772 г.; 20) Записная книга тобольскаго мѣщанина Максима Власова, съ 1791 по 1826 г.; 21) Нѣсколько свѣдѣній о городѣ Березовѣ, неизданная подлинная рукопись Н. А. Абрамова 1847 г.; 22—24). Три поколѣнные росписи: тобольскихъ купцовъ, мѣщанъ и дворянъ Корнильевыхъ, сибирскихъ дворянъ Нефедьевыхъ и костромскихъ дворянъ Угриновыхъ, составленныя въ концѣ прошлаго столѣтія (представители послѣдняго рода въ 1700 годахъ служили воеводами и губернаторскими товарищами въ Сибирь); 25) Собраніе автографовъ многихъ сибирскихъ дѣятелей съ начала XVIII столѣтія. (Изъ отчета за 1890 г. прилж. къ № 12 Тоб. Губ. Вѣд. за 1891).

13 окт. 1891 г. въ часъ дня, въ помѣщеніи Тобольскаго Губернскаго Музея состоялась чрезвычайное засѣданіе Комитета Музея по поводу принятія музея Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ подъ Свое Августѣйшее покровительство.

2) ЭКСПЕДИЦИИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 Г.

Орхонская экспедиція. Экспедиція, снаряженная нинѣшнимъ лѣтомъ Академіей Наукъ для изученія долины р. Орхона въ Монголіи—главнымъ образомъ—находящихся въ ней древнихъ памятниковъ съ уйгурскими и китайскими подписями,—окончила свои занятія, и нѣкоторые члены ея уже возвратились въ Петербургъ.

Экспедиція состояла подъ начальствомъ академика Радлова (специалиста по тюркскимъ языкамъ) и въ ней принимали кромѣ того участіе: секретарь Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества Д. А. Клеменцъ, Н. М. Ядринцевъ, топографъ капитанъ Щегловъ, рисовальщикъ Дудинъ, и натуралистъ Левинъ. Экспедиція достигла мѣста назначенія, т. е. Орхона, въ началѣ іюля и главныя работы, съ начальникомъ экспедиціи во главѣ, были произведены на мѣстѣ развалинъ предполагаемаго Каракорума (древней монгольской столицы), около могильниковъ съ загадочными письменами и близъ монастыря Эрдені-Цзоо. Въ этихъ мѣстахъ отыскалось множество уйгурскихъ (древнихъ тюркскихъ), монгольскихъ, китайскихъ и руническихъ надписей. Всѣ онѣ сняты эстампажемъ, причѣмъ примѣненъ весьма удачно новый усовершенствованный способъ. Надписи, найденныя въ монгольскомъ монастырѣ Эрдені-Цзоо, проливаютъ новый свѣтъ на исторію этой

мѣстности. Существованіе развалинъ древнихъ городовъ на Орхонѣ вновь подтвердилось.

Кромѣ того произведены археологическія изслѣдованія и въ другихъ частяхъ Монголіи. Н. М. Ядринцевъ прошелъ вначалѣ лѣта отъ Урги на Орхонъ, по берегу р. Толы, новымъ маршрутомъ и натолкнулся на множество древнихъ памятниковъ съ статуями и каменными изваяніями. Въ концѣ іюля онъ пошелъ черезъ хребтъ Хотай на югъ къ пустынѣ Гоби, достигъ Онгинна и Туинъ-Гола, осмотрѣлъ существующія развалины въ долинѣ Туинъ-Гола и снялъ древнія руническія надписи въ южномъ Хотай. Такимъ образомъ обнаружился огромный районъ расселенія древнихъ народовъ, оставившихъ загадочныя могильники и памятники съ статуями и надписями. Несомнѣнно, что адѣсь обиталъ народъ, обладавшій извѣстной культурой до-монгольскаго періода. Въ развалинахъ монастырей сохраняются остатки древнѣйшаго буддизма.

Возвратясь на Орхонъ, Н. М. Ядринцевъ пошелъ этой рѣкой и къ 15 сентября вывелъ свой караванъ въ Кяхту. По пути онъ встрѣтилъ опять интересныя древніе памятники. Отдохнувъ въ Кяхтѣ послѣ труднаго пути, разстроеннаго здоровья, Н. М. Ядринцевъ, заинтересованный слухами о древностяхъ Забайкалья, предпринялъ еще поѣздку на р. Джунду, гдѣ на скалахъ нашлись между прочимъ древнія тибетскія надписи.

Членъ экспедиціи Д. А. Клеменецъ принялъ на себя изслѣдованіе древностей на сѣверѣ Монголіи и, отправившись въ концѣ іюля съ Орхона къ вершинамъ Селенги, прибылъ 3-го октября въ Минусинскъ. Цѣль его была изслѣдовать распространеніе древнихъ памятниковъ отъ Орхона по Селенгѣ къ Минусинску. Планъ его удался вполне. На пути встрѣтились развалины, неуступающія по величинѣ орхонскимъ. Встрѣчено также множество памятниковъ съ руническими надписями, которыя также сняты посредствомъ эстампажа.

Сходство памятниковъ орхонскихъ, селенгинскихъ и минусинскихъ указываетъ на обитаніе адѣсь въ древности обширнаго народа, вѣроятно тюркскаго племени, распространявшагося отъ Орхона до Саяновъ и Алтая и населявшаго восточную Монголію до предѣловъ Гоби, а можетъ быть и южнѣе. (Рус. Вѣд. 1891, № 340).

Экскурсія р. иа Яю. Императорская археологическая комиссія поручила бібліотекарю Томскаго университета С. К. Кузнецову произвести лѣтомъ текущаго года археологическія изысканія въ различныхъ пунктахъ Томской губерніи, особенно по р.р. Оби и Яѣ.

Вершина рѣки Яя, образуясь изъ ключей и болотъ, находится на сѣверномъ предгорьѣ Алатау, на разстояніи 15 верстъ отъ с. Пачинскаго, стоящаго на р. Томи, приблизительно подъ 55° 70' широты и 56° восточной долготы отъ Пулкова, слѣд., почти на 1° южнѣе и 1° восточнѣе Томска.

Берега Яя покрыты дремучимъ лѣсомъ—типичной тайгой, состоящей изъ пихты, ели, кедровъ, осины, березы и разбросанной въ небольшомъ количествѣ сосны, амтвешнишымъ сверху лѣта: она появляется сѣвернѣе, южнѣе.

с. Шигарскаго. Тасжнимъ травы, въ сравненіи съ растущими вокругъ города, представляются гигантскихъ размѣровъ, до сажени въ высоту, каковы въ особенности коневникъ, бѣлоголовникъ, борщевникъ (пучка), дягиль.

И среди этой величественно-дикой природы встрѣчаются только одинокіе домики-займки съ одной, двумя, много—четырьмя семьями, такъ какъ выше села Шигарскаго по берегу Яи нѣтъ совсѣмъ селеній. Всѣ эти займки явились въ послѣднее время; только займка Пухарева существуетъ дѣтъ 30, и еще недавно она была единственной на сто-верстномъ разстояніи.

Крайнимъ пунктомъ нашей экскурсіи была Лысая гора, мы не поднимались выше ея по Яѣ.

Лысая гора, раздѣленная на четыре вершины,—изъ которыхъ дальняя выше другихъ (до 120 сажень), ближняя-же, измѣренная г. Кузнецовымъ, достигаетъ до ста сажень, а остальные въ головину меньше,—тянется по берегу на версту, образуя значительную кругизну. Гора покрыта высокой травой съ разбросанными среди послѣдней беревами. Вторая, считая внизъ по теченію, вершина своими пятью обваженными скалами смотритъ на югъ, и съ рѣки представляетъ грандіозный видъ. Выше средины ея рѣзко выступаетъ впередъ красновато-желтая скала, болѣе трехъ сажень въ высоту и двухъ въ ширину. Ниже, по обѣ стороны ея, слѣдуя наклону горы, расположены, въ видѣ уступовъ, довольно симметрично одна подъ другой, остальные четыре скалы.

Два года тому назадъ одинъ изъ приисковскихъ рабочихъ на вершинѣ первой скалы нашелъ древнія бронзовыя вещи, которыя и показали С. К. Кузнецову. Это обстоятельство и было побудительной причиною для производства археологическихъ раскопокъ на Лысой горѣ.

Высота скалы, какъ объяснилъ нашъ проводникъ, ранѣе была больше; рабочіе отмахившіе въ пути на скалѣ, скатывали въ рѣку отдѣлившіеся отъ скалы камни, чтобы любоваться ихъ быстрымъ полетомъ внизъ по уступамъ горы.

При очисткѣ подножія скалы, почти вплоть до рѣки, между камнями и въ расщелинахъ, г. Кузнецовъ нашелъ много костяныхъ стрѣлъ и нѣсколько бронзовыхъ ножей, величиною до трехъ вершковъ; желѣзныя стрѣлы, слѣданныя въ три грани (пера), съ крутыми крючками на концахъ граней, бронзовыя вещи, изображающія различныя фигуры, напр.: вѣю, оленя, козла (аркара), лошадь, медвѣдя, изящную сережку съ сядящей въ кольцо птичкой, печатку съ идеографическимъ изображеніемъ рѣки, бронзовыя бляхи, нѣсколько зеркала, прекрасно отполированную рукоятку ножа, около трехъ вершковъ длиной, и проч. любопытныя вещи, болѣею частью покрытыя прероскодной патиной. Замѣчательно, что стрѣлы часто встрѣчались воткнутыми въ землю, съ явскою притупленнымъ остриемъ, что незвольно наводитъ на мысль о способѣ ихъ употребленія: вѣроятно, стрѣлы были пускаемы съ рѣки въ скалу въ честь божества.

Очевидно, въ прежнее время, до разрушенія отъ времени, эта скала представляла, вмѣстѣ съ четырьмя остальными скалами, болѣе внушительный

видъ по величинѣ и очертанію, и у нестѣлагого народа, надѣла котораго найдены, несомнѣнно имѣла значеніе жертвенника, расположеннаго какъ разъ на мѣстѣ, откуда начинаются опасные пороги.

Спускаясь ниже по теченію Яи, мы встрѣтили при устьяхъ рѣкъ Золотого Кетата и Катаны, вблизи села Шигарскаго и дер. Артышевой, кладбища нестѣлагого народа. Раскопки показали, что способъ погребенія на этихъ кладбищахъ состоялъ въ томъ, что покойника клали на землю съ предназначенными ему вещами и насыпали надъ нимъ оваломъ, до двухъ аршинъ величиной, курганъ, для чего землю брали по сосѣдству. Отъ такого способа погребенія произошло то, что съ обѣихъ сторонъ каждаго кургана, расположеннаго съ сѣвера на югъ, находятся ямы. Скелеты лежатъ на спинѣ, съ вытянутыми руками, головой на сѣверъ и ногами на югъ; надъ скелетами и подъ ними находятся слои бересты, угля и кости животныхъ (быка?). Одинъ курганъ, исследованный при дер. Артышевой, заключалъ въ себѣ разрушенный отъ времени желѣзный котелокъ; костей въ курганѣ не было и слѣда. Вѣроятно, этотъ курганъ служилъ не для погребенія, а для поминовенія тѣней усопшихъ.

Область распространенія описанныхъ кургановъ значительна. Они встрѣчаются преимущественно по правой, нагорной сторонѣ Яи, по рѣчкамъ, впадающимъ въ нее, и далѣе по р. Чулымъ. На Томи, вблизи Томска, противъ нижняго переката, на возвышенномъ лѣвомъ берегу, среди лѣса находится обширное кладбище, покрытое подобными же курганами. Это такъ называемый Толновъ городокъ.

Мѣстные жители охотно объясняютъ происхожденіе этихъ кургановъ тѣмъ, что до прихода русскихъ адѣсь жила Чудь, которая, какъ только появлялась берега, поняла, что скоро придетъ войско Бѣлаго Царя, и, не желая покоряться русскимъ, сама себя зарывала въ землю.

Въ трехъ верстахъ ниже с. Шигарскаго, на мысу между Новинской протокой и рѣчкой Яей, на правой берегу послѣдней среди роскошно убраннаго цвѣтани луга, живописно возвышается продолговато-четвероугольный курганъ, вышиной до семи сажень, шириной до пяти, а въ долгину до 20, съ плоской поверхностью, на которой замѣтны слѣды былыхъ раскопокъ казачьихъ раскопателей. Судя по произведеннымъ г. Кузнецовымъ раскопкамъ, этотъ курганъ представляетъ естественное возвышеніе, приспособленное, можетъ быть, для стратегическихъ цѣлей; по обѣ стороны его находятся русы Яи: надѣво—современное, направо—старинна, или, какъ адѣсь называютъ, курья. Въ верхнемъ черномемномъ слоѣ кургана были необходимы орнаментированные въ греческомъ вкусѣ глиняные черепки, а по склону—разбитыя кости человѣческаго скелета и кости домашнихъ животныхъ. Но относятся-ли эти послѣднія находки ко времени курганной эпохи—трудно сказать, тѣмъ болѣе, что, по указанію мѣстныхъ жителей, на этомъ курганѣ ставили западни и приманки для волковъ; кости-же человѣка такъ разбросаны, что о ихъ естественномъ положеніи не можетъ быть и рѣчи.

Какъ всякое выдающееся явленіе, курганъ этотъ не избѣгнулъ легендъ. о закрытомъ въ немъ кладѣ, о свѣчѣ, мерцающей на вершинѣ его среди

глубокой ночи, о таинственныхъ дверяхъ, о томъ, какъ кладонскатели были поражены тѣмъ, что все, разрытое ими ночью, днемъ оказывалось засыпаннымъ. Мы пробовали среди глубокой ночи ставить зажженную стеариновую свѣчу на вершину кургана, чтобы имѣть возможность наблюдать эффектъ ея мерцанья, что намъ и удалось, благодаря тихой погодѣ. При тихой звѣздной ночи, наша свѣча легко напоминала мигающую отдаленную звѣздочку, но не болѣе...

Помимо интереса, внушаемаго общимъ видомъ мѣстности, область рѣки Ян представляетъ неизвѣданный край во всѣхъ отношеніяхъ: здѣсь найдется работа какъ для антрополога, археолога, зоолога, ботаника и геолога, такъ и для этнографа и лингвиста.

Имѣя специальную цѣль—ислѣдовать въ археологическомъ отношеніи Лмсуя гору, С. К. Кузнецовъ за три дня сдѣлалъ все возможное; но, въ виду другихъ интересныхъ сторонъ мѣстности, мы старались собрать по пути, на сколько позволяла быстрота обзора, кое-что и по другимъ областямъ азаній: факты географическіе и этнографическіе были заносимы однимъ, наблюденія надъ миромъ животныхъ занимали другого. (Сибир. Вѣст. 1891, № 85).

С. Кузнецовъ.

Послѣднія раскопки въ с. Болгаряхъ.

Въ послѣднее время крестьяне с. Болгаръ начали производить на своихъ усадьбахъ раскопки съ цѣлью добычи бытового камня для мѣстныхъ нуждъ и на продажу. Раскопкамъ были подвергнуты остатки старинныхъ азаній, не находящихся подъ охраной Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи. Посѣтивъ с. Болгары въ Іюль 1891 г., совмѣстно съ Н. А. Шершвицъ, я старался собрать возможно-подробныя свѣдѣнія о произведенныхъ работахъ и о характерѣ тѣхъ азаній, остатки которыхъ—фундаменты—были подвергнуты раскопкамъ.

С. Болгары расположено, какъ извѣстно, на верхней террасѣ пост-плиоценоваго вѣка. Терраса эта, сложенная изъ желто-бурой глины, окаймляетъ въ этой мѣстности заднюю равнину, примыкающую непосредственно къ лѣвому берегу р. Волги. Около с. Болгаръ расположена и новѣйшая терраса, расширенная довольно узкой полосой у подошвы верхней террасы: на этой новѣйшей террасѣ раскинулась нижняя часть села.—Слѣды азаній обнаружены крестьянами преимущественно на поверхности верхней террасы, въ районѣ бывшаго болгарскаго городища, пограничные валы котораго сохранялись частью и теперь. Но, кромѣ того, былъ обнаруженъ фундаментъ еще и у подошвы верхней террасы, гдѣ до настоящаго времени слѣдовъ болгарскихъ построекъ не было обнаружено.

На площадѣ, занятой теперь верхней частью с. Болгаръ, въ районѣ бывшаго болгарскаго городища, обнаружены слѣды азаній въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) Между Малыхъ Минаретовъ, недавно реставрированныхъ, и Черной Палатой, тоже реставрированной, раскопки обнаружили слѣды фундамента-скопленіе бутоваго камня на краю сарага.

2) Въ усадьбѣ крестьянина Рамнова раскопки обнаружили слѣды фундамента.

3) Въ усадьбѣ крестьянина Солдатова обнаружены фундаментъ довольно значительнаго аданія. Во время раскопокъ тутъ была найдена небольшая колонка, вытесанная изъ камня, хранившаяся въ черной палатѣ. Кромѣ того тутъ же обнаружена значительной величины плоская чаша, украшенная съ наружной стороны продольными зарубками. Чаша эта, вѣроятно отъ 10 до 15 ведеръ, имѣетъ въ основаніи отверстіе; она была расположена на округленномъ камнѣ, подобномъ жернову. Этотъ жерновоподобный камень имѣетъ сквозной цилиндрической каналъ, одно отверстіе котораго соотвѣтствуетъ отверстію чаши, а другое выходитъ на бокъ. Размѣры бокового выхода вполнѣ соотвѣтствуютъ размѣрамъ гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, найденныхъ въ этомъ мѣстѣ въ большомъ числѣ.—Въ этомъ же мѣстѣ была найдена плоская колода около квадратнаго аршина въ основаніи, вѣстимостью до 3—4 ведеръ, и каменная облицовка водопроводнаго фонтана, около квадратнаго аршина, съ двумя отверстіями, расположенными одно надъ другимъ и окруженными рельефными украшеніями.—Всѣ эти вещи хранятся въ музеѣ Общества.

4) Въ усадьбѣ Солдатова, почти въ концѣ села, около окраины верхней террасы обнаружены фундаментъ аданія. При раскопкѣ въ этомъ мѣстѣ найдено нѣсколько надгробныхъ камней, хранящихся въ Музеѣ Общества, и обломки цвѣтныхъ изразцовъ.

5) Въ усадьбѣ Печененкова довольно много бута.

6) Въ усадьбѣ Селякова обнаружено тоже скопленіе бутоваго камня.

У основанія верхней террасы почти въ началѣ с. Болгаръ при вѣздѣ со стороны д. Мордова раскопками обнаружены:

7) Фундаментъ довольно большаго аданія, повидному вытянутаго и сравнительно узкаго. Въ мусорѣ при раскопкахъ обнаружено 5 каменныхъ колодъ, около квадратнаго аршина въ основаніи, вѣстимостью отъ 3 до 4 ведеръ. Тутъ же было найдено много гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, прямыхъ и колѣчатыхъ, а также и нѣсколько известковыхъ плитъ съ двумя отверстіями для облицовки водопроводныхъ фонтановъ.—Весьма вѣроятно, что обнаруженный здѣсь фундаментъ принадлежалъ банѣ. Часть этихъ колодокъ хранится въ Черной Палатѣ въ Болгарахъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что при раскопкѣ церкви Св. Николая обнаружена надгробная плита съ очень хорошо сохранившейся надписью. Плита эта хранится въ Черной Палатѣ въ Болгарахъ. Раскопками обнаружено, что могила, которой принадлежала эта плита, давно уже разрушена. Надпись на найденномъ тутъ камнѣ, повидному, армянская. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на находеніе весьма значительнаго скопленія глиняной посуды, покрытой частью поливой въ урочищѣ, называемомъ Акъ или Ягъ-Баваръ, въ 1½ верстахъ отъ Болгаръ, на окраинѣ валивной равнины.

Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе Общества на осипы вольной земли, сѣраго цвѣта и очень рыхлой, залегающія по склонамъ оврага, выходящимъ къ церкви с. Болгарь.—Въ этихъ осипяхъ мѣстами можно было замѣтить обломки костей домашнихъ животныхъ и черепки глиняной посуды. Весьма вѣроятно, что при раскопкахъ этихъ осипей будутъ обнаружены находки равныхъ вещей древнихъ Болгарь.

д. Штуковбергъ.

3. ТЕКУШАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Въ 1-хъ осеннихъ засѣданіи Петербургскаго Неофилологическаго Общества былъ прочитанъ рефератъ нашего члена-сотрудника М. Е. Евсеева (Кобалева) «Свадебныя пѣсни Мордвы».

Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Геогр. Общества. Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія (20 дек. 1891) членъ-сотрудникъ Д. П. Никольскій сдѣлалъ обширное сообщеніе о Лѣсныхъ Башкирахъ.—Въ отдѣленіе вносится предложеніе объ устройствѣ въ Петербургѣ лѣтомъ 1892 г. всероссійской этнографической выставки.—Главнымъ конкурентомъ на ежегодно присуждаемому отдѣленіемъ за лучшее сочиненіе по этнографіи золотую медаль называютъ А. Н. Пыпина («Исторія Русской Этнографіи»).

Рязанская Архивная Коммиссія по случаю открытія работъ по сооруженію Рязанско-Каванской жел. дороги постановила просить Правленіе дороги: 1) о безпрепятственномъ допущеніи ея Членовъ на мѣста работъ 2) о доставленіи въ Рязанскій музей предметовъ древности, которые будутъ находимы во время работъ, 3) о немедленномъ увѣдомленіи Коммиссіи въ случаѣ открытія кладбища, построекъ и т. п. остатковъ древней культуры.

Въ засѣданіи Каз. Общества А. И. Э. 19 декабря дѣйств. членъ В. В. Латышевъ сдѣлалъ сообщеніе о весьма интересной греческой надписи, найденной недавно при раскопкахъ производимыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіей въ мѣстности древняго Херсониса Таврическаго, бывшаго нынѣшняго Севастополя. Большая мраморная плита, на которой была вырѣзана надпись, найдена разбитою на двѣ части, но отъ этого разбитія пострадала только одна строка, содержаніе которой легко можетъ быть восстановлено. По мнѣнію докладчика надпись относится приблизительно къ 1-й половинѣ III в. до Р. Хр. Она содержитъ въ себѣ полный текстъ присяги, которую давали всѣ граждане—по всей вѣроятности по достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія. Именами Зевса, Земли, Солнца, Дѣвы (мѣстной богини), боговъ и богинь олимпійскихъ и мѣстныхъ героевъ они клялись единодушно пещись о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не навѣщать отечеству и не предавать въ руки враговъ ни одного изъ его владѣній, не нарушать демократическаго образа правленія и не доводить другимъ навѣямъ или нарушеніямъ формы правленія, но своевременно доводить о подобныхъ замислахъ до свѣдѣнія дамйурговъ (высшихъ магистратовъ), въ случаѣ выбора въ число дамйурговъ или членовъ государственнаго совѣта

исполнять эти должности как можно лучше и справедливѣе, никому не выдавать государственныхъ тайнъ во вредъ городу, не брать и не давать съ подобною цѣлью взятка, не злоупотреблять противъ отдельныхъ честныхъ гражданъ и не давать другимъ злоупотреблять, но доводить о злоупотребленіяхъ до свѣдѣнія государственной власти и судить ихъ по законамъ, не вступать въ заговоры противъ отечества или отдельныхъ честныхъ согражданъ, а о существующихъ заговорахъ доводить до свѣдѣнія даміурговъ, наконецъ не нарушать существующихъ правилъ о хлѣбной торговлѣ.

Въ своемъ комментарий къ этой надписи докладчикъ выяснилъ ея значеніе какъ вообще для греческихъ государственныхъ древностей, такъ и въ частности для пополненія нашихъ свѣдѣній объ исторіи, государственномъ устройствѣ и религіи Херсонеса. Текстъ надписи съ переводомъ и комментарий г. Латышева будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Матеріаловъ для археологій Россіи» издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею.

МАТЕРИАЛЫ.

А) АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Мелкія сообщенія о городищахъ и курганахъ Восточной Россіи.

Жители въ Инсарскомъ у. Пенз. губ. Крестьяне села Пшенева Инсарскаго уѣзда рассказываютъ, что въ мартѣ, который находится «на обѣдъ» отъ нихъ села въ лѣсу во время мора были похоронены богачи ихъ села съ семьями. Около с. Палаевки есть два мара. Одинъ находится около лѣса на югъ отъ села въ полверстѣ, еще не пашется и покрытъ старыми дубами, въ прежніе годы этотъ маръ находился въ лѣсу и около него совершали Палаевскіе мордвы (мокса) моляны; около этого мара вѣдвали хоронили и покойникъ мордвокъ. Могиламъ эти теперь еще замѣтны. Съ покойникомъ клали въ могилу вина или пива, топоры и свистку (дубинку), а если помрала маленькій, то клали изъ пшенной муки орѣшки и чашку или ложку. На этотъ маръ мордва и нынѣ ходитъ во время какой либо бѣды просить покойниковъ помогать имъ въ несчастіи. Во время бедождія волятъ на этотъ маръ священника служить молебны. Другой маръ, находящійся на западъ отъ села Палаевки, теперь уже распашанъ. Про него рассказываютъ, что въ старину этотъ маръ натаскалъ какой-то богатырь-вонтель и былъ на этомъ марѣ построенъ большой домъ, гдѣ жилъ этотъ богатырь. Занимался онъ разбоємъ забиралъ къ себѣ въ плѣнъ изъ чужихъ селъ мордвокъ и застроилъ мѣсто, на комъ въ настоящее время находится Палаевка; маръ этотъ уже иртыгъ нѣсколько разъ. П. И. Кожевниковъ (с. Шадимъ Инсар. у.).

Городище въ дачѣ села Б. Талба Тетюшск. уѣзда. На Больше-Талбинской земельной дачѣ есть городокъ, отстоящій отъ села около 70 саж., на юго-восточной сторонѣ, отъ уѣднаго города Тетюши 70 вер., а отъ губернскаго—Кавани 100 верста; на лѣвой сторонѣ рѣчки Талбинки.

Кругомъ городка пахатное поле крестьянъ селъ Б. Талбы, да и въ самомъ городкѣ земля вспашана и почва въ негъ черновская.

Городокъ защищенъ землянымъ валомъ вышиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж., толщиной около 3 саж. Снаружи вокругъ вала, на расстоянии отъ него около $2\frac{1}{2}$ саж., идетъ ровъ, глубиною отъ $\frac{1}{2}$ до 2 арш. и шириною около 1 саж. Вся площадь городка занимаетъ около 26 десят. земл. Сквозь городокъ отъ Сѣвера къ Югу проходитъ проселочная и Сибирско-Коваловская дорога. Городокъ кромѣ искусственныхъ защитъ имѣетъ и естественную, а именно: съ восточной стороны—глубокіе овраги, а съ южной и западной—рѣка Тавбинка. Между городкомъ и рѣчкой имѣются нѣсколько холмовъ, довольно высокихъ.

Валы этого городка, по рассказамъ старожиловъ, были очень высоки и круты, такъ что козы не могли лавить на вершину, но теперь они значительно обвалились и сдѣлались довольно отлогими.

У южнаго вала до сихъ поръ значится небольшое углубленіе, гдѣ будто былъ погребъ или подвалъ и гдѣ до сихъ поръ вырываются какіе-то кирпичи и черепки. Какъ въ самомъ городкѣ, такъ и въ окрестности его были находимы въ разное время крестьянами древнія орудія стрѣлки и охоты, равныя желѣзныя вещи, посуда, горшки, угли и окаменѣлыя предметы. Къ сожалѣнію всѣ эти вещи или передѣланы въ предметы домашняго употребленія, или отобраны пріѣзжими любителями древностей. Точно также и валы городка чуть въ каждый годъ портятся чувашами для своихъ стѣнныхъ обычаевъ. Въ тѣ года, когда бываетъ падежъ рогатаго и другого скота или повальная болѣзнь въ народѣ, сквозь валъ дѣлаютъ земляныя ворота, чрезъ которыя пропускаютъ всякую домашнюю скотину, начиная съ крупной и кончая мелкими животными за исключеніемъ свиней. Послѣ всѣхъ животныхъ проходятъ сами чуваша и берутъ по уголку отъ разведеннаго по сторонамъ воротъ костра, въ нарочно принесенномъ горшкѣ, несутъ этотъ уголекъ домой. Лицъ, не принадлежащихъ сельскому обществу, сквозь ворота не пропускаютъ, кромѣ пастуховъ, которые проходятъ за своими стадами.

По рассказамъ чувашъ тутъ жилъ татарскій князекъ, мурза, очень богатый, которому принадлежало нѣсколько тысячъ десятинъ. Онъ держалъ маленькое войско изъ татаръ-же для охраны своего помѣстья и во время похода русскихъ войскъ подъ Кавань чрезъ означенное мѣсто онъ, желая защитить свое имѣніе, заставилъ сдѣлать крѣпость или городокъ.

Въ окрестностяхъ этого городка имѣются небольшіе курганы, напримеръ: въ 6 верстахъ отъ описаннаго городка на Ерыклинской землѣ есть два кургана, на близкомъ расстоянии другъ отъ друга; вышина ихъ около 3 сажень, окружность около 6 саж. (с. Б. Тавба).

Н. Зайцевъ.

Б) ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

I.

Стихъ о пустыни.

Какъ молодой юноша пустынюшку оставляетъ,
 Онъ и день и ночь рыдасть, свою душу умяласть:
 Уже знать мнѣ въ тебѣ, пустынюшка, не живаго,
 А твоихъ доловъ пустынныхъ не видать,
 И на высокихъ холмахъ пустынныхъ не слышатъ,
 А во снѣ-го мнѣ прекраснаго рад не видать,
 Студеной воды ключевые пустынные не пивать,
 Выше темнаго лѣсу яснымъ соколомъ не летать,
 И по утренней бѣлой зарѣ соловьянаго веселаго гласу не слышать,
 Со туманушкою по частому лѣсу не гулять;
 Какъ съ инесемъ туманушка пустынюшку украшасть;
 Мелкій лѣсъ кудрявый, твое святое смиреніе было съ нами;
 Уже я мнѣ съ тобой, пустынюшка, расстаюся,
 Въ міръ мати ржуся,
 На твои цвѣты распрекрасиме я взирать стыжуся.
 Въ добродѣтеляхъ и чистотѣ темный огонь загорается,
 Все мое пустынное обѣщаніе во мнѣ разорвется,
 Весь мой бѣлый градъ, какъ зеленый виноградъ, отъ молодой думушки
 колебается,
 Все мое пустынное смиреніе во мнѣ разорвется;
 И всегда мя врагъ смущасть, своимъ сѣти поставлять,
 И въ прелестный міръ суетный мати меня понуждасть.
 О прекрасная пустыня! отъ всѣхъ суетныхъ звани мнѣ

II.

Стихъ о юности.

Юность моя, юность, молодое твое время!
 Горе мнѣ, увы мнѣ во молодой во юности:
 Во молодой юности борюся многи страсти,
 Платя моя желаетъ больше согрѣшати,
 А душа желаетъ царство получить;
 Самъ я то не знаю, какъ на свѣтѣ житьи:
 Хочется пожитьи, не знаю какъ быти;
 Мысли побивають (*), къ грѣху привлекають.
 Кому воевѣщу я печаль и грусть мою?
 Кого призову я со мной горячо плакати?

* Подбивають.

Юность моя, юность, младое тѣ время!
 Какъ я съ тобой буду законъ сохранять!
 Быстро тѣ стрекнешь, грѣхи собираешь,
 Грѣховъ прибавляешь, душу погубляешь;
 Очи много видють, уши много слышють,
 Руки много грабють, ноги много ходють;
 Гдѣ бы и не надо, всадѣ поспѣваешь,
 Младая тѣ юность, на все поуждаешь.
 Юность моя, юность, безбожное время!
 Безбожное время и конь необуданья!
 Ко грѣху стрекнешь, Бога забываешь;
 Какъ я тебѣ буду, младость, угождать:
 Твое угожденіе душѣ на погубленъ.
 Въ судьбинѣ божіи лежать двѣ дороги,
 По тѣмъ по дорогамъ многи люди войдуть;
 Первая дорога—имѣть страхъ господень,
 Бога прославляти, законъ сохраняти,
 Тѣмъ она доводитъ въ небесное царство;
 Другая дорога—во прелестяхъ быти,
 Въ своей волѣ жити, законъ не хранити,
 Тѣмъ она доводитъ въ претѣчную муку,
 Юность моя, юность, младое тѣ время!
 Законъ презираешь, грѣховъ прибавляешь,
 Почуешь соблави—Бога оставяешь;
 Къ Богу тѣ лѣнива, ко грѣху радива,
 Ты меня отводишь съ деснаго на шую,
 По тебѣ мнѣ жити—Бога прогнѣвати;
 Въ томъ бы не постигла смертная кончина!
 Юность возбудися, въ себѣ ощутися,
 Изнутри воскричала, умилыво вѣшала:
 Кто добра не хоцеть, кто худа желаетъ,
 Равнѣ злой соперникъ, добру независтникъ!
 Я бы весьма рада,—силы моея нѣту;
 Сяжу на борвомъ конѣ—и той необуданъ,
 Смирить коня нечѣмъ—въ рукахъ вожжей нѣту;
 По горамъ, по холмамъ прямо конь стреклетъ;
 Меня разбиваетъ,—нигѣ ума бываю.

III.

СТИХЪ ДУШѢ ПОЛЕЗНЫЙ.

Творецъ тѣ мой покровитель!
 Создатель мой! создаждь меня,
 Создаждь меня тѣ на сей свѣтъ!
 Да какъ я Бога возлюблю,

Тогда во мнѣ страхъ божій блага;
 Я хотѣлъ идти правымъ путемъ,—
 Да сталъ на меня врагъ нападать
 И со всѣхъ сторонъ сѣти расставлятъ;
 Да стало сердце во мнѣ остывать,
 Сталъ я свою плоть украшать,
 Свою плоть украшать, душу обманять.
 О Боже мой милосердый!
 Какою я сталъ неводержимый!
 Сталъ я райскій вѣнецъ спогублять,
 Сталъ я райскіе сады терять.
 Въ рай растутъ цвѣты аламе,
 А дрова растутъ кипарисовица,
 На нихъ вѣточки повлащенины;
 На вѣтвяхъ сидятъ птицы райскія,
 Поютъ вѣсенки херувимскія,
 Херувимскія, серафимскія.

ЗАГОВОРЫ И НАГОВОРЫ

(Изъ книги: «Сказаніе о немощахъ человѣческихъ», писанной въ прошлыи столѣтіи). Изъ главы I: «О главной болѣзни».

I.

Возьми въ руки больную голову и ризы: Христосъ распятъ и по-
 бесъ и воскресъ, и вси радуемся воскресенію Его: такъ бы у сего раба б-
 никуда голова не болѣла, возрадовался бы и повеселился о адоронѣ св-
 (прочтеть трижды).

2.

Ходить на могилу по три зари, и пришедши учинить три поклона
 говорить: Кто на снѣгъ мѣстѣ погребенъ, мужескъ или женскъ полъ:
 ты лежишь безболѣзненъ, такъ бы я рабъ божій миркъ былъ безъ болѣ-
 —И взять съ могилы земля щепотъ и потереть то мѣсто, гдѣ болитъ,
 томъ ту земля положить пакы въ тожъ мѣсто, гдѣ болитъ.

Изъ главы XIX: «О зубной болѣзни».

I.

Взять свеклы съ листомъ, вымыть, прочитавъ молитву: Во имя От-
 Сына и Св. Духа, аминь; сухо дерево въ снѣгъ, камень на небесахъ (?); ни
 вреди, Господи, отъ камени кости у раба божія нирка, сохрани, Господи,
 помилуй отъ кости ломоты, скорби и лютой болѣзни; святой отецъ Ал-
 зубной хранитель, сохрани и помилуй отъ кости ломоты у раба божія н-

отъ кости ломоты, скорби и легкой болѣзни, во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.—Прочитать надъ свеклою, завернуть въ полотно и варить, и горячую во рту на больномъ зубѣ держать.

2.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Спроси у Лаваря четверодневнаго, не болятъ ли у него зубы, не ломитъ ли голову и не щемитъ ли сердце: какъ у него зубы не болятъ, голову не ломитъ и сердце не щемитъ, такъ бы у раба божія иррка зубы не болѣли, голову не ломило и сердце не щемило, аминь (трижды). По твоей вѣкѣ, по моему смерти, по мой вѣкѣ, по твою смерти.

Изъ главы LVI: «О сохраненіи челоѣка отъ оскорну и порчи».

Аще въ которомъ челоѣкѣ посаженъ порчею нечистый духъ, — траву прострѣль возьми съ собой, и какъ придеши, то положи въ бѣснующаго не поле и говорить, чтобъ и бѣснующій говорилъ же бы: «я знаю траву прострѣль, есть у меня трава прострѣль»; и какъ бѣснующій чисто гдѣ рѣчи выговоритъ, тогда дать ему прострѣльнику, утертаго въ питьѣ какомъ-нибудь, выпить.

Изъ главы LXXXIII: «Чѣмъ симъ лѣки отплати и стѣнь».

Аще на кого стѣнь находятъ или кто напуститъ. Когда ставеши свѣтъ ложиться, то сядь на постель и очертись кругомъ себя вожомъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь». И какъ выговоришь аминь, въ тотъ же часъ на отмажь въ стѣну воткин ножикъ, Богъ хранитъ. (Пробованное, истинное дѣйство).

Изъ главы CXVII: «Аще кто страдаетъ трясавицею».

«Заклинаю васъ, нечистыхъ духовъ трясавицъ, всемогущимъ Богомъ Отцомъ и Сыномъ и Св. Духомъ: отыдите отъ меня раба божіа иррка въ мѣсто пусто и безводно, и даже Господь не присѣщастъ, и болѣе меня не мучите, оканяныя: трясая, огня, глядея, аваркуша, храниша, пухляя, желтая, асая, хамая, иѣмая, глухая, каркуша». — Прочеть трижды, а потомъ «Вѣрую во единого Бога», и какъ ихъ имена, такъ и «Вѣрую» написать на бумажкѣ и сжечь, а какъ «Вѣрую» прочтешь и скажешь аминь, — въ тотъ же часъ сожженную бумажку выпить. А когда не покинетъ, тако жъ дѣлать дважды, чята по семи дней, а въ восьмой такую жъ бумажку, и ихъ имена и «Вѣрую», написать и носить на крестѣ.

Сообщилъ о. С.

Проводи Костромъ-весни въ Самарсконъ уѣздѣ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ)... У рощи, почти рядомъ съ куртани расположилась кладбище.

Черные кресты, бѣлыя надписи скрывались за мелкими кустами березокъ, а могильная насыпь сраивалась съ высокой товою.

Здѣсь на кладбищѣ остановился хороводъ и затянулъ протяжную, тоскливою пѣсню. Позади хорОВОЛА двигалась цѣлая толпа изъ мужичковъ, бабъ, стариковъ и старухъ. За ними, подпрыгивая, бѣжали ребята.

Пѣсня стихла. Тихо, медленно двигался хороводъ. Странную пеструю цѣпь представлялъ онъ. Большинство дѣвушекъ одѣты были не въ сарафаны а въ городскія платья, сидѣвшія неуклюже и некрасиво.

Не помню въ точности тѣхъ словъ пѣсни, которая пѣлась молодежью, но приблизительно она была такого содержания: Кострома, Кострома зачѣмъ ты насъ покидаешь, зачѣмъ оставляешь! Конецъ нашему бездѣлю, хорОВОДНОМУ веселью и т. д. Кострома, Кострома... пѣли парни и дѣвушки, обращаясь къ медленно движущейся фигурѣ, изображающей Кострому (Кострома-языческая богиня весны и собственно у хуторянъ отождествлялась со словомъ весна) Высокая, закутанная съ головы до ногъ въ бѣлыя простыни, перевязанная гирляндами цвѣтовъ и зелени, съ кудрявою дубовою вѣткой въ рукахъ, Кострома кланялась во всѣ стороны. «Не долго, не долго осталось» — таинственно шептали бабы и съ боязливымъ испугомъ оглядывались на темнѣющую дубовую рощу.

Со стороны казалось, что здѣсь совершается что-то загадочное, вроде какого-то таинства.

«Смерть, смерть» — раздавался вдругъ крикъ; изъ рощи на пирующихъ двигалась все ближе и ближе бѣлая тѣнь.

Вотъ она подошла къ толпѣ, которая какъ-бы въ испугѣ, отскочила прочь отъ нея и бросилась къ хорОВОДУ.

Умолкла пѣсня. Сомкнулись плотнѣе парни и дѣвушки.

Главу Кострома на смерть, ринулась въ сторону и съ крикомъ упала на землю.

Словно растерявшаяся отъ неожиданности раступилась молодежь и смерть беззастѣливо вторглась въ самый центръ хорОВОДА къ лежащей веснѣ.

Съ радостнымъ крикомъ начала она клестать сухой вѣткой (изображающей смертельную косу) зеленую цвѣтущую богиню.

Завязалась борьба. Вступаютъ въ бой и парни, и дѣвушки, стоя за Кострому, но побѣда остается за всемогущей смертью. Весна умираетъ. Раздается грустная, похоронная пѣсня.

Умерла уже, братцы, умерла Кострома наша, раздается чей-то голосъ. снова смолкаетъ пѣсня. Моментально появляется откуда-то огромная кадка воды и тихо, какъ-бы это совершалась обрядъ отпѣванія надъ покойникомъ, выливается на умершую Кострому.

Старые и малые наперерывъ тѣсятся къ центру. Теперь хоронить — радуются кругомъ голоса.

Кострома кладется на носилки, а смерть съ видомъ побѣдителя, сраваившаго божество, пошѣщается на груди ея.

Сильными руками мужиковъ заваливаютъ носилки на плечи и кѣрное, торжественное шествіе двигается вдоль улицы, спускается подъ гору, гдѣ раскинулся прудъ, и съ размаху, и весна, и смерть бросаются въ воду.

Кончилась игра въ Кострому. Раздается дружный смѣхъ, визгъ и пѣ-
ли. Грязные, мокрые выползаютъ похороненные изъ воды. Ихъ дѣло кончено.

Они теперь не смерть, не весна, а также же удалые веселые парни
какъ и всѣ остальные.

На дѣвушкахъ летять комки грязи, товарищамъ сыплются удары на
ударомъ. Крикъ, шумъ не смолкаютъ, на куторахъ до утренней зари.

С. Сиб-ва.

Религіозные обычаи и повѣрія вотяковъ Бирскаго уѣзда Уфим. губ.

«Ночь выхода мертвыхъ». Ночь съ среды на четвергъ страст-
ной недѣли—Вотяки называютъ «Кулон потомъ уй» т. е. «Ночь выхода мерт-
выхъ». Въ эту ночь по ихъ повѣрью выходятъ изъ могилъ всѣ умершіе, а
въ числѣ ихъ первыми «убиры и вѣдоны», которые вмѣстѣ съ живыми «уби-
рами и вѣдонами», превращаясь во всякое животное, наприм. въ собаку, въ
кошку, въ козу, а то прямо въ человѣческомъ видѣ ходятъ по деревнямъ,
портятъ людей, домашнихъ животныхъ, и пьютъ у людей кровь, когда они
спятъ. Чтобы избавиться отъ этихъ враговъ Вотяки съ полдня ѣдутъ въ дѣ-
ся, намамываютъ тамъ словыхъ и рябиновыхъ вѣтвей и готовятъ ихъ къ ве-
черу. Когда настаетъ вечеръ, Вотяки неоставляютъ ни скотнаго двора, ни
амбара, ни кѣтвей съ находящимися тамъ предметами, даже внодвой посу-
днымъ безъ этихъ вѣтвей; тоже дѣлается и въ избахъ. Нѣкоторые ложась
спать привязываютъ на ночь на шею такую-же вѣточку на продѣтой сквозь
просверленное въ ней отверстіе нитки.

Обрядъ предъ отправленіемъ въ путь. Когда Вотякъ
вѣзжасть въ дорогу или ѣдетъ въ гости, то предъ отъѣздомъ старшій
изъ ясновъ семьи беретъ цѣльный коровай хлѣба и выдѣля съ нимъ
на дворъ творить молитву, чтобы за отъѣжающимъ не слѣдовали «эришисъ»
которые сильно утомляютъ лошадей. Сотворивъ молитву старшій во-
дить въ домъ, разрѣзаетъ молитвенный хлѣбъ, сначала отдѣливаетъ сѣкъ
а потомъ раздаетъ всей семьѣ, каждый ѣстъ стоя на ногахъ. Женщины, какъ
при употребленіи всякой моельной пищи, обязательно накладываютъ на себя
какую нибудь верхнюю одежду—кафтаны, шабуръ и т. д. Когда всѣ поѣдятъ
овначеннаго хлѣба, тотъ, который ѣдетъ, беретъ кусокъ этого хлѣба, кладетъ
его за пазуху, садится къ столу, кладетъ правую руку на столъ со словами
(«остъ кова нмаръ»), потомъ встаетъ, подходитъ къ печкѣ и трогаетъ ее
правой рукой, послѣ этого уже выходитъ изъ избы и отправляется въ путь.
Проѣхавъ деревню, Вотякъ вынимаетъ изъ пазухи кусокъ молитвеннаго хлѣба
и не останавливая лошадей бросаетъ его въ обѣ стороны маленькими кусками
и при этомъ приговариваетъ: «ліалъ сѣалъ эришисл'ос, мон соракъ эришиса
анъ вѣглавъ, валалыно-асалышно каптылокъ каралъ», т. е. «ищите нечистые, вы
мною не ходите и не увязывайтесь, какъ меня самого такъ и лошади моей не
тяготите». Въ дорогѣ, когда проѣзжаютъ ворота, обязательно ударяютъ плутокомъ
по которому нибудь изъ столбовъ говоря «остъ кова нмаръ»; это дѣлается

потому, что при каждомъ воротахъ предполагаются «аршиис», которыхъ удорожъ кнута проѣзжающій отстраняетъ.

Устраненіе притки. Если кто проступился или упалъ нечаянно и при томъ повредилъ что нибудь изъ членовъ или захворалъ, въ такомъ случаѣ Вотьяки говорятъ «утырамъ муззэмъ захматъ шоры», т. е. наткнулся на земного нечистаго, чтобы умилостивить его, они вечеромъ въ сумеркахъ прячутъ въ землю горбушку хлѣба съ лицомъ, но только въ такомъ мѣстѣ, гдѣ человекъ не коснется ногой, т. е. воялѣ или подъ какимъ нибудь строеніемъ. Если у кого въ семьѣ появится на тѣлѣ короста или чесотка, Вотьяки говорятъ что его поймала какая нибудь рѣчка или ключъ за то, что онъ либо сморкался, либо пламилъ либо похулилъ ее или его. Желающій излѣчиться по указанію ворожеи въ ключъ или въ рѣчку бросаютъ крупы съ солью въ холщевой тряпочкѣ и при этомъ умоляютъ, чтобы она отпустила и другой разъ не держала. Это дѣлается вечеромъ въ сумеркахъ, и когда идутъ бросать означенныя вещи, то ворко слѣдятъ, чтобы ихъ никто не видалъ, въ противномъ случаѣ оставляютъ до другого вечера.

Происхожденіе земляныхъ проваловъ. Однажды мы шли въ луга и на ровномъ мѣстѣ замѣтили впадину земли. На мой вопросъ отчего тутъ образовалась такая яма, мнѣ отвѣтили «Му нулэмъ сойзъ» т. е. проглотилъ ее «му»; онъ часто проглатываетъ участки земли, если это допускается «кыттинъ». Во время ссоры нерѣдко можно слышать выраженіе «Иммаръ чашонъ шойде му нулонъ» т. е. чтобы тебя поразило громомъ и чтобы прахъ твой проглотилъ «му».

Осенняя жертва «Му—Кыттину». «Му кыттину» почти ежегодно осенью жертвуютъ кто гуся, кто овечку, бычка, а нѣкоторымъ и жеребенка, каждаго въ своемъ дворѣ. Мясо отъ этой жертвы никому не дозволяется вкушать кромѣ «асъ насилывамъ» т. е. своей породы—ни сосѣду ни даже замужней дочери, ибо она считается уже принадлежащей роду мужа.

(Д. Стар. Варяжъ Бирскаго у.)

Г. Антисевъ.

БИБЛОГРАФІЯ.

1. Матеріалы по статистиці Вятской губерніи. Томъ VI.
Уѣздъ Елабужскій. Вятка 1889—1890 г.

На страницахъ нашихъ «Извѣстій» не разъ была уже рѣчь объ изданіяхъ Вятскаго Земскаго Статистическаго Бюро. Томъ, о которомъ мы въ настоящее время даемъ отчетъ, заключаетъ въ себѣ рядъ данныхъ, которыя имѣютъ значительный интересъ для археолога и антрополога. Въ данныхъ относятся къ численности отдѣльныхъ этнографическихъ элементовъ населенія, къ памятникамъ старины, о которыхъ попутно со своими спеціальными изслѣдованіями узнали земскіе статистики. Мы считаемъ полезнымъ являть эти указанія въ интересахъ лицъ, занимающихся археологіей, антропологіей и этнографіей края.

Этнографъ не оставитъ, конечно, безъ вниманія указанія на то, что по численности ямчниковъ главнымъ образомъ черенисъ, уѣздъ занимаетъ первое мѣсто о губерніи, данныхъ относительно состава смѣшанныхъ селеній, богатый матеріалъ для опредѣленія экономическаго положенія жителей. Для антропологовъ и археологовъ мы считаемъ не лишнимъ являть соотвѣтствующій матеріалъ.

Около д. Лоласъ-Абдесъ находили въ прежнее время много стрѣлъ.

Около д. Вычанъ Сырель, по преданію, раньше жили Черенисы; на мѣстѣ ихъ жилищъ находили котелки (5).

Около д. Новая Мошья ранѣе также жили Черенисы; указываютъ на слѣды ихъ жилищъ и оставшіяся ими клады (9).

На полѣ около села Можга (Басурманъ) находятъ не мало стрѣлъ; по словамъ Волжковъ тутъ происходила битва между ихъ предками и Черенисами и Татарами (9).

Около д. Малая Пудга выкапываютъ иногда топоры и ножи особой формы (15).

Около с. Большая Пудга указываютъ росчисти, погребенныя ямы и мѣста жилищъ старыхъ обитателей (15).

Около д. Нижняя Юря указываются слѣды стараго жилища (17).

Около д. Вотскій Тоймобашъ указываются остатки старинныхъ жилищъ (19).

Около д. Макаръ-Пельга находится старое языческое кладбище Вотяковъ (29);

Такое-же кладбище имѣется около д. Верхне-Бемужъ-Пеньга (30).

Въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ д. Вотскія Адамъ-Учи имѣется языческое вотское кладбище и «Кереметь» (35).

Въ окрестностяхъ д. Яги-Какса имѣются три «керемети», гдѣ Вотяки-язычники совершали свои моленія (36).

Въ 4-хъ верстахъ отъ д. Вотское Гондырево въ мѣсту находится священная роща, «Буддѣ» куда съѣзжаются черезъ 3 года на четвертый Черемисы и Вотяки; въ 1892 г. адѣсь будетъ съѣздъ около Петрова дня изъ уѣздовъ Елабужскаго и Сарапульскаго. Моленіе продолжается 10 дней.

Въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села Куракова за рѣкой Тоймой имѣется старинное (вотское, по словамъ жителей) кладбище; не огорожено и не распахивается.

Около д. Байтеряковой близъ Сарапульскаго тракта замѣтно татарское кладбище, мѣстами распаханное (43).

Около д. Старый Угчанъ имѣются слѣды вотскихъ жилищъ и въ трехъ мѣстахъ есть старинныя вотскія кладбища, оставшіяся отъ времени язычества (44).

Въ полуверстѣ отъ дер. Кивековой есть старинное татарское кладбище (46).

Въ окрестностяхъ села Варан-Ятчи имѣется старинное вотское кладбище (49); такія-же кладбища имѣются въ верстѣ отъ дер. Кулебаевой (Средняя Варан-Омга. 50) и въ полуверстѣ отъ д. Верхняя Усо-Омга.

Въ окрестностяхъ д. Верхняя Усо-Омга есть старинное кладбище, опредѣлять принадлежность котораго жителя не могутъ (50).

Въ окрестностяхъ д. Черный Ключъ (Сбдъ-Ошмесъ) есть языческое вотское кладбище (51).

Около д. Муново на берегу Камы на С. имѣется насыпь, при раскопкѣ которой находили черепки отъ горшковъ, мѣдныя бляхи и стрѣлы величиною въ большое птичье перо (54).

Въ 4-хъ верстахъ отъ с. Пьяный Боръ показываются два «Чудскихъ городища». На косогорѣ за селомъ находили мѣдныя бляхи, серги, мѣдныя пуговицы, бисерники и узорчатые черепки отъ горшковъ (54); по берегамъ Камы находятся кости мамонта.

Въ полѣ на В. отъ дер. Араамасцево выкопаны крестьянами два коуля; выпихивали нѣсколько разъ киринчи (55).

Около села Ковловки, въ 3-хъ верстахъ, на берегу Камы сохранились слѣды землянаго укрѣпленія (между двухъ договъ проходитъ ровъ и валъ (73).

Для историка Восточной Россіи не безынтересными, конечно, являются данныя относительно времени и обстоятельствъ заселенія отдѣльныхъ волостей, разбросанныя въ приложеніяхъ къ 1-й части.

И. Смирновъ.

Вятскій Календарь на 1893 г. Въ «Календарѣ», кромѣ статей касающихся статистики Вятской губ., помѣщены «Объ историко-этнографическомъ изученіи Вятскаго края» проф. И. Н. Смирнова, «Указатель статей мѣстнаго отдѣла неофициальной части Вят. Губ. Вѣд. съ 1838 по 1890 г.» А. А. Спицына, «Загадки Слободского у. Вятской губ.», собранныя И. С., «Матеріалы для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора» Н. Васнецова, «Краткій очеркъ растительности Вятской губ.» Н. Буша и «Очеркъ исторіи Вятской мужской гимназіи» А. А. Спицына. Въ виду того, что съ частью заключающагося въ этихъ статьяхъ научнаго матеріала читатели ознакомятся повдѣе непосредственно, мы остановимся исключительно на статьяхъ И. С. и Н. Васнецова.

Г. И. С. записано до 900 загадокъ, причемъ сохранены, по возможности, особенныя черты говора Слободского у. Вят. губ. Мы говоримъ «по возможности», потому что способъ собиранія загадокъ, очень оригинальный и заслуживающій вниманія¹⁾, не позволяетъ всетаки вполне полагаться на правильность записи. Въ числѣ загадокъ, кромѣ такихъ, которыя имѣются уже въ различныхъ сборникахъ, встрѣчаются совершенно новыя или интересныя варианты. — Слободской у. великъ, въ массѣ селеній его встрѣчаются разновидности говора, потому желательно было-бы, чтобы точнѣе была опредѣлена мѣстность, въ которой записана загадка, — цѣнность собранія тогда увеличится. Необходимо для той-же цѣли ставить удареніе на словахъ, потому что нерѣдко отъ удареній зависитъ измѣненіе звуковъ, напр., вм. «глядить» — «гледить» и наоборотъ — «крисло» вм. «кресло», «лякче» вм. «легче». . Желаннѣйшій заниматься говорами русскаго языка найдетъ для себя адѣсь не мало интересныхъ данныхъ, можетъ замѣтить дѣйствіе нѣкоторыхъ факторовъ, напр., аналогій, какъ она, въ какой сферѣ и въ какомъ направленіи оказываетъ свое вліяніе, затѣмъ — зависимость однихъ согласныхъ звуковъ отъ другихъ и т. п., но не придетъ — думать — къ заключенію, что форма «колоколо» вѣрнѣе, чѣмъ «колоколь», потому что «множ. ч. колокола — средн. р.» (?), какъ думаетъ И. С.

Словарь г. Васнецова обѣщаетъ быть цѣннымъ вкладомъ въ науку для изученія русскіхъ говоровъ: при значительномъ объемѣ (три буквы а — в занимаютъ до 40 стран.) удержано народное произношеніе словъ, поставлено вездѣ удареніе, опредѣлены хорошо значенія. Жаль только, что г. Васнецовъ, сравнивая свой матеріалъ съ «Областнымъ Словаремъ» и «Словаремъ Далъ», не отмѣтилъ, какія слова заимствованы имъ изъ этихъ источниковъ или имѣютъ въ нихъ другое значеніе. — Кажется, что г. Васнецовъ не вполне знакомъ съ требованіями языковѣднн, потому что его бѣглая замѣтка о говорѣ Вят. губ. именно отличаются своей «бѣглостью», случайностию, — не вполне знакомъ онъ и съ терминологіей, напр.: «замѣтно, преобладаніе ѣ передъ е, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ е почти истерично и всегда йотируется. Йотируются адѣсь не е, а о, потому что ѣ=ю, а е только переходитъ въ йоти-

¹⁾ Авторъ предложилъ ученикамъ и ученицамъ начальнаго школьнаго средняго училищнаго отдѣленія (2-й годъ обученія) заннать по 10 загадокъ и потомъ разгруппировать ихъ.

рованное о.—Несмотря на указанные мелкие недостатки лингвистические материалы, предлагаемые «Вятскимъ Календаремъ», интересны и имѣютъ серьезное научное значеніе. Желательно было-бы чтобы и въ другихъ городахъ, напр., въ Сибирскѣ, въ Самарѣ, мѣстные «Губернскіе Статистическіе Комитеты» являли себя подобнаго же рода изданіями.

И. М.

«Česky lid». Sbornik věnovaný studiu lidu českého v Čechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku. Ročník I, Číslo 1—2. Praha 1891 г. Со второй половины 1891 г., началъ выходить въ Прагѣ новый двухмѣсячный журналъ «Česky lid» («Чешскій народъ»), посвященный антрополого-этнографическому изученію территоріи, занимаемой чешскимъ народомъ. Нами пока получено 2 выпуска. Статьи нѣкоторыя еще не кончены, но содержаніе ихъ настолько уже обрисовалось, что мы можемъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Оставляя въ сторонѣ статьи, не имѣющія близкаго отношенія къ изученію Восточной Россіи, мы укажемъ изъ нихъ на тѣ, которыя могутъ представить факты, аналогичные съ встрѣчающимся въ названной мѣстности¹⁾. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе статья д-ра Матејка: «Могилы съ искривленными скелетами въ Чехіи» (41—46, 109—118). Здѣсь г. Матејка описываетъ тѣ могилы, которыя онъ видѣлъ самъ (въ Ловосицахъ и между Чижковницами и Енчицами) или указанія на которыя имѣются въ литературѣ. Въ могилахъ перваго рода найдены скелеты въ лежащемъ положеніи на правую или лѣвую сторону, причемъ колѣна были пригнуты къ животу, а руки—одна къ головѣ, другая,—къ груди или животу. Въ могилахъ, отмѣченныхъ раньше въ литературѣ, встрѣчаются скелеты въ сидячемъ, положеніи, причемъ черепъ лежитъ между ногами. Надъ скелетами въ лежащемъ положеніи найдено было по нѣскольку камней (преимуществ. по 6), различной величины сообразно съ тѣмъ, къ какой эпохѣ можно отнести эти могилы. Ранѣе неолитической эпохи могилъ такого рода не замѣчено.—Указывается нѣсколько случаевъ нахожденія могилъ со слѣдами трупосоженія. Во многихъ могилахъ найдены были обломки различной утвари, а иногда и цѣльные экземпляры.—Въ непосредственной связи со статьей д-ра Матејка нужно поставить «сообщенія объ археологическихъ находкахъ», представляющія особый отдѣлъ журнала, гдѣ описывается довольно много могилъ съ такими-же искривленными скелетами и со слѣдами трупосоженія.

Изъ статей, касающихся этнографіи, мы отмѣтимъ «Повѣрья и обычаи моравскаго простонародья въ ховляствѣ» Ф. Бартоша. Здѣсь авторъ систематически описываетъ по различнымъ мѣстностямъ все, что дѣлается передъ пастьбой скота, что требуется отъ пастуха, какія онъ дѣлаетъ заклинанія предъ выгономъ скота, что надо сдѣлать, чтобы коровы не пырлясы, чтобы

¹⁾ Въ подобныя случаяхъ и впрямь въ «Навѣстіяхъ» будутъ помѣщаться замѣтки о книгахъ или статьяхъ изъ періодическихъ изданій, но имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ изученію Восточной Россіи.

онъ теленка, какъ слѣдуетъ обходиться съ теленкомъ и какъ его «отвакивать» отъ коровы, когда и какъ надо начинать доить корову, какія болѣзни бывають со скотомъ и какія употребляются противъ нихъ средства. Во всѣхъ пріемахъ какъ ховлять, такъ и пастуха, ясно видна вѣра въ всендѣшнихъ враговъ, обыкновенно чародѣйницъ, которыя и стараются вредить человѣку, всякая всякія невзгоды, болѣзни и т. п. на скотину. Такъ, напр., прѣдъ выгономъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на спинну коровы ховляка кладеть доску краснаго сукна, чтобы дурной глазъ заглядѣлся на этотъ доскутокъ, а не на корову. Во многихъ мѣстахъ также окуривають особыми травами, заставляють переходить черезъ извѣстнаго рода вѣтки и прутья или подходить подъ ними—все это для того, чтобы чародѣйки не стубили скотъ, чтобы не напустили на него какой нибудь «лихой болѣзни». Чтобы коровы не вырѣлись, ховляки или потирають круто испеченнымъ хлѣбомъ между рогами, или, выведя изъ хлѣва, заставляють ихъ войти опять задохъ; когда корова отелится, то теленку вырѣмываютъ въ извѣстной послѣдовательности на всѣхъ четырехъ копыткахъ по кресту и вырѣзанное дають съѣсть съ хлѣбомъ,—«тогда никто не можетъ сглазить или околдовать». Чтобы избавить скотину отъ напавшаго на нее черая, берутъ, между прочимъ, чертополохъ, пригнувши голову этого растенія, приказываютъ ему выгнать черей. «Пока не выгонишь, тебя я не выпущу изъ тюрьмы», произноситъ заговаривающій, кладя чертополохъ подъ камень. По прошествіи трехъ дней черая исчезаетъ и чертополохъ освобождается изъ заключенія.—Статья еще не кончена, желательно, чтобы продолженіе соотвѣтствовало началу. Интересъ заключается въ томъ, что многіе изъ подобныхъ-же обычаевъ, напр. у русскихъ практикуются только потому, что такъ заведено встаря, но значеніе и цѣль ихъ исполнителю, тогда какъ здѣсь сохранилось и объясненіе. Сравненія могутъ привести къ важнымъ результатамъ.

Очень интересна начатая только статья Кошгала: «Водяной — въ вѣркахъ чешскаго народа». Прежде всего на себя обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что у Чеховъ обыкновенное названіе водяного не славянское а нѣмецкое: «hasztman», т. е. Wassermann. Одни говорятъ, что водяной былъ сначала ангеломъ, но потомъ выстѣ съ прочими, возгордившимися противъ Бога, былъ низверженъ съ неба и попалъ въ воду, а другіе—что это страшный разбойникъ, котораго прокляла послѣдняя жертва его вѣрства.—Hasztman является въ различныхъ видахъ: старикомъ, мальчикомъ, карликомъ съ конскими ногами—всегда почти съ зелеными волосами и глазами, или — кошемъ (преимущественно бѣлымъ и рѣдко чернымъ, безъ нижней губы) быкомъ и т. п. Онъ всячески старается вредить человѣку, если тотъ его не уважаетъ. Въ видѣ коня онъ бонтся лмковой персявкой и, разъ удалеця ударить его кому нибудь такой персявкой, водяной дѣлается ручнымъ. На него можно пахать, вонить всякія тяжести, но только не давать и не показывать воды, — иначе онъ обратится въ мальчика и исчезаетъ. Тогда бѣда бывшему мучителю: его самого замучитъ hasztman, изъ богача сдѣлаетъ бѣднякомъ, утопитъ его самого или кого нибудь изъ близкихъ и т. п. Если кто изъ родныхъ вступится за погибшаго отъ рукъ водяного, подкараулитъ послѣд-

инго и ударить лыковымъ кнотомъ, то въ концѣ концовъ можетъ заставитьъ возвратитъ родственника. Такъ, по преданію, сдѣлала одна женщина, у которой hasirman утопилъ сына. Авторъ названной статьи дѣлаетъ сводъ повѣрій о водяномъ, пользуясь не только собранными имъ самимъ матеріалами, но и находящимися въ литературѣ, причемъ повѣрія передаются въ формѣ разсказа съ указаніями, въ какой мѣстности существуетъ известное повѣріе. Такой способъ очень удобенъ и полезенъ, — благодаря ему можно даже географически отмѣтить разницу въ повѣрѣяхъ и, можетъ быть, указать иногда и ихъ происхожденіе.

Изъ остальныхъ статей назовемъ еще: «Чешскія народныя вышивки» Р. Тыршовой, «О народныхъ пѣсняхъ» Гостинскаго, «Объ одеждѣ словенскаго народа» Коула и «Изъ сельской кухни» Выкоукаль. Изыячно исполненные рисунки дополняютъ пріятное впечатлѣніе, выносимое послѣ прочтенія каждой книжечки.

Н. Мухомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

Статей по археологін, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ
въ неофіціальной части Каз. губ. Вѣдом. 1878—1891 *).

43

1) Археологія.

- 1843. Памятники древности Каз. губ. МЖ 37, 38, 41, 43 (прод. 1845, Ж 44).
- Иск. Казани. Ж 39.
- Зилантова гора. Ж 45.
- Планы древней Казани. Ж 28.
- 1844. Древняя церковь въ с. Савиновѣ. А. Артемова. Ж 38.
- 1845. Ложка Петра В. въ Петропавловскомъ соборѣ. Ж 29.
- Древняя Кольчуга. Ж 46.
- 1847. Достопримѣчательности археологическія. Ж 14.
- Жуковинъ. Артемова. Ж 26.
- 1848. Древности Чебоксарскаго собора. Ж 45.
- 1852. Сундырская гора. С. Михайлова. Ж 29, 30, 52.
- 1855. Село Зиньва, Городище тожь, въ Чистомъ уѣздѣ, и его древности. С. Мельникова. Ж 21.

2) Исторія.

- 1843. Памятникъ въ честь вѣнцовъ. надѣвшихъ при взятіи Казани, Артемова. Ж 40.
- Обзоріе древнѣйшихъ турецкихъ, татарскихъ и монгольскихъ вѣнцовъ на Рамни-удлину. Эрмана. МЖ 41, 43, 45, 47, 52.
- Сказаніе о Пугачевѣ. Крумникова. Ж 51.

- Сказаніе Казанскаго кунца И. А. Сухорукова о пребываніи Пугачева въ Казани. Ж 44.
- Описаніе Казани. Второва. Ж 50.
- 1844. Царь Іоаннъ Васильевичъ, завоеватель Казани. Золотарева. МЖ 11—13.
- Граматы историческія и юридическія, до Казани относящіяся. МЖ 12, 13, 41, 45, 47, 50.
- Германъ, архимандритъ Спасскій и епископъ Казанскій. Ж 13.
- Нѣчто для исторіи Казани. Артемова. МЖ 15, 18, 20.
- Нѣсколько словъ объ обрѣтении мощей св. Гурія и Варсонофія. Ж 21.
- Моревое повѣтріе въ Казани и чуждѣ иконы Смоленской Богородицы, что въ Седмисерной пустыни. МЖ 27, 28.
- Описаніе Казани Олсариоу. МЖ 32, 34.
- Раифская пустынь. Ж 30.
- Состояніе Казани въ 1739 г. Пестрикова. МЖ 43, 44.
- 1845. Описаніе Казани Китайскимъ посольствомъ. МЖ 3, 5.
- Раифская пустынь Вакслова. МЖ 7, 8.
- Болгарскіе мученики Авраамій и Феодоръ. Ж 19.
- Листокъ изъ вѣнца Петра В. Ж 21.
- Преданіе о Зилантовой горѣ. Ж 22.

* Составленъ до 1850 г. по карточкамъ Н. Я. Агафоновъ, съ 1850 по 1860 по карточкамъ В. Д. Корсаковой.

- Описание Казани. Белля (1715, 1716, 1718 г.) № 26, 27.
- Посещение Казани Петромъ В. Артемьева. ММ 28—33.
- Определение времени путешествия Волжскихъ болгаръ въ Мекку. Его-же. № 49.
1846. Исторія Свиязска. Артемьева. ММ 5, 7, 8, 10.
- Писцовыя книги Свиязску и уѣзднымъ селамъ. № 9.
- Записанія на пути къ Свиязску.
- Рибушкина. № 27.
- Германъ, архимандритъ Свиязскій и епископъ Казанскій. Его-же. ММ 28, 29.
1847. Синодикъ Ивана Грознаго. № 2.
- Арскъ, Артемьева. ММ 9, 10.
1851. № 9. Памятникъ преданности вѣрн и царю. 1697. Грамата П. В. о дозволеніи нестронты въ Козмодемьянскѣ, согласно прошенію козмодемьянскихъ стрельцовъ, въ память побѣдъ надъ Азовомъ, часовню во имя Іоанна Предтечи.
- № 19. Свидѣнія о Казани 1739 г. (Извлеченіе изъ описанія, составленнаго Пестриковымъ).
- № 22. Тарханские ярлики, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству. Н. Березина.
- № 26. Военная служба и повинности Казанскихъ татаръ. Сообщено А. Ф. Россоловскимъ.
- Сундырская гора. С. Михайлова. (Ср. № 52. Еще о Сундырской горѣ его-же).
- Празднество трехсотлѣтія русской Казани.
- № 42. Дѣла Ядринской воеводской канцеляріи (съ предислов. Березина): I. 1674. Указъ царя Алек. Мих. въ Ядринъ, воеводѣ Феодору Семеновичу Готовцеву о розискѣ бѣглыхъ стрельцовъ и казаковъ Донской службы.
- № 43. II. 1673. Н. 21. Указъ царя Ал. М. тому-же воеводѣ о томъ-же.
- № 44. III. 1681. Указъ ц. Алек. Мих. въ Ядринъ столынику и воеводѣ Прохору Абакумовичу Левлеву о правильномъ сборѣ таможенной пошлины и кружечной (т. е. кабацкой) прибыли.
- № 47. IV. 1681. Указъ ц. Ал. Мих. тому-же воеводѣ о перенесеніи стрельцовъ, пушкарей, казаковъ, затинщиковъ и всѣхъ служилыхъ людей и татаръ и мордвы.
- № 50, V. 1673. Ф. 4. Грамата ц. Ал. Мих. въ Ядринъ воеводѣ Феодору Семеновичу Готовцеву о полученіи имъ, Государемъ 120 п. меду, присланнаго Готовцевомъ съ ядринскими воеводскими людьми и цѣловальниками.
- VI. 1673. О. 10. Указъ ц. Ал. Мих. тому-же воеводѣ, что ему была челомъ черемиска Сетичка деревни Ядрина, что она терпитъ притѣсненія отъ ядринскихъ, козмодемьянскихъ и чебоксарскихъ людей; повелѣвается оберегать ее.
1854. Мѣстныя древности. Три древнія граматы, хранящіяся въ ризницѣ Введенскаго собора г. Чебоксаръ.
- I. 1660. Указъ ц. Ал. Мих. воеводѣ Василію Влад. Голенищеву о выдачѣ протопопу Филиппу Павлову съ братіей выписи на домовыя крестьянъ, т. е. во время пожара въ 1659 г. сгорѣла соборная церковь и въ ней выписи, но кр. они владѣли крестьянами. № 2.
- II. 1661. Мр. 7. Указъ ц. Ал. Мих. въ Чебоксары воеводѣ Вас. Влад. Голенищеву о выдачѣ въ этомъ году и впредь увеличеннаго жалованья протоп. Ф. Павлову.
- III. 1677. Указъ ц. Феод. Алекс. о выдачѣ выписи протопопу Григорію на домовую вотчину съ крестьянами и ч. она сгорѣла во время пожара 1659 г. № 3.
- 1618. Указъ ц. Мих. Сеодоровича Нехорошему—Губастому вѣхать въ Свиязскъ и разузнать, дѣйствительно ли митрополитъ Казанскій Матей отнялъ у причта соборнаго въ Свиязскѣ вѣщичныя пошлыны. Розискъ. № 11, 12.
- О именованіи встарь Чувашъ-Татарами.
- 1689. Грамата ц. Петра и Іоанна Алекс. и царевн. Соф. Ал. на

- владѣніе Чувашами кинсарской волости, дер. Огучевой, угодысьи, называвшіяся Масловныи островомъ. № 13.
1639. Грамота ц. Петра и Іоанна Алекс. и царевны Соф. Ал. на владѣніе Чувашами Кинсарской волости дер. Огучевой, угодысьи, называвшіяся Масловныи островомъ. № 13.
1640. Грамота ц. Фед. Алек. къ Кохшайскій уѣздъ на владѣніе вотчинною Михайлу и Матвѣю Григ. Каширцевымъ, сынновымъ Гр. Каширцева, новокрещена, вѣщавшаго изъ Турскія земли въ 1648 г. на службу къ ц. Мих. Фед. съ сыномъ Соломъиъ Иротасевымъ. № 23.
1685. Выпись изъ Казанскаго двorca Черемисамъ разныхъ деревень Козмодемьянскаго у. утверждавшая за ними владѣніе земель, рыбными ловлями и другими угодыями. № 32. 1855.
1703. Челобитная посадскихъ людей г. Царвококшайска, чтобы низ дозволено было не ѣздить на смѣну цивилонъ въ Казань, Астрахань и др. города № 22.
1704. Грамота относительно порядка продажи табаку въ ясачныхъ деревняхъ Низоваго края. № 25.
1676. Рядная записъ Алатырца Григ. Андр. Кономова, желающаго жениться на вдовѣ Мар. Леонт. Катмшевой. № 33.
1731. Указъ Сибирскаго приказа относительно дороги для проѣзда изъ Тобольска въ Москву. № 39. 1856.
- Открытіе свѣжской провинціи въ 1720 г. А. Пунарева. № 7, 45.
- Распоряженія правительства о снабженіи продовольствіемъ низоваго корпуса, отправляющагося въ Персію при П. В. № 7, 11.
- Службы Козмодемьянскихъ С. Михайлова № 12, 13, 21, 22, 25—28.
- Хронолог. замѣтка для исторіи Каз. края. С. Михайлова. № 15.
- Какой видъ имѣла Казань въ XVI в? № 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46.
- Казанскіе Губернатори. Съ учрежденія губерніи до преобразованія ея Имп. Екат. II (1796—1780). А. Пунарева. № 47, 48. 1854.
- О богадѣльняхъ въ Казани въ XVIII в. А. Пунарева. № 1.
- По поводу дороговизны. Воспоминанія изъ стараго времени. № 10.
- Одинъ изъ Сивисковъ исторіи о Казанскомъ царствѣ. А. Пунарева. № 13, 15, 16, 18.
- Краткій очеркъ исторіи кожевеннаго производства въ Россіи и истор. свѣдѣнія о Казан. кожев. производствѣ. № 20, 22.
- Очеркъ расселенія русскаго племени изъ Царвококш. у. А. Пунарева. № 23.
- Старинное описаніе Ядрина. Муромцова. № 51. 1858.
- Древнее истор. описаніе г. Чебоксаръ. Сообщ. Служ. А. Кривовскій. № 17.
- Очеркъ расселенія русскаго племени въ Козмодемьянск. у. С. Михайлова. № 26, 27. 1859.
- Два грамоты о нералноиъ колоколовъ въ Казани (1700, 1401). № 1, 2. 1860.
- Воспоминанія о Пугачевщинѣ. С. Михайлова. № 28.
- Замѣтка къ біографіи А. П. Воллинскаго. О. С. № 42, 43.
- Два документа для біографіи А. П. Воллинскаго. А. Пунарева. № 47.

3) Этнографія.

1843. Татарскія свадьбы. Описаніе. № 48, 49.
- Обыкновеніе татаръ показывать своимъ жепъ гостямъ. Завадскаго. № 51.
1844. Татарскія женщины Фукесъ. № 1.
- Бытъ крестьянъ Каз. губ. Собова. № 6.
- Поѣздка къ Вотикамъ. Фукесъ. № 14, 16, 17, 19, 22, 24, 29.
- О религіозныхъ повѣртіяхъ учувашъ. Виншевскаго. № 28, 26, 27.

- О монгольских пѣсняхъ. А. П. № 35.
1845. Сабань—татарскій праздникъ. № 26.
- Холки. Сельскій праздникъ въ г. Каз. Артемьева. № 48.
1846. Нѣкоторые обряды и обычаи Чибокс. у. Артемьевъ. № 3
- Кереметь. № 20.
- О религіозныхъ повѣрхяхъ у чувашъ. №№ 23—25.
- О черной вѣрѣ или шаханствѣ у монголовъ. Дж. Банзаровъ*).
- Бѣлый мѣсяцъ—празднованіе новаго года у монголовъ. Егже № 30.
- Вотаки. Долынкъ. № 40.
1848. Очеркъ исторіи черемисъ. Артемьева. №№ 19, 21—24, 26, 30 (прод. 1849. №№ 36, 40, 51; 1850, №№ 3, 4, 7).
- Длиннъ. Татарскій праздникъ. № 26.
- Записки о чувашахъ. Сбоева. №№ 31, 32 (прод. 1849, №№ 10, 12, 16, 21, 27, 29, 30, 37, 42, 43, 45, 50, 52; 1852, №№ 44, 45, 49, 50).
- Обряды крестьянъ Царевкокш. у. №№ 39, 41.
- О повѣрхяхъ Царевкокшайск. крестьянъ. А. Гадеева. № 43.
- Статист. очеркъ Царевкокш. у. № 49.
1852. Татарскія сказанія. Пашиню. № 12.
- Болдранъ-базаръ въ Козмадемьянскѣ. С. Михайлова. № 21.
- Преданія чувашъ. Егже же. № 24, 25, 28.
- О музыкѣ чувашъ. Егже же. № 31.
- Качинскіе татары. Ки. Кострова. (съ предъ Борезина). № 32, 37, 39, 40.
- Чувашскія свадьбы. С. Михайлова. № 42, 43, 46—49.
- Татарскія сказанія. Валтію Вулгара Тимуровъ. Вагабова. № 43, 45.
1853. № 2—6. Тоже (продолженіе).
- О русскомъ нарѣчій въ Чистопольѣ. Сваци. Д. Воецкаго. № 1, 3, 8—11, 14, 17, 19—21, 23—25, 31, 33.
- Краткое этнографическое описаніе чувашъ. С. Михайлова. № 10—13, 15—20, 22.
- Пѣсни чувашъ. Егже же № 24, 25, 27.
- Качинскіе татары. Ки. Кострова. № 24, 28, 30, 32, 34, 36, 39, 40, 42, 44—48.
- Статист. описаніе Козмодем. у. С. Михайлова. № 24, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 45, 47, 50, 51 (оконч. въ 1854 № 40, 41).
- Казанскіе инородцы передъ памятникомъ Державину. С. Михайлова. № 35.
- Статистическое описаніе Царевок. у. 1852. № 41, 45, 46, 48, 49, 51, 52; 1853 № 5, 6, 13—15, 17, 19, 25—27, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 43, 49.
1854. Свадьба горныхъ черемисъ. Каз. губ. № 36, 37.
- Капустки, престолярныя игры въ Козмодемьянск. у. № 43—45.
- О битѣ крестьянъ въ Каз. губ. В. Сбоева. № 49, 51, 52. (прод. 1855—№ 4, 8, 11, 12, 16, 18, 20, 23, 24).
1857. Прасолъ и косишки въ г. Чистопольѣ и его уѣздѣ. № 3, 4.
- Масляница у горныхъ черемисъ. С. Михайлова. № 25, 28.
- Свадебные обряды русскихъ крестьянъ Царевкокш. у. № 32, 33, 42, 43, 47, 48.
1858. Статистическое обозрѣніе народонаселенія Царевкокш. у. по бывшимъ народн. перепискамъ. А. Пунарева, № 1.
- Народныя увеселенія и суевѣрія въ Царевкокшайскѣ. Ф. Колосова. № 28, 29.
- Народныя жилища. Изъ этнографич. записокъ о Царевок. у. № 32.
1859. Народныя религіозныя вѣрованія изъ этногр. записокъ о Царевок. у. А. Пунарева, № 15, 17

*) Статья эта вмѣстѣ съ другими сочиненіями Банзарова издава на 1891 отдѣльно въ Петербургѣ подъ ред. Г. Н. Потанина.

- 4) Статьи смешаннаго содержания.
1855. Описание некоторых замѣчательныхъ селеній Чистог. у. Село Архангельское Седелькино то же, С. Мельникова. № 42, 45 (Доп. 1856, в 24).
1856. Село Рождественское, Янаши тожь, С. Мельникова. № 29, 30.
 — Село Богородское—Урачьна то же. Его же. № 35, 37.
 — Село Покровское—Большая Толба тожь, Тетюш. у. № 38, 39.
 — Село Никольское—большое Фролово тожь, Тетюш. у. С. Мельникова. № 50, 51.
1857. Село Ишаки въ Козмод. у. С. Михайлова. № 10—12.
 — Историко-статистическое описание С. Владимірскаго-Басурнамова въ Козмод. у. С. Михайлова. № 36—38.
 — Село Троицкое-Свѣево въ Тетюш. у. С. Мельникова. № 39—41.
1858. Село Чекеево въ Ядри. у. С. Михайлова. № 6, 8, 9.
 Замѣчательныя селенія по волгѣ въ пределахъ Казанской губерніи:
 I. Село Никольское—Гризнаха. Деревни Уружь и Волосникова. С. Мельникова. № 11.
 II. Деревни Пролой-Кана и Макаровка. Его же. № 13.
 III. Село Никольское-Полянки. Его же. № 14.
 IV. Деревни Арчиловка и Валниерь. Его же. № 15.
 V. Богородицкій рынокъ. Дер. Волконка. С. Мельникова. № 2.
 VI. Поташный заводъ, дер. Лобышка. Его же. № 4, 5 (Щебра). Царевкокшайское кладбище. Ф. Колосова. № 6 и 7.
 VII. Чертыкъ и Воложка. Дер. Тенишева. С. Мельникова. № 8.
 VIII. Село Рождественское. Двѣ пещеры на берегу Волги. Село Кирельское. № 9.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ.

ДВУНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Правительственные распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденція «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетоны: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Слѣсъ. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императрицы и Фамилій, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ перес. иногородн.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-Издатель **А. А. Іозефовичъ**

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ. — Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Улекъ. — Описание русскихъ монетъ кллада 4 сентября 1878 г. В. К. Савельева и Н. А. Толмачева. — О некоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. Д. А. Корсакова. — Забѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Изюмова. — О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ Болгарахъ. В. П. Васильева. К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. — Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Спаш. П. Финагорскаго. — Объ историческомъ значеніи библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владимірова. — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Биларска. М. П. Аристовъ. — Забѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Изюмова. — Забѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Биларь-Озеро. В. А. Казарнинова. — Описание части кллада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. Ф. Лихачева. — Забѣтка о характерномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. П. Д. Шестакова. — Въсколькo словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Амавиной. Ею же. — Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. В. К. Савельева. — Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Селгилея Сиб. губ. М. И. Изюмова. — О старинномъ кладбищѣ близъ с. Вязикорскаго Вят. губ. А. Рязанцева. — Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эдинна Ибн Шарафъ-Эдинна. П. Д. Шестакова. — Видержка изъ архива Влѣбужскаго духовнаго Правленія. Ею же. — Описание доподлинной лекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Улека. В. К. Савельева. — Описание чуждскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. — Бытъ Вотьяковъ Саранульскаго уѣзда. В. Котурникова. — Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. П. А. Пономарева. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. Н. А. и Э. О. М. Шинделскаго. — Лингвистическая забѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Меркванъ. Н. П. Золотницкаго. — По поводу сообщенія Н. П. Золотницкаго. П. Д. Шестакова. — Забѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. Н. А. Изюмова. — Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Биларскѣ. Ею же. — Описание Биларскихъ и Баранскаго городищъ. В. А. Казарнинова. — Забѣтка о Калиныгахъ Астрахан. губерніи. П. Смирнова. — Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) В. К. Мининскаго. — О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой П. Н. Кротова. — У Вотьяковъ Влѣбужскаго уѣзда. Г. П. Потанина. — Изъ горючихъ забѣтокъ во время этногр. экскурсіи. С. К. Кузнецова. — О Чалышскихъ городищѣ. А. М. Зайцева. — Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. Е. Т. Соловьева. — Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. М. А. Арзамасова. — Остатки древности въ с. Улекѣ. Г. С. Савлукова. — Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. П. А. Пономаревъ. — Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. С. К. Кузнецова. — Забѣтки о вышенномъ раскопкахъ. А. А. Штукенберга. — Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Шена г.) Д. В. Намечко. — Описаніе рус. сер. конфекъ изъ кллада 1881 г. В. К. Савельева. — Описаніе двухъ колѣкцій Джуч. монетъ пожерт. обществу. Ею же. — Описаніе кллада золотого

ордынских монетъ, найденнаго въ 1891 г. *Н. П. Заноскина*.—Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*.—Замѣтка по поводу сообщенія Г. П. Потанина; у Вотяковъ Глабужек. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1894. Ц. 2 р. 50 к.

Т. XV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія. — Духовная В. И. Татищева. — О Мишаряхъ чистот. уѣзда В. А. Казаринова. — Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*. К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг. — Скипскій слѣдъ на билирской почвѣ. *А. Ѳ. Лизачева*. — Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Сибьск. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г. — Стншки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Ланшевскаго у. *С. Б. Рябинскаго*. — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго*. — Къ Археологич. Урала. *А. М. Зайцева*. — Нѣсколько словъ о русскомъ влияніи машинородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *Н. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго*. — Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгаръ». *В. А. Казаринова*. — Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Стншкова*. — Незданныя грамоты изъ воюсскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. — Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья. Яранск. у.). Слнш. *А. Д. Жилина*. — Обычай колядованія въ Сибирской губерніи. *М. Извоикова*. — Библиографъ замѣтъ о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещегинимъ. *В. В. Качановскаго*. — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Изслѣдованія о парѣчяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске*. — Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго*. — Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. — Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. — Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорокина*. — Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ *Н. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1889—90 г. — Письмо Стншки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. Н. Соколова*. — Отчетъ Общ. А. Н. и Э. за 1889—90 г. — Слнсокъ членовъ Общ. А. Н. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Комиссіи 1767 г. *Н. Н. Ойрсова*. — Памяти Н. Д. Шестакова. *Н. А. Ойрсова*. — Толковая икона села Царидина (съ фотографіей). *Н. В. Сорокина*. — Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова*. — Прихи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*. — Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. Н. Соколова*. — Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинсина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермь. Историко-этнографическій очеркъ *Н. Н. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А. Н. и Э. за 1890—91 г. — Слнсокъ членовъ. — Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровнискаго. *Р. А. Неллидовой*. — Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ. Казань. 1884—91 г. Цѣна первому тому 7 р., второму вмѣстѣ съ атласомъ 10 р., за оба тома вмѣстѣ—12 р.

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколн Сѣзда.—Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологій, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсаковъ*.—⁰ русскихъ древнестяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *Н. Н. Ореванская*.—⁰Пѣкаторыя данія о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Казачковъ*.—⁰ задачахъ корреспондентовъ археолог. сѣздовъ. *А. С. Гацискаго*.—⁰ потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *І. Р. Асмамова*.—⁰ нѣкоторыхъ химическихъ измѣненій въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ *Н. М. Гоодова*.—⁰ раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлянд. губ. — ⁰ желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Гусиника*. *Каменные орудія и бронзовыя вещи изъ Иечерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга*.—⁰ каменныхъ орудій изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Полианова*.—⁰ раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго*.—⁰ древнѣхъ кладбищъ у Юрданской церкви въ Кіевѣ. *В. А. Антоновича*.—⁰ похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Еюже*.—⁰ городищъ Черниг. у. *Н. А. Константиновича*.—⁰ древнихъ могилахъ Мхетин. *В. Т. Тизенгаузена*.—Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева*.—Майское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Полианова*.—Курганы въ окрестн. г. Екатеринбург. Перм. губ. *М. В. Малахова*.—⁰ земли, наспни недалеко отъ впаденія р. Ватки въ Каму. *Н. Саевскаго*.—⁰Нѣкоторые остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина*.—⁰ пещерахъ каменн. вѣка на сред. течен. р. Дятра *В. Б. Антоновича*.—⁰ валахъ на территории др. Кіев, княж. *Еюже*. *⁰ древнѣхъ г. Маджаръ. *П. Д. Шестакова*.—*Городъ Булгаръ.—*С. М. Шниавскаго*.—Гдѣ искать потомковъ Маджаръ, бывшихъ за русск. въ 1551 г. *А. Θ. Можаровскаго*.—*Очеркъ исторіи Волгарск. и Казанск. царства. *Мулла Шихабъ-уд-дуна Бага-уд-динова* (перев. *В. В. Раилова* и подлинникъ). *Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. І. Заринскаго*.—⁰ сохранившихся преданій по поводу мѣсти, названій Каз. и смежн. губ. *Н. А. Изюмова*.—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадин. у. *Еюже*.—⁰ личныхъ инородческихъ именованій. *Еюже*.—Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. Н. Золотницкою*.—⁰ селеній изъ назван. «старханъ». *Еюже*.—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава*.—Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV сѣзда. *Д. А. Корсаковъ*.—⁰ старомъ и новомъ городахъ въ Н.-Новгородѣ. *П. Н. Мельникова*.—Селитрянный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Заюскаина*.—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи Кн. *Н. А. Кострова*.—Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Еюже*.—Нѣкоторыя данія по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. Н. Пуб. библиотеки. *А. Я. Гаркави*.—Кто были 4 тюрк. племени, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна*.—Программа по предм. «исторія и теорія искусства». *П. В. Павлова*.—⁰ городахъ Маджаръ и Булгаръ по монетамъ. *В. К. Саевскаго*.—⁰ монетахъ Владиміра Святого. *Д. П. Прозоровскаго*.—Объ отдѣлн. бунѣ на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. В. Песурска*.—⁰ загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Θ. Лиласова*.—⁰ др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстою*. Казань. 1884. Цѣна 7 р.

Содержаніе II тома: О характерѣ власти волжск. князей. *К. Н. Бестужевъ-Люмина*.—Слѣды церкви, братствъ въ вост. Малороссіи. *Н. А. Орбеницкаго*.—⁰ старинныхъ рукописяхъ въ Сибирск. Карамзинск. библиотекѣ. *П. Я. Христофорова*.—Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. Я. Марксевича*.—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ *В. Н. Витовскаго*.—⁰ народныхъ празднечкахъ въ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристовъ*.—⁰ предметахъ крещенныхъ Татаръ. *П. М. Софійскаго*.—*Новѣрья, обряды и обычаи Волжскихъ Мамадъ у. *Б. Г. Гаерилова*.—⁰ старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. *Л. Н. Майкова*.—Свѣдѣнія о рукописяхъ Н. Пуб. Библиот. содерж. народныхъ пѣсенъ. *А. Θ. Бычкова*.—Объ «обличеніи на Солонецкую челоубитную» *Ю. Крижанкича*. *П. М. Добротворскаго*.—⁰ раскольничьей рукоп.

конца XVIII в. *И. С. Некрасова*. — «Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Асоиѣ». *И. П. Петрова*. — О Родонскомъ открыт. и *С. Верковича*. (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ). — О Соловецк. библиотекѣ *И. Я. Порфирьева*. — Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Ею-же*. — Объ упрекѣхъ мои. Нила Курлятевыхъ въ незнаніи митр. Кипріяномъ греческ. и нашего яз при исправленіи неалтири. *Арх. Амфилозія*. — Гдѣ книги, писан. зыряи. и черм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова*. — О вліаніи русскаго яз. на пнородческіе. *Ею-же*. — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави*. — *Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева*. — *О старой чувашской вѣрѣ. *И. П. Золотницкаго*. — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. П. Вишевскаго*. — *Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Им. Дѣль и его библиотекѣ. *И. О. Токамова*. — Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. — Атласъ къ Трудамъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. съ атласомъ 10 р. За оба тома вмѣстѣ ц. 12 р.

2) Архивъ кн. В. И. Баяшева. Разобранъ и приготоуленъ къ издачію проф. *И. П. Загоскинымъ*. К. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексія Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя *С. М. Шинлевскимъ*, *П. Д. Шестаковымъ* и *Д. А. Корсаковымъ*. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Криткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. *И. П. Смирнова*. К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическаго съѣзда. *Ею-же*. К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ издачія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Вахнакова*, въ С.-Петербургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

Въключеніе отъ Общества за пересылку не платятъ.